

ISSN 2413-2004

ВАЗОРАТИ МАОРИФ ВА ИЛМИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон

МАҶАЛЛАИ ИЛМӢ-НАЗАРИЯВИИ
«АХБОРИ ДДҲБСТ»

Силсилаи илмҳои гуманитарӣ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК ТГУПБП»

Серия гуманитарных наук

EDUCATION AND SCIENCE MINISTRY OF TAJIKISTAN REPUBLIC
Tajik State University of Law, Business and Politics

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL
“BULLETIN OF TSULBP”

Series of Humanitarian Sciences

№2 (67), 2016

Хучанд – Khujand

Маҷаллаи «Ахбори ДДХБСТ» аз соли 2000 на кам аз 4 маротиба бо забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад.

Маҷалла аз июни соли 2011 ба Рӯйхати маҷаллаҳо ва нашриёҳои илмӣ нешбар, ки ҷони муҳимтарин дастовардҳои илмӣ рисолаҳо барои дарёфти унвонҳои номзад ва докторони илм дар онҳо ҳатмӣ мебошад, дохил шудааст. Аз моҳи июни соли 2016 маҷалла дар Рӯйхати нашриёҳои КОА-и ВМ ва И ФР бознавис шудааст.

ҲАЙЪАТИ ТАҲРИР

Азимова М.Н., доктори илмҳои филология, профессор; Зоҳидов О.Х. доктори илмҳои фалсафа, профессор; Исомитдинов Ж.Б., номзоди илмҳои таърих, дотсент; Раҳимов И. доктори илмҳои филология, профессор; Раҳимов Н.Т., доктори илмҳои таърих, профессор; Самадова Р.О., доктори илмҳои филология, профессор; Сулаймонов О.Ш, номзоди илмҳои филология, котиби масъул; Султонов Ш.М., доктори илмҳои таърих, профессор; Турсунов Н.О., доктори илмҳои таърих, профессор; Усмонов Р.А., доктори илмҳои филология, профессор; Ҳасанов А.А., доктори илмҳои филология, профессор; Шокиров Т.С., доктори илмҳои филология, профессор.

Журнал «Вестник ТГУПБП» основан в 2000 году, выходит не менее четырёх раз в год на таджикском, русском и английском языках

*Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан
(Свидетельство №0233/МЧ от 18.08.2015)*

С июня 2011 г. журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. С июня 2016 года журнал перерегистрирован в Перечне изданий ВАК МОН РФ.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Главный редактор: Джуразода Д.Х., доктор исторических наук, профессор
Зам. главного редактора: Гиясов Н.И., кандидат филологических наук, доцент
Азимова М.Н., доктор филологических наук, профессор; Захидов О.Х., доктор философских наук, профессор; Исамитдинов Ж.Б., кандидат исторических наук, доцент; Рахимов И., доктор филологических наук, профессор; Рахимов Н.Т., доктор исторических наук, профессор; Самадова Р.О., доктор филологических наук, профессор; Сулейманов О.Ш., кандидат филологических наук, ответственный секретарь; Султанов Ш.М., доктор исторических наук, профессор; Турсунов Н.О., доктор исторических наук, профессор; Усманов Р.А., доктор филологических наук, профессор; Хасанов А.А., доктор филологических наук, профессор; Шокиров Т.С., доктор филологических наук, профессор.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: Сайфуллаев А.С., доктор филологических наук, профессор ТГУПБП (Худжанд); зам. председателя: Мирбобоев А.К., доктор исторических наук, профессор ХГУ им. акад. Б.Гафурова (Худжанд); зам. председателя по международным связям: Джураев А.Х., кандидат философских наук, доцент ТГУПБП (Худжанд); Захидов Н.Ш., доктор филологических наук, профессор (Душанбе); Ибрагим Худоёр, доктор филологических наук (Исламская Республика Иран); Олимов К.О., академик АН РТ, доктор философских наук, профессор (Душанбе); Орехов А.М., доктор философских наук, доцент (Москва); Пирумишоев Х.П., доктор исторических наук, профессор (Душанбе); Салимов Н.Ю., академик АН РТ, доктор филологических наук, профессор (Душанбе);

© ТГУПБП, 2016

The journal "Bulletin of TSULBP" based in 2000 is issued no less than 4 times a year in Tajik, Russian and English

*The journal is registered in the Ministry of Culture of Tajikistan Republic
(Licence №0233/ MJ from 18.08.2015)*

Since June 2011 the journal is included into the Inventory of leading scientific journals and editions under review; major scientific results presented in dissertations aspiring for Doctor's or Candidate's degree being bound to be published in the present periodical. In June 2016 the journal has been reregistered in the Inventory of the editions under the auspices of RF Ministry of Education and Science Higher Attestation Commission (RFMES HAC)

The journal is included into the Russian index of scientific citing (RISC)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: *Jurazoda J.Kh., Dr. of History, Professor*

Vice-editor-in-chief: *Ghiyasov N.I., Candidate of Philology, Associate Professor*

Azimova M.N., Dr. of Philology, Professor; Zahidov O.H., Dr. of philosophy, Professor; Isomitdinov J.B., Candidate of History; Rakhimov I., Dr. of Philology, Professor; Rahimov N.T., Dr. of History, Professor; Samadova R.A., Dr. of Philology, Professor; Suleimanov O.Sh., Candidate of Philology, Responsible Secretary; Sultonov Sh.M., Dr. of History, Professor; Tursunov N.O., Dr. of History, Professor; Usmonov R.A., Dr. of Philology, Professor; Hasanov A.A., Dr. of Philology, Professor; Shokirov T.S., Dr. of Philology, Professor.

EDITORIAL COUNCIL

Chairman: *Sayfulloyev A.S., Dr. of Philology, Professor of TSULBP (Khujand); Vice-chairman:* *Mirboboyev A.K., Dr. of History, Professor of KSU named after acad. B. Gafurov (Khujand); Vice-chairman in reference to the International relations:* *Jurayev A.Kh., candidate of philosophical sciences, Associate Professor of TSULBP (Khujand);*

Zahidov N.Sh., Dr. of Philology, Professor (Dushanbe); Ibrohim Khudoyor, Doctor of Philology (Islamic Iran Republic); Olimov K.O., academician of RT, Dr. of Philosophy, Professor (Dushanbe); Orekhov A.M., Dr. of Philosophy, Associate Professor (Moscow); Pirumshoyev Kh. P., Dr. of History, Professor (Dushanbe); Salimov N.U., academician of RT, Dr. of Philology, Professor (Dushanbe).

© TSULBP, 2016

07 00 00 ИЛМҲОИ ТАЪРИХ ва АРХЕОЛОГИЯ
07 00 00 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ и АРХЕОЛОГИЯ
07 00 00 HISTORICAL SCIENCES and ARCHEOLOGY

07 00 02 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
07 00 02 HOME HISTORY

УДК 94 (575.3)
ББК 63.3 (2Тад)64

АЗ ТАЪРИХИ ТАШАККУЛ ВА
ГУСТАРИШИ БАРОДАРШАҲРӢ
БАӢНИ ШАҲРҲОИ ТОҶИКИСТОНУ
РУСИЯ

Исомитдинов Жорабек Бобобекович,
номзади илмҳои таърих, дотсент, мудири
кафедраи таърихи халқи тоҷики ДДҲБСТ
(Тоҷикистон, Хуҷанд)

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ПОБРАТИМСТВА
МЕЖДУ ГОРОДАМИ
ТАДЖИКИСТАНА И РОССИИ

Исомитдинов Жорабек Бобобекович,
к.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории
таджикского народа ТГУПБП
(Таджикистан, Худжанд)

FROM THE HISTORY OF
FORMATION AND DEVELOPMENT
OF SISTERHOOD BETWEEN THE
CITIES OF TAJIKISTAN AND RUSSIA

Isomitdinov Zhorabek Bobobekovich,
candidate of historical sciences, Associate
Professor, chief of the department of the history
of the Tajik nation under the faculty of politology
and international relations of the Tajik State
University of Law, Business and Politics
(Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: Isomatdinov1961@mail.ru

Ключевые слова: *побратимство, сотрудничество, международные связи, город, партнерство, развитие*

Целью статьи является показ истории становления и развития побратимства городов Таджикистана и России в постсоветский период. В работе раскрыта сущность феномена побратимства-установления дружественных связей между городами разных стран. На примере феномена городов-побратимов анализируются формы существования культурно-социальных практик в пространстве города. Побратимство рассматривается как социальная практика, обладающая ресурсным

потенциалом для города и его жителей. Изучаются основные моменты в сотрудничестве городов-побратимов – Душанбе и Санкт-Петербурга, Худжанда и Оренбурга, Бустана (Чкаловска) и Снежинска и других. Констатируется, что партнерские отношения между некоторыми городами Таджикистана стали активно развиваться сравнительно недавно, а именно начиная с 90-х гг. XX в.

Key words: sisterhood, collaboration, international relations, city, partnership, development

The goal of the research is showing the history of formation and development of sisterhood between the cities of Tajikistan and Russia in the post-Soviet period. The author of the article discloses the essence of sisterhood-establishment phenomenon in reference to friendly ties between the cities of various counties. On the example of the cities sisterhood phenomenon the author analyzes the forms of cultural-social practices in the space of a city. The issue in question dwells on a social practice possessing resources of potential for the city and its inhabitants. In his article the author canvasses the main moments in regard to collaboration of sister-cities: Dushanbe and Saint-Petersburg, Khujand and Orenburg, Bustan (Chkalovsk) and Snezhinsk and etc. It is stated that partnerships between certain cities of Tajikistan have been actively developed comparatively recently, and namely - beginning with the 90-th of the XX-th century.

Бародаршаҳрӣ байни шаҳрҳои давлатҳои мухталиф бо мақсади барқарор кардани робитаҳои доимии дӯстона ба роҳ монда мешавад. Ин падидаи муҳим дар низоми муносибатҳои байналхалқӣ нақши созанда дорад. Бародаршаҳрӣ ҳамкориҳои ду шаҳри ба ҳам дӯст буда, дар соҳаҳои иқтисодиёт, фарҳанг, варзиш ва ғайра амалӣ мегардад. Бародаршаҳрӣ инчунин дар шаклҳои мубодилаи вакилону намоёндогони ҳокимияти маҳаллӣ, ҷомеаҳои бадеӣ ва варзишӣ, ташкили намоишҳо, чорабиниҳои адабӣ, намоиши кинофилмҳо ва амсоли онҳо баръало зоҳир мешавад. Бародаршаҳрӣ ҳамчун падидаи фарҳангиву иҷтимоӣ ҳадафҳои зеринро пиёда мекунад: барқарор намудани ҳамкориҳои иқтисодии байни шаҳрҳо, боло рафтани таваҷҷӯҳи бошандагони шаҳрҳо ба гузаштаи фарҳангиву таърихӣ, мустаҳкам намудани таҳаммулпазирӣ нисбат ба фарҳанги ҳамдигар, тағйир додани фазои иҷтимоии шаҳрҳо ва фароҳам овардани имкониятҳои ҷадид барои аъзои иттиҳод. Ба воситаи бародаршаҳрӣ шаҳрҳо дар арсаи ҷаҳонӣ аз мавҷудияти худ хабар медиҳанд ва иштирокдори раванди умумии ҷаҳонишавӣ мегарданд.

Бо шарофати бародаршаҳрӣ ҷозибияти шаҳрҳо боло рафта, шароит барои ҷалби сармоягузoron фароҳам меояд, соҳибкорӣ рушд мекунад, дар натиҷа ҷойҳои нави корӣ пайдо мешаванд. Ба шарофати бародаршаҳрӣ лоиҳаҳо дар соҳаи тандурустӣ, маориф, хизматрасонӣ, истироҳату фароғат қабул ва амалӣ мегарданд. Бародаршаҳрӣ ба ҷараёнҳои муҳоҷират, демографӣ, муносибатҳои байни миллатҳо таъсир мерасонад.

Барқарор гардидани бародаршаҳрии Волгоград ва Ковентри (Англия) дар соли 1943 нахустин таҷриба дар самти барпо намудани бародарӣ байни шаҳрҳо дар даврони Иттиҳоди Шӯравӣ ба шумор меравад. Андешаи ба роҳ мондани бародаршаҳрӣ байни ин шаҳрҳо аз он ба миён омад, ки ҳам Волгоград ва ҳам Ковентри нисбат ба дигар шаҳрҳо ба майдони ҷанг кашидашуда, бештар ба вайрона табдил ёфта буданд (1).

Харакати бародаршаҳрӣ дар ҷаҳон баъди ба итмом расидани Ҷанги дуҷониба ҷаҳон густариш ёфтааст. Одамон ва халқиятҳо низою бадбиниро аз худ дур намуда

кӯшиш ба харч доданд, ки дӯстиву рафокат байни ҳам барқарор намоянд, ҳамдигарро хубтару бештар донанд. Ба ин маънӣ метавон гуфт, ки бародаршаҳрӣ маҳз дар заминаи дипломатияи мардумӣ ба вучуд омад.

Аз гуфтаҳои боло маълум мегардад, ки ҳаракати бародаршаҳрӣ падидаи нав дар низоми муносибатҳои байналхалқӣ ба шумор меравад. Баъди хотимаёбии Ҷанги дуҷуми ҷаҳон бо талаби президенти Амрико Д. Эйзенхауэр ҳукумати ИМА аз ниҳодҳои ҳокимияти маҳаллӣ талаб карданд, ки шаҳрвандони одиро ба ҳар гуна лоиҳаҳои байналхалқӣ, аз ҷумла ба роҳ мондани «пулҳои дӯстӣ» байни шаҳрҳои дигар давлатҳо ҷалб намоянд. Ин фаъолияти ҳукуматҳои маҳаллӣ, созмонҳои ҷамъиятии ғайридавлатӣ ва шаҳрвандон ба ташкили робитаҳои бародаршаҳрӣ байни шаҳрҳои ИМА ва дигар давлатҳо мусоидат намуд. (8, с.38).

Моҳи апрели соли 1957 намояндагони бародаршаҳрҳо ташкилоти бонуфуз - Федератсияи байналхалқии бародаршаҳрҳо созмон доданд. Алҳол ба ин Федератсия беш аз 6500 шаҳр аз 160 мамлакати ҷаҳон шомиланд. Бошишгоҳи марказии ташкилоти мазкур дар шаҳри Париж воқеъ мебошад (9).

Дар доираи ИДМ - Иттиҳоди давлатҳои мустақил аз моҳи декабри соли 1991 сохтори нави ҷамъиятӣ таҳти унвони Ассотсиатсияи байналхалқии «Бародаршаҳрҳо» фаъолият мебарад. Ин созмон дар доираи собиқ ҷумҳуриҳои ИҶШС амал намуда, дар самти ҳамоҳанг намудани робитаҳои шаҳрҳо машғул аст.

Омилҳои барқарор намудани бародаршаҳрӣ байни шаҳрҳои мухталифи ҷаҳон инҳоянд: 1) манфиатҳо дар сиёсати хориҷии давлатҳо; 2) манфиатҳои сиёсии хизбҳои амалкунанда, муборизаи байниҳизбӣ дар дар доираи минтақаҳои алоҳида доир ба масъалаи сиёсати хориҷӣ; 3) аз ҷониби сарварони шаҳрҳо дарк гардидани зарурати барпо намудани робитаҳои байнишаҳрӣ, новобаста аз мавҷудияти баъзе муаммоҳои байнидавлатӣ; 4) аксияҳои гуманитарӣ; 5) кӯшиши шаҳрҳо барои баланд бардоштани обрӯву нуфузи хеш дар арсаи байналхалқӣ (7, с.58).

Дар шароити кунунии ҷаҳонишавӣ робитаҳои байнишаҳрии давлатҳои мухталиф аҳамияти хоса касб мекунад, зеро ин падида боиси афзудани нуфузи байналхалқии шаҳрҳо мегардад. Ҳаракати бародаршаҳрӣ ба сифати механизми аввалиндараҷаи ба роҳ мондани дипломатияи шаҳрҳо маҳсуб ёфта, дар ташкили робитаҳо дар соҳаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ, фарҳангӣ, маорифу тандурустӣ нақши муҳим мебозад. Робитаҳои бародаршаҳрӣ имконияти васеи гирифтани иттилоот, омӯхтани таҷриба, андешаву ғояҳоро фароҳам меоварад, ба низоми идоракунии таъсир мекунад ва барои рушди иқтисодиёти шаҳрҳо мусоидат мекунад.

Таҷрибаи бародаршаҳрии давлатҳои ҷаҳон собит мекунад, ки бародаршаҳрӣ 1) ҳамчун мубодилаи фарҳангӣ, 2) ҳамчун робитаи иқтисодӣ ва 3) ҳамчун нигоҳ доштани робитаҳои таърихӣ маънидод мегардад. Барои аксарияти шаҳрҳои робитаҳои иқтисодӣ ва фарҳангӣ баҳри барқарор кардани робитаҳои бародаршаҳрӣ асос гаштанд. Барқарор кардани робитаҳои бародаршаҳрӣ байни шаҳрҳое, ки тақдири таърихашон бо ҳамдигар алоқамандӣ ё монандӣ дорад, хеле осон амалӣ мешавад.

Ҳамкорӣҳои байни бародаршаҳрҳо аз дигар робитаҳои байни шаҳрҳо фарқ мекунанд. Моҳиятан, робитаҳои бародаршаҳрӣ низоми озодаи ҳамкорӣ мебошад ва ҳар як шаҳр онро мустақилона ҳаллу фасл менамояд. Бародаршаҳрҳо дар алоҳидагӣ метавонанд самтҳои робитаашонро муайян намоянд, зеро ташкили робитаҳо аз мақсадҳо, манфиатҳо ва захираҳои ҳар як шаҳр вобастагии қавӣ дорад.

Баъди соҳибистиклол гаштани Тоҷикистон барои шаҳрҳои ҷумҳурии имкониятҳои бештаре баҳри барқарор намудани робитаҳо бо шаҳрҳои мамлакатҳои хориҷӣ фароҳам омаданд. Пеш аз ҳама, шаҳри Душанбе бо шаҳрҳои мухталифи ҷаҳон риштаҳои бародаршаҳриро барпо мекунад. Пойтахти Тоҷикистон - Душанбе алҳол бо 17 шаҳрҳои ҷаҳон: Анкара (Туркия) Боулдер (ИМА), Клагенфурт (Австрия), Лаҳор (Покистон), Лусака (Замбия), Мазори Шариф (Афғонистан), Минск (Беларус), Монастир (Тунис), Ройтлинген (Олмон), Техрон ва Шероз (Эрон), Санъо (Яман), Санкт-Петербург (Россия), Урумчи ва Сёмин (Хитой) шартномаҳои ҳамкориҳои бародаршаҳриро ба имзо расонидааст. Инчунин шаҳри Душанбе бо 2 шаҳри Русия – Москва и Саратов робитаи шарикӣ барқарор намудааст.

Бояд таъкид намуд, ки Тоҷикистон ҳамкориҳои васеъро бо давлатҳои хориҷӣ, алаҳусус бо кишвари Русия ба роҳ мондааст, зеро Русия барои Тоҷикистон ҳамкори асосии стратегӣ маҳсуб меёбад. Дар баробари робитаҳои густурдаи сиёсӣ, иҷтимоиву иқтисодӣ ва фарҳангии байнидавлатӣ, инчунин робитаҳои байниминтақавӣ низ ба роҳ монда шудаанд. Дар ин самт ташкили ҳамкориҳои бародаршаҳрӣ байни шаҳрҳои алоҳидаи ин ду кишвари бародар дар густариши робитаҳо нақши муҳим мебозанд. Бояд зикр намуд, ки Санкт-Петербург яке аз аввалин бародаршаҳрҳои Душанбе ба шумор рафта, созишнома байни ин шаҳрҳо санаи 6 октябри соли 1991 ба имзо расидааст.

Бо вуҷуди он ки соли 1918 ҳукумати шӯравӣ пойтахтро аз Санкт-Петербург ба Москва кӯчонид, нақши шаҳр дар сиёсат, иқтисодиёт ва ҳаёти фарҳангии Русия ва ҷаҳон коста нагардид.

Имрӯз дар ин шаҳр 221 музей, 2000 китобхона, беш аз 80 театр, 100 муассисаҳои концертӣ, 45 нигоришсаро (галереяҳо) ва толорҳои намоиш, 62 кинотеатр, 80 клубҳои фарҳангӣ ва ғ. ғаёлият доранд. Ҳамасола дар шаҳр наздик 100 фестивалу озмунҳои ватаниву хориҷӣ дар самтҳои мухталифи фарҳангу санъат баргузор мегарданд.

Барои ҳамин ҳам байни Душанбеву Санкт-Петербург баъди ба имзо расидани Созишномаи бародаршаҳрӣ робитаҳои дӯстона бештар дар самти фарҳанг ба роҳ монда шудаанд. Аз ҷумла, моҳи ноябри соли 2014 рӯзҳои Санкт-Петербург дар пойтахти Тоҷикистон - шаҳри Душанбе баргузор гардид. Дар ҷорабиниҳо бахшида ба рӯзҳои Санкт-Петербург дар Душанбе намояндагони соҳаи тичорату соҳибдорӣ, аҳли фарҳанг ширкат доштанд. Дар ҷорабиниҳо ҳуди раиси шаҳри Санкт Петербург Георгий Полтавченко иштирок намуд. Аз ҷумла ӯ аз мактаби таҳсилоти умумии №92 шаҳри Душанбе, ки дар он таҳсил бо забони русӣ сурат мегирад, دیدан кард ва ба мактаб тӯҳфаҳо – техникаи компютерию мултимедиа, филмҳои таълимӣ, китобҳои таълимӣ ҳадя намуд (2). Дар доираи Рӯзҳои Санкт-Петербург дар шаҳри Душанбе концерти устодони санъати ду шаҳр, ҷорабиниҳои фарҳангӣ, аз ҷумла намоиши асарҳои эҷодии расоми тоҷиктабори Санкт-Петербург Матлуба Яхёева дар мачмааи «Душанбе плаза» баргузор гаштанд (2).

Ба ғайр аз Душанбе дигар шаҳрҳои Тоҷикистон низ бо шаҳрҳои алоҳидаи Федератсияи Русия робитаҳои бародаршаҳрӣ барпо кардаанд. Ҷунонҷӣ, Хучанд бо Оренбург, Бӯстон (собиқ Чкалов) бо Снежинск, Гулистон (собиқ Қайроққум) бо Димитровград, Кӯлоб бо Воронеж робитаи дӯстиву бародарӣ барпо намудаанд. Инчунин шаҳрҳои Тоҷикистон бо бархе аз воҳидҳои маъмурии Федератсияи Русия шартномаҳои рушди тичоративу иқтисодӣ ба имзо расонидааст. Ҷунонҷӣ, шаҳри Хучанд бо Сургут (аз 12. 09. 1993), Волгоград (аз 10.06.1998), ноҳияи Киеви ш. Москва (аз 04.03.1993), бо ш. Энгелси вилояти Саратов (аз 04.04.2001), бо ноҳияи

Краснопресненский ш. Москва (аз 02.09.01993), бо Уст-Илимск (аз 28.02.1992) шартномаи дутарафаи ҳамкориҳои тичоративу иқтисодӣ ба тасвиб расонидааст (5).

Ба роҳ мондани алоқаҳои бародаршаҳрӣ тавассути маъмурияти минтақаҳо, соҳибқорони маҳаллӣ, иттиҳодияҳои ҷамъиятии минтақаҳо имконият медиҳанд, ки «дипломатияи мардумӣ» густариш ёбад. Танҳо як соҳаи туризм ва ташкили оқилонаи он метавонад муҳимтарин масъалаҳоро дар ин самт ҳаллу фасл намояд.

Моҳи июни соли 1998 шартнома оид ба ҳамкориҳои тичоративу иқтисодӣ, илмиву техникӣ ва фарҳангӣ байни шаҳрҳои Снежински Русия ва Чкалов (алҳол Бӯстон)и Ҷумҳурии Тоҷикистон ба имзо расида, риштаи бародаршаҳрӣ барқарор гардид. Шартномаи мазкур бо назардошти анъанаи робитаҳои байнишаҳрии Вазорати мошинсозии миёнаи собиқ ИҶШС бо мақсади «фароҳам овардани шароити мусоид баҳри рушди робитаҳои иқтисодӣ - бозоргонӣ байни субъектҳои хоҷагӣ» баста шудааст. Тибқи шартнома тарафҳо ўҳдадор гаштанд, ки робитаҳоро дар соҳаҳои фарҳанг, маориф, тандурустӣ, таъмини иҷтимоӣ, истироҳат ва туризм ба роҳ монанд (7).

Бояд таъкид намуд, ки Маркази федералии ҳастаии Русия –Пажӯҳишгоҳи умуимиттифоқии илмӣ-тадқиқотии физикаи техникӣ ба номи академик Е. И. Забабахин, ки дар шаҳри Снежинск воқеъ аст, бо комбинати кӯҳӣ-кимиёвӣ Ленинобод (алҳол иттиҳодияи истехсолии «Востокредмет») солиёни зиёд аз давраи баъдичангӣ робитаҳои мустақами ҳамкорӣ доштанд. Мутаассифона, баъди пошхӯрии ИҶШС ҳамкорӣ муддате аз байн рафта буд. Бо баробари барқарор шудани робитаҳои бародаршаҳрӣ ҳамкориҳо аз нав эҳё гаштанд. Ҳангоми сафари намоёндагони шаҳри Снежинск ба Тоҷикистон онҳо дар сатҳи олии пазируфта шуданд - сарвари шаҳри Снежинскро худи Президенти Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон қабул кард, имзои шартнома дар қасри фарҳанги шаҳри Бӯстон сурат гирифт, консерти аҳли санъати ду шаҳр намоиш дода шуд, барномаи консертии «Чкалов-Снежинск»дар шаҳри Хучанд низ ташкил карда шуд. Сафари меҳмонон аз Снежинск бо қабули онҳо аз ҷониби консули генералии Федератсияи Русия дар шаҳри Хучанд анҷом пазируфт.

Шаҳри Хучанд аз соли 2004 инҷониб бо шаҳри Оренбурги Русия ҳамкориҳоро дар доираи Шартномаи бародаршаҳрӣ ба роҳ мондааст. Оренбург дар соҳили дарёи Урал ҷойгир буда, таърихи хеле бой дорад, дар ин шаҳр воқеаҳои зиёди таърихӣ сурат гирифтаанд. Шаҳри Оренбург соли 1743 бунёд гашта, сараввал ба сифати истехком баҳри дифоъи сарҳади ҷанубу шарқии кишвари Русия хидмат мекард. Дар нагузашта Оренбург ба шаҳри тичоратӣ ва бузургтарин шаҳри миёнарав байни Русия ва Осиёи Миёна мубаддал гашт. Азбаски шаҳр дар мавзеи муҳими ҷуғрофӣ ҷойгир буд, диққати тоҷирони зиёди минтақаи Урал, Сибир ва Осиёи Миёнаро ба худ ҷалб кард. Аз Бухорову Тошканд, Самарқанду Хучанд ба ин шаҳр қорвонҳои уштурон бо борҳои гуногун: ҷарм, пашм, пахта, мевачот ворид мегаштанд. Бо гузашти айём Оренбург ба маркази яке аз калонтарин губернияҳои Русия - губернияи Оренбург табдил меёбад, ки худуди губерния аз Волга то Сибир, аз Кама то соҳили Каспӣ тӯл мекашад (5).

Дар замони муосир Оренбург ба яке аз марказҳои бузурги сиёсӣ, саноатии на танҳо вилояти Оренбург, балки тамоми округи Уралу Поволжеи Федератсияи Русия табдил ёфтааст. Шаҳр ҳамчун маркази илму маориф эътироф гаштааст. Дар шаҳри Оренбург донишгоҳи давлатӣ, академияи давлатии тиббӣ, донишгоҳҳои педагогиву аграрӣ, пажӯҳишгоҳҳои соҳаҳои мухталиф, аввалин омӯзишгоҳи кадетии президентӣ

дар Русия (1 сентябри соли 2010 таъсис ёфтааст) ва дигар муассисаҳои таълимӣ фаъолият мебаранд.

Ҳангоми сафари намоёндагони Хучанд ба шаҳри Оренбург соли 2004 хатсайри парвози тайёраҳо байни ин ду бародаршаҳр мунтазам ба роҳ монда шуд.

Дар шаҳри Оренбург барои мутобиқшавии муҳоҷирони тоҷикистонӣ ҳамаи шароит муҳайё карда шудааст. Дар шаҳр 6 ташкилоти ҷамъиятии фарҳангии тоҷикон амал мекунад. Яке аз ташкилотҳои бонуфуз “Мухторияти милливу фарҳангии минтақавии тоҷикони Оренбург” махсуб ёфта, аз ҷониби ин ташкилот рӯзномаҳои «Ваҳдат» ва «Сӯғдиёна» нашр мешаванд, иншооти маркази милливу фарҳангӣ бино гардида, ошхонаи таомҳои миллии тоҷикон ба истифода дода шудааст.

Ҳамин тавр, институти бародаршаҳрӣ байни шаҳрҳои Тоҷикистону Русия торафт густариш ёфта, дар роҳи барқарор намудани робитаҳои байналхалқӣ, ворид шудани шаҳрҳои алоҳида ба ҷараёни ҷаҳонишавӣ нақши муҳим мебозад. Мақсад, вазифа, принципҳои бародаршаҳрӣ имрӯз дар ҷомеаи ҷаҳонӣ мушаххас гаштаанд. Аммо рушду таҳаввулоти он аз субъектҳои муносибати бародаршаҳрӣ, аниқтараш аз сатҳу сифати чунин ҳамкориҳои байниминтақавӣ вобастагии қавӣ дорад.

Пайнавишт:

1. Афанасьев И.Д. Побратимские отношения как институт межрегиональной интеграции//http://www.sociosphera.com/publication/conference/2013/164/pobratimskie_otnosheniya_kak_institut_mezhregionalnoj_integracii/. (Дата обращения: 09.06.2016)
2. В Душанбе стартовали Дни Санкт-Петербурга// <http://www.xfakti.ru/317-interesnye-fakty-o-dushanbe.html>. (Дата обращения: 11.06.2016)
3. Валентинова Е. Таджикистан: далекое рядом//Оренбургский университет.- № 17 (1167).- 24.04.2013
4. Краткий обзор истории и развития экономики города Худжанда// http://www.khujand.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=126&Itemid=297&lang=ru (Дата обращения: 09.06.2016)
5. Михайлова Т. История города Оренбурга// Роман-газета детская. № 8. 2014
6. Пятака В. Породнение городов: истоки и основные особенности. // Вестник мэрии, 1994.-С.54-62.
7. Таржанова Л. Братья нашли друг друга //Челябинский рабочий -02.06. 1998
8. Яровой Г.О., Подольский М. А. Побратимство как инструмент социокультурного и экономического развития городов: сравнение «континентальной» и «морской» школ // Studia Humanitatis Borealis. 2014. No 2. С. 38-45.
9. Лучшие маленькая помощь, чем большое сочувствие // https://sites.google.com/a/shko.la/ejrno_1/vypuski-zurnala/vypusk-21/innovacii-metodika-i-praktika/-lucse-malenkaa-pomos-cem-bolsoe-socuvstvie. (Дата обращения: 09.06.2016)

Reference Literature:

1. Afanasyev I.D. Sisterhood Relations as the Institute of Interregional Integration http://www.sociosphera.com/publication/conference/2013/164/pobratimskie_otnosheniya_kak_institut_mezhregionalnoj_integracii/. (Data of address: 09.06.2016)
2. Days of Saint Petersburg Have Started in Dushanbe // <http://www.xfakti.ru/317-interesnye-fakty-o-dushanbe.html>. (date of address: 11.06.2016)
3. Valentinova E. Tajikistan: The Far Near // Orenburg University. - # 17 (1167). – 24.04.2013.

-
4. *Brief Review of the History and Economy Development of Khujand-City* // http://www.khujand.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=126&Itemid=297&lang=ru (Дата обращения: 09.06.2016)
 5. *Mikhaylova T. The History of Orenburg-City* // *Children` Novel-newspaper «Roman»*, # 8. 2014.
 6. *Pyataka V. Sisterhood of Cities: Origins and Basic Features* // *Bulletin of mayoria*, 1994. – pp. 54 – 62.
 7. *Tarzhanova L. Brothers Found each other* // *Chelyabinsk Worker* – 02.06.1998.
 8. *Yarovoy G.O., Podolsky M.A. Sisterhood as a Instrument of Social-Cultural and Economic Development of Cities: Comparision of «Continental» and «Marine» School* // *Studia Humanitatis Borealis* 2014 # 2. – pp. 38 – 45.
 9. *Little Help Being Better than Big Sympathy* // https://sites.google.com/a/shko.la/ejrano_1/vypuski-zurnala/vypusk-21/innovacii-metodika-i-praktika/-lucse-malenkaa-pomos-cem-bolsoe-socuvstvie. (date of addressing: 09.06.2016)

УДК 94(100)
ББК 63.3 (0) 41

**О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
ПРОТИВОБОРСТВА
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДИНАСТИИ
ГУРИДОВ С ГАЗНЕВИДАМИ В XI ВЕКЕ
ON INITIAL STAGE OF**

**CONFRONTATION BETWEEN THE
REPRESENTATIVES OF GURIDS
DYNASTY AND GAZNEVIDS IN THE XI-
TH CENTURY**

Шарипов Мухаммад Маруфович,
соискатель кафедры истории
таджикского народа ТГУПБП
(Таджикистан, Худжанд)

Sharipov Muhamad Marufovich,
claimant for candidate degree of the
department of the history of the Tajik nation
under the Tajik State University of Law
Business and Politics (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: istoriya_tj@mail.ru

Ключевые слова: Гуриды, Газневиды, исторические источники, конфронтация, военно-политическое соперничество, события XI века, история Центральной Азии

В статье на основе средневековых исторических источников освещается малоизученный вопрос о военно-политическом соперничестве Гуридов и Газневидов. Автор статьи, используя данные нарративных источников: «Табакоти Носири» Минходжи Сироджа, «Таърихи Байхаки» Абулфазла Байхаки, «Тарчумаи Таърихи Ямини» Джурфодикони, «Хабиб-ус-сияр» Хондамира и др., раскрыл вопросы гуридско-газневидской конфронтации. В статье всесторонне освещается военно-политическое противостояние ранних Гуридов и Газневидов, в особенности события XI века, когда область Гур еще не была независимым государством и страной управляли удельные эмиры. В этот период почти во всех сражениях победителями были газневидские правители.

Key words: Gurids, Gaznevids, historical resources, confrontation, military-politic struggle, events referring to the XI-th century, history of Central Asia

Proceeding from the mediaeval historic sources, the author of the article dwells on a scantily studied issue dealing with military-political rivalry between Gurids and Gaznevids dynasties. The author discloses the issues related to Gurids-Gaznevids confrontation resorting to the data of narrative sources including: «Tabakot-i Nosiri» by Minhoj-i Siroj, «Ta'rich-i Bayhaqi» by Abulfazl Bayhaqi, «Tarjuma-i Ta'rich-i Yamini» by Jurfodiqoni, «Habib-us-siyar» by Khondamir and etc. In his article the author summarizes comprehensively the military-political confrontation of the early Gurids and Gaznevids, in particular, the events referring to the XI-th century when Gur region was not an independent country yet and it was ruled by appanage Emirs. At that period almost in all battles Gaznevid rulers were considered as winners

После образования суверенной Республики Таджикистан Президент страны Эмомали Рахмон обратил внимание на разработку важнейших назревших проблем отечественной истории. В истории нашего Отечества после распада таджикского независимого

государства Саманидов (999 г.), государство Гуридов являлось следующим национальным государством.

В средние века государство Гуридов играло важную роль в политической и культурной истории народов Средней Азии, являющейся также неотъемлемой частью истории таджиков. Несмотря на многочисленные публикации последних лет, история государства Гуридов все еще недостаточно изучена и требует глубокого исследования.

Проблема противостояния государства Гуридов и Газневидов отражена как в трудах советских исследователей, так и в трудах отечественных и зарубежных исследователей.*

Противостояние Гуридов и Газневидов является одним из важнейших вопросов в истории Центральной Азии. Следует подчеркнуть, что противостояние двух государств начинается с периода царствования гуридского правителя Мухаммеда бен Сури, который правил владениями в области Гур в начале XI века. Промежуток времени между правлением эмира Сури бен Мухаммеда и последующего эмира Мухаммеда бен Сури очень большой, тем не менее, у нас очень мало исторических сведений по данному периоду.

О восшествии на престол эмира Мухаммеда бен Сури говорится так: «Во время правления Саффаридов Мандеш перешел к эмиру Сури. Он был эмиром Гура и прилегающих территорий, а также гор. Эмир Сабуктегин несколько раз стремился захватить Гур, но не смог лишить независимости горный Гур» (6, с.169).

По нашему мнению, история сражения представителей династии Гуридов и Газневидов более детально отражена в двух исторических источниках. Это «Таърихи Байхаки» Абулфазла Бейхаки и «Таърихи Ямини», автором которой является Абунаسر Утби (данная книга переведена на фарси Абушшарафом Джурфодикони). По мнению многих исследователей, Газневиды с самого начала своего правления и вплоть до падения государства, стремились к захвату Гура и подчинению себе эмиров этой территории. Особого успеха в этом деле добился Махмуд (6, с.169-170). Джурфодикони также сообщает, что султан (Махмуд-М.Ш.) очень стремился захватить территорию Гура (15, с.215).

По сведениям письменных источников, в целом противостояние Гуридов и Газневидов можно разделить на два этапа.

Первый этап приходился на 1011-1148 годы. В этот период Гур еще не стал независимым государством и страной управляли удельные эмиры. Почти из всех сражений победителями выходили газневидские правители.

Второй этап охватывает промежуток 1148-1186 гг. В это время основатель государства Гуридов Сайфуддин ибн Иззудин впервые завоевал Газнин и, по словам Ибн ал-Асира, 11

*Гафуров Б.Г. Тоҷикон. Қадимтарин, қадим ва асрҳои миёна.-Ҷ .1–Душанбе: Ирфон, 1989; Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т.1 – М.:Наука, 1964; Турсунов Н.О. Таърихи тоҷикон. –Хучанд, 2001. Амиршоҳӣ Нурмуҳаммад. Давлатдорӣи тоҷикон дар асрҳои IX-XIV. Порчаҳо аз «Равзату-с-сафо» ва дигар кутуб.–Душанбе: Амри илм, 1999; Муллоҷонов С. Таърихи халқи тоҷик. – Душанбе, 2012; Ҳабиби Абдулхай. Таърихи мухтасари Афғонистон. Ҷ.1.–Кобул, 1344 ш. (1965); Хайдарӣ Мухаммад Обид. Политическое устройство, социальные экономические отношения и культура государства Гуридов. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.-Душанбе, 2013; Гавсуддин Мустаманд Гурид. Таърихи мухтасари Гур.–Хирот, 1387 ш.(2008); Пажвок Атикуллоҳ. Гуриён.–Кобул, 1345 х. (1926); Фуруғи Асгар. Таърихи Гуриён.-Техрон, 1367 ш. (1988).

месяцев держал его в своих руках. В этот период Газневидское государство ослабело и в конце последней четверти XII века было завоевано Гуридами.

Начальный этап противостояния двух династий – Гуридов и Газневидов – сыграл важную роль в деле утверждения государственности Гуридов.

Согласно сведениям Бейхаки, султан Махмуд и его сын Масъуд три раза: в 401 г.х. (1010-11 г.), 405 г.х. (1014 г.), и 411 г.х. (1020 г.) нападали на Гур (3, с.112-115). Первый поход султана Махмуда на территорию Гура с огромным войском состоялся в 401 г.х. - 1010-11 году. Войска Газневидов направились из городов Буст и Давар на территорию этого региона. В этом походе Махмуда сопровождали его сыновья Масъуд и Мухаммад. Гурид Мухаммед бен Сури имел 10-тысячное войско, но не смог должным образом оказать сопротивление. По сведениям источников, он то ли не смог, то ли не успел организовать оборону, чтобы затем перейти в контрнаступление. Эмир и его окружение находились в крепости Ахангаран. Войска Газневидов окружили их. Окруженные стали оказывать сопротивление. Между войсками Гуридов и Газневидов произошёл очень жестокий бой. По сведениям «История Ямини» между войсками Гуридов и Газневидов произошел очень жестокий бой, закончившийся поражением последних (15, с.215). К сожалению, чтобы остановить кровопролитие, через какое-то время Мухаммед бен Сури установил связь с Махмудом Газневи и прекратил сопротивление. Он вышел из крепости Ахангаран и сдался противнику. Несмотря на мирные переговоры, его вместе с сыном отправили как военнопленных в Газни. Во время следования в Газни Мухаммед бен Сури по дороге выпил яд, который хранил в своем кольце, и умер, так как не хотел оказаться в положении униженного и оскорбленного» (13, с. 68). Этот факт соответствует информации Хондамира. Вот как описывает историю конфликта между двумя эмирами автор книги «Хабиб-ус-сияр»: «Эмир вышел из крепости и заявил, что он подчиняется им. Но Махмуд Газневи взял в плен эмира и его сына, которого звали Шиш, и отправился вместе с ними в Газну. Но по пути эмир проглотил яд, который заранее спрятал в своем кольце, и умер. Он не принял унижения и оскорбления» (12, с.379).

В 405 г.х. (1014 году) Махмуд во время второго похода из города Буста напал на город Хавобин. Бейхаки упоминает, что в этом походе Масъуд сопровождал своего отца. По словам историка, в этом сражении Масъуд совершил подвиг и проявил храбрость (3, с.114). Следующее сражение произошло в 405 г.х. (1014/15г.), когда Махмуд со стороны Буста вторгся в район Гура, соседний с Заминдаваром. В «Таърихи Бейхаки» сообщается о том, что Махмуд еще «два-три раза вторгся в районы Гура заминдаварским путем, но в теснины его (Гура) не проникал». В этих двух завоеваниях Газневиды еще не добрались до центральных городов Гура - Гарджистана и Гура (3, с.114-115).

Махмуд Газневид в 411 г.х. (1020 году) совершил третий поход на территорию Гура. По сведениям источников, и в этом походе Газневиды первоначально не смогли завоевать Гур, потому что в условиях горной местности трудно было проводить военные действия. Согласно историческим сведениям, султан Махмуд сам продвинулся к Гарджистану и захватил город (3, с.115).

В 1020 году Махмуд направил своего сына Масъуда, который в то время был наместником Герата, для завоевания области Гур. Предварительно он склонил на свою сторону одного из видных гурских вождей, Бу-л-Хасана Халафа. Масъуд договорился с ним о том, что тот присоединится со своим отрядом к войскам принца на границе Гура, у рабата Бат-и Вазир-Бирун. Масъуд выступил из Герата в начале сентября 1020 г. с многочисленным конным и пешим войском и с пятью быстроходными боевыми слонами.

Через несколько переходов к нему присоединился Бу-л-Хасан Халаф с большим вооруженным отрядом, в котором было 3 тысячи конных и пеших воинов (3, с.112-113).

Бу-л-Хасан Халаф преподнес Масъуду много денег и даров (щиты, кольчуги и другие изделия, которыми славился Гур). Вслед за ним прибыл со своими воинами и другой гурский предводитель, Ширван, которого Масъуд тоже сумел склонить на свою сторону. Владения Ширвана были расположены на границе между Гуром и Гузгананом. После прибытия этих правителей Масъуд двинулся в глубь Гура, выступив с передовым отрядом в 50—60 гуламов и около 200 отборных пехотинцев. С этим отрядом он подошел к сильной гурской крепости Бартар и овладел ею, захватив много пленников и значительную добычу (3, с.116-117). Оттуда он двинулся к Разану, население которого согласилось подчиниться и уплатить харадж, доставив множество даров: золото, серебро и оружие. В десяти фарсах (60-80 км - М.Ш.) от этого района находился Джурвас, где правителем был Дармишпат. Дармишпат до этого присылал к Масъуду посла и уже изъявил ему покорность. Поэтому Масъуд решил не трогать его владения и направился в другие районы Гура, где взял несколько укрепленных поселений, захватив большую добычу и много пленных.

У Мелика Мухаммада ибн Сури было двое сыновей. Старшего сына Шиша Махмуд Газневид вместе с отцом увёз в Газну и после смерти отца отправил обратно в Гур. Второго сына Мухаммада Сури звали Абу Али (4, с.41).

По словам Джузджони: «Абу Али – человек добродетельный... После того, как он пришел к власти, он стал относиться к народу по - доброму, построил много медресе и мечетей в своем государстве. Он очень уважал ученых. При нем народ стал жить в спокойствии» (8, с.330). Его брат Шиш после освобождения из плена и возвращения в Гур увидел, что все жители довольны новым правителем (его братом), подчинился ему и никогда не противился ему. Шиш жил под защитой Абу Али и провел остаток своих дней у него в спокойствии (13, с.69).

О приходе к власти эмира Абу Али ибн Мухаммада существуют различные мнения. По сведением А.Пажвока, жители Гура передали власть Абу Али (14, с.129). Но это утверждение отрицается другими исследователями.

Противники данного факта утверждают, что Абу Али бен Сури был назначен правителем в Мандеше самим султаном Махмудом Газневи, поэтому подчинялся непосредственно ему (13, с.68).

Мир Гулам Мухаммад Губар констатирует, что султан Махмуд Газневи взял в плен правителя Гура, но оставил власть его семье и назначил новым правителем его сына Абу Али бен Мухаммеда (5, с.129).

Историк Джузджани пишет по данному поводу следующее: «Абу Али всегда выражал почтение Махмуду Газневи, поэтому, когда его отец попал в плен, султан Махмуд назначил Абу Али правителем Гура (8, с.330; 4, с.41). Приведенные аргументы доказывают, что Абу Али не был назначен правителем Гура самими жителями, наоборот, он был назначен на этот пост Махмудом Газневи. Относительно хронологии данного события Н. Амиршохи отмечает, что Абу Али пришел к власти в 30-х годах XI века (2, с.440). Гавсуддин Мустамад упоминает, что Абу Али стал падишахом примерно в 420 г.х. - в 1028 году (4, с.41).

Абу Али ибн Мухаммад вскоре был свергнут родным племянником Аббосом бен Шишем. Он отстранил дядю от власти и взял в свои руки всю политическую и военную

власть. В некоторых исторических работах, таких как «Табакоти Носири» и «Таърихи Фаришта», его называют «совершенным» эмиром (13, с.69).

Нурмухаммад Амиршохи периодом правления эмира Аббоса называет 40-е годы XI века (2, с.440). Мухаммед Обид Хайдери в диссертационном исследовании датой прихода к власти Аббоса называет 445 г.х.-1053 год (13, с. 69). Гавсуддин Мустамад Гурид определяет, что эмир Аббос захватил престол в 450 г.х.-1057 году (4, с.41).

Почти все исследователи, в том числе Мухаммед Обид Хайдари, указывают, что эмир Аббос был современником Махмуда и Масъуда Газневи (13, с.69). По словам Мухаммада Обида Хайдари, причина восстания Аббоса бен Шиша заключалась в том, что по характеру он был агрессивным и не хотел подчиняться султану Махмуду Газневи. В качестве доказательства он приводит такой факт, что как только Аббос бен Шиш захватил власть, он перестал подчиняться Газневидам. Мы полагаем, что этот факт не совпадает с хронологическими событиями. Кроме того, Хайдари не указывает, откуда он взял эти сведения. Если он опирается на «Табакоти Носири», то в этом источнике указано, что: «Восстание Аббоса бен Шиша произошло в тот момент, когда на престол Газневидов вступил сын Махмуда-Масъуд Газневид» (8, с.330). Нужно напомнить, что Махмуд Газневид правил государством в 387-420 г.х. (998-1030 г.), Масъуд Газневид - в 420-432 г.х.(1030-1041 гг.), а Мавдуд Газневид - в 432-439 г.х. (1041-1048 гг.) Возникает вопрос: если эмир Аббос бен Шиш пришел к власти во время правление Масъуда и считается его современником, тогда почему вышеупомянутые авторы (Гавсуддин Мустамад, Мухаммед Обид Хайдари) указывают на начало правления Аббоса бен Шиша с 445 г.х.-1053 г. или с 450 г.х.-1057 г. Хронологические данные Нурмухаммада Амиршохи совпадают с действительностью, так как он назвал годами правления эмира Аббоса 40-е годы XI века. Одним словом, мы полагаем, что эмир Аббос бен Шиш вступил на престол в годы правления Масъуда (1030-1041) или его сына Мавдуда (1041-1048).

Нужно отметить, что Минходж Сиродж в своем труде объективно описывает всех гуридских эмиров. По словам средневекового историка: «Эмир Аббос был очень смелым, бесстрашным и беспощадным человеком. Он неожиданно восстал и сверг эмира Абу Али, своего дядю, и сам стал правителем Гура (8, с.331). Кроме того, он был грамотным правителем, обладал наукой астрономией. В Мандешской области в крепости...построил обсерваторию. Эмир Аббос очень любил эту науку» (8, с.338). Аббос бен Шиш относился к Газневидам с особой ненавистью. За время своего правления он ни разу не сделал даже намек на то, что готов подчиниться Газневидам. Со времени своего прихода и до самого пленения Ибрагимом Газневидом (1059-1099 г.) эмир Аббос сохранил независимость (9, с.114). О глубокой ненависти эмира Аббоса к Ибрагиму Газневи подробнейшим образом пишет Джуджани в труде «Табакоти Носири» (8, 331).

Газневидские султаны, особенно Ибрагим Газневид, не питали любви к эмиру Аббосу за его независимость и, улучив момент, напали на Гур. Войска эмира Аббоса не только не оказали сопротивления, наоборот, они присоединились к разъяренному народу, арестовали своего правителя и передали его Газневидам (13, с.69-70).

Эмир Ибрагим отправил эмира Аббоса в газнинскую темницу. Эмир Ибрагим прекрасно знал, что жители Гура не будут подчиняться приезжим правителям, поэтому «новым эмиром назначил сына Аббоса-Мухаммеда бен Аббоса, который беспрекословно подчинялся Газневидам» (21, с.156). Лен Пуль тоже подтверждает, что начиная с правления эмира Мухаммеда бен Аббоса, несколько лет эмиры Гура правили государством от имени Газневидов (7, с.272).

Примерно в 470 г.х. (1077 году) в результате отстранения отца от власти правителем Гура стал эмир Мухаммед бен Аббос, или Мухаммед II. В этом необходимую помощь ему оказали жители Гура и Газневиды. Этот факт подтверждает Мухаммед Губар (5, с.129). Афганский исследователь Мухаммад Обид Хайдари утверждает, что новый эмир, по свидетельству историков, был справедливым правителем. Но так как Мухаммед II в реальности был ставленником газневидского двора, он отправлял подарки Ибрагиму Газневи (13, с.46).

Минходж Сиродж подробно рассказывает о том, каким образом Мухаммед II пришел к власти. От утверждает, что, когда Ибрагим Газневид пленил эмира Аббоса, он по просьбе жителей Гура назначил новым эмиром его сына (8, с.332). Во многих исторических работах упоминаются его многочисленные добродетели (1, с.143). Новый эмир компенсировал жестокость и несправедливость своего отца тем, что занимался добрыми делами, с народом поступал справедливо. В период его 10-летнего правления подданные эмира Мухаммеда II жили в спокойствии и мире (13, с.71).

Эмир Кутб-ад-дин Хасан бен Мухаммед бен Аббос был первым правителем Гура, которого называли не эмиром, а **падишахом**. Он был очень справедливым царем. По словам многих историков, годы правления Кутб-ад Дина Хасана были периодом расцвета в истории Гура (9, с.118).

Но, тем не менее, при управление государством у него возникли внутренние проблемы. Одним словом, началась гражданская война. Эти события очень подробно освещены в труде придворного историка Гуридов Джузджани: «В период правления Кутб-ад Дина Хасана, который считается периодом наивысшего расцвета гуридских султанов, жители деревни Тагоб из Вазиристанской провинции подняли восстание. Кутб-ад ин Хасан взял с собой Хишама и других местных правителей Гура, и они поехали к восставшим, которые находились в крепости. Он предложил им прекратить восстание, но они не стали слушать его. Неожиданно кто-то из мятежников выпустил стрелу из лука, которая попала Кутбиддину Хасану точно в глаз, от чего он и скончался» (8, с.333).

Афганский историк М.Губар пишет: «Кутбиддин Хасан был наследником Мухаммеда Второго, но он был убит во время мятежа» (5, с.130).

Согласно сведениям Абдулхая Хабиби, в 460 г.х. (1067 году) Кутб ад-Дин Хасан вступил на престол и стремился к тому, чтобы укрепить свою власть. Для достижения этой он цели не останавливался ни перед чем. Например, чтобы разгромить своих противников в Гуре, он начал крупномасштабную военную операцию, в результате которой началась гражданская война (14, с.154).

Мы нашли сведения о периоде правления Кутб-ад Дина Хасана в источнике под названием «Достони турктозони Хинд», автором которого является Мирза Насруллахан Фидои. Он сообщает, что Кутбиддин Хасан имел сына, который звался Сом. После смерти отца Сом бежал из Газны в Индию и там занимался торговлей (11, с.197). К сожалению, этот факт в других источниках не встречается.

Анализируя эти факты, можно констатировать, что Газневиды стремились использовать в завоеванных государствах и на территориях местных властителей и феодалов, чтобы они могли быть их опорой и помогали им держать в повиновении народ завоеванных территорий. По отношению к Гуридам они придерживались такой же политики. Одним словом, уже в XI веке в связи с присоединением владений династии Гуридов к государству Газневидов, укрепился военно-феодальный характер управления государством.

Список использованной литературы:

1. Аббоси Парвиз. Гуриён.//Баррасиҳои таърихӣ, фарвардин ва урдубихишт.1350, №31.- С.143-176.
2. Амиришоҳи Нурмуҳаммад. Давлатдориҳои тоҷикон дар асрҳои IX-XIV. Порчаҳо аз «Равзату-с-сафо» ва дигар кутуб.-Душанбе: Амри илм, 1999.-1008 с.
3. Байҳақӣ Абулфазл. Таърихи Байҳақӣ. Ба ҷои ҳозиркунадагон Ғанӣ ва Фаёз.-Техрон, т.1, 1370 ш. (1991).-640 с.
4. Ғавсуддин Мустаманди Ғурӣ. Таърихи мухтасари Ғур.-Ҳирот, 1387 ш. (2008).-266 с.
5. Ғубор Мир Ғулом Муҳаммад. Афғонистон дар масири таърих.-Кобул, 1387 ҳ. (1967).-412 с.
6. Қарачонлу Ҳусайн, Худойбахи Дучониш Исмат. Муносибати сиёсӣ ва низомии гуриён бо ҳукуматҳои ҳамҷавор.//Улуми инсонии донишгоҳи аз- Зухро, пойизи 1384, №55. С.167-192.
7. Ленгул Стенли. Табақоти салотини ислом. Тарҷумаи Аббоси Иқбол.-Техрон, 1363 ш. (1984).339 с.
8. Ҷузҷонӣ Минҳоч Сироч. Табақоти Носирӣ. Т.1.Ба ҷои омодакунада Абдулҳай Ҳабибӣ.-Кобул, 1363 ҳ. (1984).-501 с.
9. Пажвок Атикуллоҳ. Гуриён.-Кобул, 1345 ҳ. (1926).-251 с.
10. Турсунов Н.О. Таърихи тоҷикон.-Хучанд, 2001.-789 с.
11. Фидоӣ Мирзо Насруллоҳон. Достони турктозони Ҳинд. Т1.-Лакҳнав: Хонагӣ, бидуни соли нашр, ҷои сангӣ. -518 с.
12. Хондамир Ғиёсуддин. Таърихи ҳабиб-ус-сияр. Ба ҷои ҳозиркунада Муҳаммади Дабирсиёқӣ. ҷ.2.-Техрон, 1333 ш (1954).-186 с.
13. Хайдарӣ Муҳаммад Абед. Политическое устройство, социально- экономические отношения и культура государства Гуридов: 07 00 02. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.-Душанбе, 2013.-195 с.
14. Ҳабиби Абдулҳай. Таърихи мухтасари Афғонистон. Т.1.-Кобул, 1344 ш. (1965).-215 с.
15. Ҷурфодиқонӣ Абушараф Носеҳ ибни Зафар. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ. Бо кӯшиши Н.И. Ғиёсов.-Хучанд: Ношир, 2013-416 с.

Reference Literature:

1. Abbosi Parviz. Gurids. // Historical Studies, Farvardin and Urdubihisht. 1350 hijra #31. – pp. 143 – 176.
2. Amirshohi Nurmuhammad. Tajiks Governance in the Period of the IX-th and XIV-th Centuries. Pieces from «Ravzatu-s-safo» and other books. - Dushanbe: Amri ilm, 1999. – 1008 pp.
3. Bayhaqi Abulfazl. Ta`rikhi Bayhaqi (Bayhaqi History). Preparation by Ghani and Fayoz. – Tehran, V.1, 1370 hijra. (1991). – 640 pp.
4. Ghavsuddin Mustamandi Guri. Extensive History of Gur. – Hirot, 1387 hijra (2008). – 266 pp.
5. Ghubor Mir Ghulom Muhammad. Afghanistan Being in the Route of History. – Kabul, 1387 hijra (1967). – 412 pp.

-
6. *Qarachonlu, Husayn, Khudoybakhsh Duchonii Ismat. Political-Regulative Relations of Gurids with Boarders. // Humanitarian Studies under Az-Zuhro University, 1384 hijra, #55. – pp. 167 – 192.*
 7. *Lenpul Stanley. Tabaqot-i Salotin-i Islam. Translated by Abbosi Iqbol. – Tehran, 1363 hijra (1984). – 339 pp.*
 8. *Juzjohni Minhoj Siroj. Tabaqot-i Nosiri (Nosiri's Category). Preparation by Abdulhay Habibi. – Kabul, 1363 hijra (1984). – 501 pp.*
 9. *Pazhvok Atikulloh. Gurids. – Kabul, 1345 hijra (1926). – 251 pp.*
 10. *Tursunov N.O. Tajiks' History. – Khujand, 2001. – 789 pp.*
 11. *Fidoi Mirzo Nasrullokhon. The Story Depredators of India. V.1 - Lakhnay: Khonagi (Domestic), without date of publishing. – 518 pp.*
 12. *Khondamir Ghiyossuddin. Ta'rich-i Habib-us-siyar. Preparation by Muhammad Dabirsiyoqi. V.2. – Tehran, hijra (1954). – 186 pp.*
 13. *Khaydari Muhammad Obid. Political Arrangement, Social Economic Relations and Culture of Gurids' State. Synopsis of the dissertation for candidate's degree in history. – Dushanbe, 2013. – 195 pp.*
 14. *Habibi Abdulhay. Depredation History of Afghanistan. V.1. – Kabul, 1344 hijra (1965). – 215 pp.*
 15. *Jurfodiqoni Abusharaf Noseh ibn Zafar. Translation of Ta'rikh-i Yamini. Revised by N.I. Giyosov. - Khujand: Noshir, 2013. – 416 pp.*

ТАҶРИБАИ ТАЪРИХИИ ИШТИРОКИ
ҚАВОНОН
ДАР СОХТМОНИ НЕРҶОҲҶОИ
БАРҚИИ ОБИИ ТОҶИКИСТОН

Қобилов Зафарҷон Зокирович,
унвонҷӯи кафедраи таърихи Ватани
ДДХ ба номи акад. Б.Гафуров
(Тоҷикистон, Худжанд)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УЧАСТИЯ
МОЛОДЕЖИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ
ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ
В ТАДЖИКИСТАНЕ

Кабиллов Зафарджон Закирович,
соискатель кафедры истории
отечества Худжандского
государственного университета им.
акад. Б.Гафурова

HISTORIC EXPERIENCE OF YOUTH
PARTICIPATION IN CONSTRUCTION
OF HYDROPOWER STATIONS IN
TAJIKISTAN

Kabilov Zafarjohn Zakirovich, claimant for
candidate's degree of the department of home
history under Khujand State University named
after acad. B. Gafurov (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: zafarjonk79@mail.ru

Ключевые слова: ударные комсомольские стройки, патриотические почины молодежи, плоды дружбы и сотрудничества, преемственность поколений, строительство гидроэнергетических сооружений

Статья посвящена историческому участию комсомольцев и молодежи в сооружении гидроэнергетических станций Таджикистана. На основании конкретных исторических фактов освещается самоотверженный труд молодых строителей, инженерно-технических кадров при строительстве Варзобской, Кайраккумской, Нурекской, Рогунской гидроэнергетических станций. Особое внимание уделяется совместной деятельности комсомольцев и молодежи Советского Союза по сооружению ГЭС Таджикистана. Анализируется творческая работа молодежи по организации трудового соревнования. Автор акцентирует внимание на преемственности поколений при строительстве важнейших народнохозяйственных объектов в условиях государственной независимости Республики Таджикистан.

Key words: accelerated Comsomol construction sites, patriotic initiatives of youth, fruits of youth friendship and collaboration, succession of generations, hydropower erections

The article dwells on historic participation of comsomol members and youth in the erection of hydropower stations in Tajikistan. The selfless labour of young builders, engineering-technical human resources in the construction of Varzob, Kairakhoom, Nurek, Roghun hydropower stations is highlighted with concrete historic facts. Special attention is paid to joint activity of comsomol members and youth of the Soviet Union aimed at an erection of HEPs in Tajikistan. The creative work of youth on labour competition organization is analyzed. The author rivets

attention to succession of generations in the construction of the most important objects under the conditions of state independence in Tajikistan Republic.

Таҳқиқоти илмию амалӣ исбот намуданд, ки Тоҷикистон дорои захираҳои бузурги гидроэнергетикӣ, маъданҳои кӯҳӣ, сангҳои қиматбаҳо, ангишт, оби нӯшоки ва намак мебошад, ки барои дар оянда дар Осиёи Марказӣ мавқеи устувори иқтисодӣ пайдо намудан имконияти кофӣ дорад.

Бештар аз 60 фоизи ҳаҷми умумии маҷрои дарёҳои минтақаи Осиёи Марказӣ дар қаламрави Тоҷикистон ташкил меёбад. Ҳамзамон Тоҷикистон, бо масоҳати начандон калон, қариб 4 фоизи захираҳои гидроэнергетикии ҷаҳонро дорост.

Ҳаҷми умумии захираҳои имконпазири гидроэнергетикии Тоҷикистон дар як сол бештар аз 500 миллиард киловатт-соатро ташкил медиҳад [8, с. 227].

Қадами нахустин дар азхудкунии захираҳои обию энергетикии Тоҷикистон ин сохтмони Нерӯгоҳи барқии оби Варзоб-1 ба ҳисоб меравад, ки сохтмони он соли 1931 оғоз шуда, моҳи декабри соли 1936 ба анҷом расид ва иқтидораш 7,15 мегаватт мебошад.

Соли ба кор даромадани НБО-и Варзоб-1 ҳамчун соли тавлиди соҳаи энергетикаи Тоҷикистон қайд мегардад.

Минбаъд сохтмон ва ба истифода додани нерӯгоҳҳои барқии обӣ босуръат идома ёфтанд. Соли 1949 нерӯгоҳҳои барқии оби Варзоб-2 бо иқтидори 14,76 мегаватт, соли 1958 НБО-и Варзоб-3 бо иқтидори 126 мегаватт ба истифода дода шуданд.

Соли 1958 азхудкунии дарёи Вахш бо ба кор даровардани НБО-и Шаршара бо иқтидори 29,9 мегаватт сар шуда, минбаъд босуръат идома ёфт. Соли 1962 нерӯгоҳи аз ҳама калонтарини Тоҷикистон дар дарёи Вахш НБО-и Сарбанд бо иқтидори 210 мегаватт ва соли 1964 НБО-и Марказӣ бо иқтидори 18,6 мегаватт ба кор шурӯъ намуданд. [3, 220]

Дар натиҷаи ёрӣ ва дастгирии васеи Ҳизби коммунисти Иттиҳоди Шӯравӣ ва Ҳукумати Шӯравӣ дар охири солҳои 60-ум Ҳукумати Тоҷикистон ба бунёди Комплекси территориявӣ-истехсолии Тоҷикистони Ҷанубӣ шурӯъ кард ва чӣ тавре, ки пешбинӣ шуда буд, бояд аҳамияти калони умумииттифоқӣ медошт. Ба иншоотҳои муҳими комплекси мазкур заводи алюминии Тоҷикистон, заводи электрохимиявии Ёвон, нерӯгоҳи оби барқии Нораку Роғун, роҳи оҳани Термиз-Қургонтеппа-Ёвон дохил мешуданд.

Дар ин раванд сохтмони нерӯгоҳҳои барқии оби Қайроққум ва Норақ дар таърихи халқи тоҷик мавқеи муҳим дорад. Бунёди он ба нерӯи созандаи ҷавонон вобаста буд. Ҷалб намудани комсомолону ҷавонон ба сохтмони иншоотҳои муҳими хоҷагии халқ ба татбиқи минбаъдаи нақшаҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ мусоидат ва ҳамзамон барои қонеъ гардонидани шавқу рағбати ҷавонон, ки барои нишон додани худ дар ҷодаи душвортар ва масъулиятноки ҷомеаи нав кӯшиш ба харҷ медоданд, шароити мусоидро фароҳам меовард.

11 юни соли 1951 сохтмони НБО Қайроққум оғоз ёфт. Дар сохтмони НБО-и калон, ки он вақт аз иншоотҳои бузургтарини Осиёи Миёна ҳисоб мешуд, намояндагони 37 миллат – тоҷикон, русҳо, кореягӣҳо, немисҳо, тоторҳо, ўзбекҳо, қирғизҳо ва ғайра иштирок мекарданд. Иқтидори он 126 ҳазор киловатт буда, барои бо барқ таъмин намудани ноҳияҳои шимоли Тоҷикистон аҳамияти калон дошт.

Дар натиҷаи меҳнати фидокоронаи бунёдгарони НБО-и Қайроққум вай пеш аз мӯҳлат ба истифода дода шуд. Ҷунонҷӣ, дар соли 1956 ду агрегат, моҳи апрел

агрегати сеюм, моҳи сентябр агрегати чорум, моҳи октябр агрегати панҷум ва моҳи декабри соли 1957 агрегати шашум ба истифода дода шуд. Ҳамин тавр, ҳамаи шаш агрегати НБО-и Қайроққум барои шаҳру ноҳияҳо, корхонаҳои саноатӣ, колхозу совхозҳои Ўзбекистон ва як қисми шимолӣ Тоҷикистон нерӯи барқ истиҳсол мекард. [5, 139]

Барои фаъолияти минбаъдаи НБО-и Қайроққум як гурӯҳ хатмкунандагони Донишқадаи политехникии Тоҷикистон ба кор сафарбар карда шуданд. Бо роҳхати донишқадаи мазкур Абдумавлон Ғаниев низ ба НБО-и «Дӯстии халқҳо»-и шаҳри Қайроққум ба кор омад. Вай аз байни ҷавонони тоҷики зодгоҳаш нахустин барқчиӣ маълумоти олидор буд [12, 402].

Таҷриба нишон медиҳад, ки меҳнати фидокоронаи ҷавонон иҷрои бомуваффақияти вазифаҳоро доир ба бунёди корхонаҳои саноатӣ, энергетикӣ ва нақлиётӣ таъмин мекунад. Ҷавонон чунин меҳисобиданд, ки иштирок дар сохтмони зарбдор ба онҳо имконият медиҳад, то нерӯи бузурги коллективи меҳнатиро эҳсос намоянд.

Дар асл сохтмонҳои зарбдор мактаби ҳақиқӣ ва бозғатимоди ғоявӣ, тарбияи меҳнатӣ ва ахлоқӣ буданд. Дар ин ҷо нисбат ба дигар ҷойҳо ҷавонон касбҳои техникӣ ва технологияи навро хубтар аз худ мекарданд, малакаи иштироки фаъолонро дар идоракунии истеҳсолот ва корҳои ҷамъиятӣ, дар тақмили механизми хоҷагӣ ёд мегирифтанд.

Тибқи анъанаи хуби муқарраргардида сохтмонҳои нав ва асосии Иттиҳоди Шӯравӣ сохтмони зарбдори умумииттифоқии комсомолӣ махсуб мешуданд. 30 июли соли 1960 КМ Ҳизби коммунистии Иттиҳоди Шӯравӣ (ҲКИШ) ва Шӯрои Вазирони Иттиҳоди Ҷамоҳири Шӯравии Сотсиалистӣ (ИҶШС) дар бораи сохтмони Нерӯгоҳи барқии оби Норақ қарор қабул карда, аҳамияти онро барои иқтисодиёти Осиёи Миёна махсус таъкид намуданд [11, с. 9].

Соли 1961 бошад, КМ ВЛКСМ сохтмони НБО-и Норақро Сохтмони зарбдори умумииттифоқии комсомол эълон намуд [1, с. 15].

Ба кори лоиҳакашии сарбанд ва стансия пажӯҳишгоҳҳои зиёди илмӣ-тадқиқотии Иттиҳоди Шӯравӣ ҷалб карда шуданд. Сохтмони НБО-и Норақ ҳақиқатан ҳам беназир буд. Иқтидори лоиҳавии стансия 2 миллиону 700 ҳазор киловатт-соатро ташкил мекард.

Дар натиҷаи сохтмони сарбанди баланд, обанборе ба вучуд меомад, ки гунҷоишаш 10,5 миллиард метри мукаббро ташкил мекард. Ин имкон меод, ки маҷрои об ба танзим дароварда шуда, нафақат заминҳои қорами гирду атроф бо об таъмин шаванд, балки иловатан боз садҳо ҳазор гектар заминҳо дар Тоҷикистон, Ўзбекистон ва Туркменистон обшор гардад.

Сохтмони НБО-и Норақ ба мактаби ҳақиқии дӯстии халқҳо табдил ёфт. Ба Норақ ихтиёриёни нахустин аз Федератсияи Русия ханӯз то оғози сохтмон омада буданд. Бо ташаббуси комсомолкаҳо Н.Силкина, С.Шекина, Н.Хижнякова барномаҳои радиой, сӯҳбату лексияҳо ташкил карда шуданд.

Боиси зикр аст, ки ихтиёриён бо даъвати комсомол ба сохтмон омада ба ташкили созмонҳои ҷавонон шурӯъ карданд. Ҷавонони бинокор муҳандис Тутининро, ки дар сохтмони НБО-и Красноярск таҷрибаи бои кори комсомолӣ андӯхта буд, сарвари худ интиҳоб намуданд. Ташкилоти комсомолӣ Норақро комсомолони аз Сибир ва Қазоқистон, Урал ва ғӯшаю қанори ҷумҳуриямон омада созмон доданд. Дар қатори

онҳо хатмкунандагони Донишкадаи ирригатсионии Тошканд Фарид Ҳусейнхочаев ва Донишқадаи кишоварзии Тоҷикистон Ҳамид Ҳамидов низ буданд.

9 март соли 1961 дар шаҳри Маскав Маҷлиси умумииттифоқии бинокорони ҷавон баргузор гардид. Ҷумҳурии Тоҷикистонро бригадири сохтмони НБО-и Норақ – Нурулло Зокиров ва котиби кумитаи комсомолии шаҳри Норақ – Ҳ.Ҳамидов муаррифӣ мекарданд.

Ҳ.Ҳамидов 10 март соли 1961 дар Қасри калони Кремл баромад карда, дар бораи сохтмони иншооти азими энергетикӣ дар дарёи Вахш нақл кард.

Рӯзи дигар дар рӯзномаҳои марказӣ нутқи сарвари комсомолони Норақ чоп гардид ва дар байни ҷавонони Иттиҳоди Шӯравӣ ҳамовозии васеъ пайдо кард. Ватандӯстони ҷавон хушхабарро дар бораи оғози ҳучуми васеъ ба мутеъ кардани Ваҳши пуртуғён гарм истиқбол намуданд.

Мактубҳои зиёди ба Норақ омадаро лифофаҳои штемпели ишораи «Солдатӣ» дошта ташкил мекарданд. Масалан, танкчӣ Плиско чунин навишта буд: «Қасби ман – азхудкунии заминҳои навкорам ва бекорхобида мебошад. Барои меҳнати хубам сазовори медали «Барои азхудкунии заминҳои нав» гардидаам. Аз мактаби калони ҳаёти гузаштаам. Ба наздикӣ мӯҳлати хизматам дар сафи Артиши Шӯравӣ ба анҷом мерасад. Меҳоҳам, ки дар Норақ кор кунам ва аз худ ба одамон хотираи нек боқӣ монам» [4, с. 9].

Мактуби ба ин монанд инчунин аз номи гурӯҳи ҷанговарон аз шаҳри Оренбург Ю.Варин, И.Вагинов, Ф.Файзеханов, комсомолон аз ш.Рубсовски кишвари Олтой В.Лисак, В.Зубков, В.Сорокин ва дигарон омада буд.

Сохтмони НБО-и Норақ дар маркази таваҷҷӯҳи ташкилотҳои ҳизбӣ ва комсомолии Тоҷикистон қарор дошт. 26 апрели соли 1963 дар пленуми VII КМ ҲК Тоҷикистон масъала дар бораи сохтмони НБО-и Норақ муҳокима карда шуд. Пленуми КМ таваҷҷӯҳи Кумитаи шаҳрии Ҳизби коммунист ва идораи «Нуректаджидрострой» -ро ба зарурати ҳарчи бештар тезонидани чараёни сохтмон ҷалб кард, барои таъмин кардани сохтмон бо коргарони баландхисос, васеъ ҷорӣ кардани воситаҳои механизатсияи хурд, беҳтар намудани сохтмони манзил, хизмати тиббӣ ва маданияи бинокорон чораҳои мушаххас андешид. КМ комсомоли Тоҷикистон вазифадор карда шуд, ки дар соли 1963 ба сохтмон 500 коргарони ҷавони гуногунқасбро сафарбар намояд [9, с. 260-261].

Дар натиҷаи фаъолияти пурсамари ташкилотҳои ҷавонон дар солҳои 1961-1965 ба сохтмони НБО-и Норақ зиёда аз 5 ҳазор ҷавонону духтарон омаданд. Инҳо пеш аз ҳама ҷавонони мактаби сохтмонро дар иншоотҳои гидроэнергетикӣ, ба мисли НБО-ҳои Бурятск ва Красноярск гузашта буданд, боқимонда ҷавонони маҳаллӣ аз шаҳру ноҳияҳои ҷумҳурӣ, хусусан деҳаҳои ғирду атроф буданд. Дар соли 1966 фақат аз шаҳри Ростови лаби Дон 137 нафар ҷавонон ба кор омаданд.

Шакли муҳими даъвати ҷамъиятии ҷавонон ба сохтмони иншоотҳои хоҷагии халқ ҷалби отрядҳои донишҷӯёни бинокор ба ҳисоб мерафт. Ин имкон меод, ки қувваҳои иловагии ҷавонону духтарон ба сохтмон, алаҳхусус дар давраи баистифодадихӣ ҷалб карда шавад.

Дар солҳои панҷсолаи нӯҳум ҳамасола дар фасли тобистон бо супориши КМ ВЛКСМ дар сохтмони НБО-и Норақ донишҷӯёни кӯҳнавард кор мекарданд. Масалан, тобистони соли 1971 37 нафар донишҷӯёни кӯҳнавард аз мактабҳои олии Маскав фидокорона меҳнат карда, иҷроиши ҳаҷми корро ба маблағи 100 ҳазор сӯм таъмин намуданд.

Яке аз масъалаҳои муҳими дар назди ташкилотҳои хизбӣ, комсомолӣ, иттифокҳои касаба ва хоҷагӣ истода, нигоҳ доштани ҷавонони ба сохтмон бо даъвати ҷамъиятӣ омада буд.

Дар ибтидои сохтмони иншоотҳои хоҷагии халқ дар ташкили меҳнат ва маишати ҷавонон камбудии ҷиддӣ мавҷуд буданд, ки оқибат ба зиёдшавии аз кор рафтани коргарон оварда расонид. Яке аз камбудии асосӣ тайёрии сусти касбии як қисми ихтиёриён низ марбут буд. Ҳодисаҳои ба ҷавонону духтарони тасодуфӣ супоридани роҳхатҳои комсомолӣ ҷой доштанд.

Бо назардошти тайёрии сусти касбии ихтиёриён ташкилотҳои комсомолӣ ва ситоди сохтмонҳои зарбдори комсомолии Тоҷикистон ба тайёр кардани кадрҳои коргарии касбҳои оммавӣ шурӯъ карданд. Чунончӣ, дар охири соли 1962 дар Норақ комбинати таълимӣ доир ба тайёр кардани коргарони касбҳои асосии сохтмон – гилкорон, бетончиён, дуредгарон, рангмолон, андовагарон, арматурачиён, механизаторони касбҳои оммавӣ, нақбканон ташкил карда шуданд.

Норақ на фақат манбаи тайёркунии ихтисосҳои коргарӣ, балки манбаи тайёркунии кадрҳои муҳандисӣ буд. Ба ин ҷо аз ҳама ғушаю канори Иттиҳоди Шӯравӣ хатмкунандагони мактабҳои олии Маскав, Ленинград, Грозний, Куйбишев, Львов, Горкий, Полтава, Одесса, аз сохтмонҳои дигари мамлакат – Гурҷистон, Туркменистон, сохтмони роҳи оҳани Абакан-Тайшет, Братску Дивногорск, Темиртоғу Мирзочӯл меомаданд. Мувофиқи маълумот дар охири соли 1966 дар сохтмон 40 нафар муҳандисони ҷавони тоҷик, қариб 100 нафар рус, 20 нафар украин, 5 нафар тотор ва дигарон кор мекарданд.

Боиси зикр аст, ки дар ҳамаи марҳалаи сохтмони сотсиалистӣ дар ИҶШС мусобиқа воситаи муҳимтарини инкишофи ташаббуси эҷодкоронаи омма, ташаққули коллективизм буд.

Дар нимаи дууми солҳои 70-ум мусобиқаи байни коллективҳои муассисаҳои баҳамназдик вусъат ёфт. Яке аз хусусиятҳои хоси ин мусобиқа аз он иборат буд, ки вай дар доираи байниҷумҳуриявӣ амал намуда, соҳаҳои гуногуни хоҷагии халқро дарбар мегирифт. Мусобиқаи муассисаҳои баҳамназдик ба таҳкими минбаъдаи ҳамкориҳои бародаронаи байни халқҳои Иттиҳоди Шӯравӣ таъсири муфид расониданд.

Масалан, бинокорони ҷавони НБО-и Норақ ташаббускори шакли сифатан нави мусобиқаи меҳнатӣ – «Эстафетаи коргарӣ» гардиданд. «Эстафетаи коргарӣ» муттаҳидкунии қувваи ташкилотҳо, корхонаҳои илмӣ-тадқиқотӣ, марказҳои лоиҳакашӣ-конструкторӣ, мошинсозӣ ва сохтмони ҷумҳурияҳои сотсиалистиро баҳри бунёди иншоотҳо ва комплексҳои калони хоҷагии халқро пешбинӣ мекард. Таҷриба нишон медиҳад, ки ин ҳамкориҳо ба ташкилшавии коллективҳои интернационалистии меҳнатӣ, анъанаҳо ба амал омада, боиси баландшавии ҳосилонокии меҳнат мегардад.

Ташаббуси бинокорони НБО-и Норақро корхонаҳои калонтарини Тоҷикистон, сохтмончиёни НБО-ҳои Уст-Илимск, Тухтагул, нерӯгоҳҳои барқии давлатии ноҳиявии Марв ва Сурхандарё, бинокорони заводи алюминии Тоҷикистон ва дастгоҳи «3600» дар заводи Азовстал, заводи автомобилсозии Волжск ҷонибдорӣ намуданд. Ба «Эстафетаи коргарӣ» коллективҳои шӯҳратманди индустрияи бузурги Ленинград – заводи металлургии ба номи Съезди XXII ҲКИШ ва заводи Ижорск ба номи Жданов, ки барои НБО-и Уст-Илим ва дигар сохтмонҳои корхонаҳои мамлакат таҷҳизот мебароварданд, ҳамроҳ шуданд [2, с. 31].

Ба шарофати мусобиқаи «Эстафетаи коргарӣ» агрегати нахустин 16 ноябри соли 1972 ба истехсоли барқ оғоз кард. 20-уми декабри ҳамон сол агрегати дуюм ба истифода дода шуд.

Дар натиҷаи меҳнати самараноки коллективҳои комсомолону ҷавонони сохтмону заводҳои таҷҳизоттаъминкунанда, ташкили муназзами мусобиқаи сотсиалистӣ нерӯгоҳ 30 сентябри соли 1979 15 моҳ пеш аз мӯҳлат бо иқтидори 2 миллиону 700 ҳазор киловатт-соат ба истифода дода шуд.

Ҷавонони шӯҳратёри тоҷик аз ғалабаҳои меҳнаткашон илҳом гирифта бунёди НБО-и Роғунро сохтмони зарбдори комсомолӣ эълон карданд. Сарбанди нерӯгоҳ нисбати сарбанди НБО-и Норак бояд баландтар, буриши туннели асосӣ калонтар, иқтидори машинаҳои барқӣ ду баробар зиёдтар мегардид. Дар нерӯгоҳ насби шаш машинаҳои барқии иқтидори ҳар кадомаш 600 ҳазор киловатт-соат энергияи барқ пешбинӣ шуда буд. Нерӯгоҳи нав, ҳамчун нерӯгоҳи пуриқтидортар бояд мақоми аввалро дар қатори нерӯгоҳҳои оби Вахш ишғол мекард.

Қобили зикр аст, ки ҳанӯз соли 1936 кашшоф-топографи ҷавон М.А.Гиндин дар бораи интиҳоби мавзеи ояндаи нерӯгоҳи барқии обӣ тақлиф пешниҳод карда буд. Вай соҳили Вахшро таҳқиқ намуда, маҷрои зарбарасонии дарёро муайян намуд. Онро барои сохтмони нерӯи барқ олӣ ҳисобида, М.А.Гиндин дар рӯзномааш навишта буд: «Мавзеи боҳашамат барои сохтмони сарбанд... итминон дорам, ки ягон вақт ин ақидаро ҷиддӣ қабул мекунамд...» [6, с. 30-31].

Иқтисодиёти ҷумҳурӣ дар нимаи дуюми солҳои 80-ум пешомадҳои бузургро интизор буд. Дар самтҳои асосии тараққиёти иқтисодӣ ва иҷтимоии ИҶШС барои солҳои 1986-1990 ва давраи то соли 2000-ум чунин қайд шудааст: «Тараққиёти минбаъдаи Комплекси территориявӣ-истехсолии Тоҷикистони Ҷанубӣ таъмин карда шавад. Иқтидори нерӯгоҳи барқии оби Роғунро ба қор дароварда, сохтмони НБО-и Сангтӯда оғоз гардад».

Комсомолону ҷавонони ҷумҳурӣ бо ҳамроҳии ҳамсолонашон аз ҷумҳуриҳои бародарӣ саъю кӯшиши худро барои иҷроии нақшаи нишондода равона карданд. Вале бо пофишории «демократҳо» -и навзхурёфта, пошхӯрии Иттиҳоди Шӯравӣ ва гирудорҳои сиёсии охири солҳои 80-ум – ибтидои солҳои 90-ум сохтмони чунин иншоотҳои бузург - нерӯгоҳҳои барқии оби Роғун ва Сангтӯда нотамои монданд.

Бо амри тақдир Тоҷикистон соҳибистиклол гардид. Вазъи иқтисодиёти ҷумҳурӣ талаб мекард, ки сохтмони нерӯгоҳи барқии Роғун идома ва қор дар нерӯгоҳи барқии Сангтӯда вусът дода шавад.

Бо назардошти хеле муҳим будани нерӯгоҳи барқии Сангтӯда дар иқтисоди кишвар, дар раҳой аз вобастагии энергетикӣ ва баланд бардоштани сатҳи зиндагии ҳар кадом сокини ҷумҳурӣ сохтмони умумихалқӣ эълон карда шуд.

«Ҷавонони бонангу номуси Ватан, - гуфта шудааст дар Мурочиатномаи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ба мардуми Тоҷикистон, - шумо ворисони он Фарҳодҳое мебошед, ки бо қувваи бозуи худ бе ягон техникаи ёрирасон кӯҳҳои касногузарро шикафта, дар муддати се-чор моҳ аз Душанбе то Хоруғ роҳ бароварданд, дар кӯтоҳтарин муддат каналҳои калони Ҳисору Фарғонаро ба истифода доданд, водии Вахшро обод намуданд.

Фаромӯш накунед Ватан имрӯз ҳам ба дасту бозуи созандаи шумо эҳтиёҷ дорад». [10, с. 246].

Ҳидояти Сарвари давлат ҷавонорро рӯҳбаланд кард. Онҳо дар ҳамкорӣ бо мутахассисону коргарони Федератсияи Русия дар бунёди НБО-и «Сангтӯда-1»

ширкат варзиданд. Самараи дӯстӣ буд, ки НБО-и «Сангтӯда-1» дар моҳи августи соли 2009 бо иқтидори пурра ба истифода дода шуд. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар маросими ба истифода додани ин сохтмони дӯстӣ гуфта буд: «...НБО-и «Сангтӯда-1» дар қаламрави ИДМ иншооти бузургтарини энергетикӣ мебошад, ки бо иштироки давлат ва ширкатҳои Русия сохта шуд. Дар сохтмони он бештар аз 50 корхонаю муассисаи соҳаи сохтмони Тоҷикистон ва Русия ширкат варзиданд. Таҷҳизот ва асбобу анҷоми зарурии нерӯгохро теъдоди хеле зиёди корхонаҳои саноатии Русия сохта, дастрас намуданд. Дар сохтмони нерӯгоҳ тақрибан 5 ҳазор нафар кор карданд, ки бештар аз 80 фоизи онҳо мутахассисони тоҷик мебошанд. Тибқи нақша, НБО «Сангтӯда-1» бо таҷҳизоти наватарини сохти Русия мучаҳҳаз шудааст. Иқтидори умумии он 670 мегаватт мебошад. Ҳамин тавр, сохтмони нерӯгоҳ боз як шаҳодати ҳамкории мамлакатҳои мо буда, ба барқарор гардидани муносибатҳои ҳамкории Тоҷикистону Русия дар соҳаи энергетика имконият фароҳам сохт. Чунин ҳамкорӣ ва муносибатҳои бародарона дар давраи шӯравӣ вучуд дошт ва анъанаҳои пурғановати эҳтиром, дастгирӣ ва расонидани кӯмак ба ҳамдигарро ифода менамуд» (13).

Сохтмони нерӯгоҳи барқии обии «Сангтӯда-2» 20 феввали соли 2006 шурӯъ гардид. Иқтидори ин нерӯгоҳ мутобиқи лоиҳа 220 мегаватт буда, дар он бояд ду агрегате, ки ҳар кадомаш 110 мегаватт иқтидор дорад, васл мегардад. Чунин иқтидор имкон медиҳад соле дар маҷмӯъ 930 миллион киловатт-соат нерӯи барқ истеҳсол гардад. Ин барои ҳалли мушкилоти камчинии барқ дар Тоҷикистон ва ҳатто минтақа мусоидат менамояд ва қисми дигараш ба Ҷумҳурии Ислондӣ Афғонистон интиқол дода мешавад.

Сохтмони нерӯгоҳи «Сангтӯда-2» яке аз самтҳои ҳамкории мардуми Тоҷикистону Эрон буда, қадаме ба истиклолияти энергетикӣ кишварамон мебошад.

Ҳоло бо иқдоми Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон бо захираҳои худӣ сохтмони нерӯгоҳи Роғун идома дорад. Садҳо ҷавонони гуногунмиллати ватани соҳибистиклоламон баҳри сохтани нерӯгоҳ камари ғиммат баста, фидокорона меҳнат намуда истодаанд.

Махсусан, ҷавонони Тоҷикистон Мурочиатномаи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмонро, ки роҷеъ ба сохтмони нерӯгоҳи барқии обии Роғун аз санаи 5 январӣ соли 2010 манзур гардид, яқдилона истикбол намуда, барои аз ҳар роҳу восита саҳм гузоштан ба бунёди ин иншооти аср пешниҳодоти мушаххаси хешро манзур сохтанд. Аксарияти донишҷӯёни мактабҳои олии кишвар, ки вобаста ба ихтисосҳои соҳаҳои барқтаъминкунӣ, кафшеркориву дигар корҳои марбут ба нақбкани таҳсилдоранд, ба Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон пешниҳод намуданд, ки омода хاستанд дар фурсатҳои гузаштани таҷрибаомӯзӣ дар сохтмони ин нерӯгоҳ саҳм бигиранд, ё гурӯҳҳои сохтмончиёни ҷавон таъсис дода, дар айёми таътили тобистонаи худ ба сохтмончиёни Роғун кӯмак намоянд [7, с. 121].

Дар қанори ин, ҷавонони Тоҷикистон барои саҳмгузорӣ дар дигар самтҳои марбут ба таҳкими истиклолияти энергетикӣ кишвар низ нақши муассир гузошта меояд. Аз ҷумла, ҷавонони Тоҷикистон бо дӯстони худ аз Ҷумҳурии халқии Хитой паҳлӯ ба паҳлӯ истода, дар бунёди хати интиқоли барқи 500-киловатаи «Чануб-Шимол», ки ба масофаи 325 километр кашида шуда, 29 ноябри соли 2009 мавриди баҳрабардорӣ қарор гирифт, қорномаҳои меҳнатӣ нишон доданд. Бо ба истифода дода шудани ин иншооти дӯстӣ ва бародарӣ системаи ягонаи энергетикӣ Тоҷикистонро ба вучуд оварда, дар таҳкими системаи ягонаи энергетикӣ кишвар ва

раҳои аксари минтақаҳои Тоҷикистон аз вобастагии барқӣ аз дигар ҷумҳуриҳо нақши муҳимме гузошт. Барои сохтмони ин иншооти муҳими энергетикӣ зиёда аз 1 миллиарду 800 миллион сомонӣ харҷ гардид.

Дар маросими ба истифода дода шудани ин иншооти муҳим Сарвари давлат Эмомалӣ Раҳмон ба Вазорати энергетика ва саноати Тоҷикистон, Ширкати «Барқи тоҷик» ва мақомоти иҷроияи ҳокимияти давлатии вилояти Суғд дастур дод, ки дар муддати кӯтоҳ барои ба шабакаи ягона пайвастанӣ ҳамаи шахру навоҳии вилоят тамоми тадбирҳо андешида шаванд.

Сари вақт анҷом ёфтани ин барномаи муфид боис гардид, ки дар айёми таҷлили 20-солагии Истиклолияти давлатии Тоҷикистон зеристгоҳи «Айнӣ» мавриди баҳрабардорӣ қарор гирифта, водии Зарафшонро, ки яке аз минтақаҳои асосии вобаста ба барқи беруна ба шумор мерафт, пурра аз вобастагии энергетикӣ раҳой бахшид. Барои ба истифода додани ин пойгоҳи таъминоти барқ ва пайвастанӣ он ба шабакаи ягонаи барқии кишвар 130 миллион сомонӣ ҷудо гардид, ки лоиҳаи он пурра дар арафаи 20-солагии Истиклолияти давлатии Тоҷикистон татбиқ гардид.

Соҳаи гидроэнергетикӣ Тоҷикистон ояндаи дурахшон дорад. Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон рушди соҳаи тавлидоти барқи обиро самти афзалиятнок ҳисобида, баҳри пешрафти он тамоми чораҳоро андешида истодааст.

Ҳоло дар ин соҳа як қатор лоиҳаҳои дигар дар марҳилаи баррасӣ қарор доранд. Яке аз лоиҳаҳои ҷолиби диққат ва аз нигоҳи иқтисодӣ манфиатовар нақшаи бунёди нерӯгоҳи барқии оби «Даштиҷум» мебошад.

Иқтидори лоиҳавии он 4 ҳазор мегаватт буда, ғунҷоиши обанбораш 17,6 километри мукаабро ташкил медиҳад. Ин нерӯгоҳ яке аз нерӯгоҳҳои камхарҷтарин ва муфиди Тоҷикистон хоҳад гардид ва метавонад ҳамасола 15,6 миллиард киловатт-соат қувваи барқ истеҳсол намояд.

Гузашта аз ин нерӯгоҳи мазкур аҳамияти обшоргардонӣ низ дошта, метавонад якуним миллион гектар заминро обшор ва зиёда аз 5 миллион нафар аҳолии минтақаро ба қор таъмин намояд.

Дар қаламрави мамлакат инчунин захираҳои зиёди гидротехникии истифоданагардида дар мавзёҳои Зарафшон, Сурхоб ва Обихингов мавҷуданд.

Дар маҷмӯъ, солҳои охир дар натиҷаи амалишавии барномаҳои иҷтимоиву иқтисодӣ, аз ҷумла дар баҳши энергетика дар мамлакат зиёда аз 250 нерӯгоҳи хурду миёнаи обибарқии обӣ сохта шуда, бунёд ва ба фаъолият оғоз кардани нерӯгоҳҳои «Помир-1» ва «Сангтӯда-1», хатҳои интиқоли барқи «Лолазор-Хатлон», «Ҷануб-Шимол» ва «Конибодом-Боткент», зеристгоҳи «Сомонӣ»-и шаҳри Кӯлоб имкон доданд, ки шабакаи ягонаи энергетикӣ кишварро таъсис дода, дар самти ҳалли мушкилоти энергетикӣ соҳаҳои иқтисоди миллӣ ва мардум бо пешрафти назаррас муваффақ гардиданд. Ҳамзамон бо ин қорҳои сохтмону барқарорсозӣ дар иншооти азиму стратегӣ кишвар – нерӯгоҳи барқии оби Роғун, инчунин нерӯгоҳҳои хурду миёна дар ҳавзаи дарёҳои Вахш ва Зарафшону Варзоб вусъат ёфта, дар доираи Барномаи дарозмуддати бунёди силсилаи нерӯгоҳҳои хурди барқӣ то соли 2020-ум бояд 190 нерӯгоҳҳои хурди барқии обӣ сохта, мавриди истифода қарор дода шаванд.

Боиси хурсандист, ки имрӯзҳо ҷавонон дар қатори бинокорону васлгарон, бетонрезону кормандони муҳандисию техникӣ аз ҷумлаи саҳмгузориҳои ин нерӯгоҳҳои хурду бузург мебошанд. Агарчӣ қорҳои сохтмонӣ дар нерӯгоҳҳои «Сангтӯда-1» ва қисман дар «Сангтӯда-2» ба анҷом расидаанд, вале айни ҳол нерӯи бузурги ҷавонон дар қорҳои идоракунии, идомаи қорҳои сохтмонӣ дар қитъаҳои

боқимонда ғаъол ҳастанд. Дар назар аст, ки сохтмони нерӯгоҳи нави барқии обии «Айнӣ» бо ҳамкориҳои Ҷумҳурии Ислонии Эрон оғоз ёбад, ки диловарони меҳнатдӯсту ҷавони мамлакат майдони сохтмони ин нерӯгоҳро низ ба арсагоҳи меҳнат ва ҷонфидой табдил хоҳанд дод.

Бо боварии комил метавон гуфт, ки ҷавонони Тоҷикистон таҷрибаи таърихӣ бунёдкорӣ ва анъанаи дӯстию бародариро сарбаландона идома дода, дар амалӣ гардидани нақшаҳои стратегии мамлакатамон саҳми арзанда хоҳанд гузошт.

Вожаҳои калидӣ: сохтмонҳои зарбдори комсомолӣ, ташаббусҳои ватандӯстонаи ҷавонон, самараи дӯстӣ ва ҳамкориҳои ҷавонон, пайванди наслҳо ва бунёди нерӯгоҳҳои барқии обӣ

Пайнавишт:

1. Бойгонии Маркази таҳқиқоти сиёсии Ҳизби коммунистии Тоҷикистон. – Ф.36. – Р.13. – П.8. – В.15.
2. Горбачев П. – Нурек – стройка интернациональная. / П.Горбачев. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 64 с.
3. Ёров А. Нурек – манбаи нур / А.Ёров // Тоҷикистон нурборон мешавад. – Хуҷанд: Ношир, 2009. – С.219-226.
4. Искандаров Б. Таджикистан в братской семье народов СССР. / Б.Искандаров. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 80 с.
5. История таджикского народа. – Т. VI (Новейшая история). – Душанбе: Империял-групп, 2011. – 688 с.
6. Лугманов Т. Стройки дружбы. / Т.Лугманов. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 64 с.
7. Набиев В. Созандагони Тоҷикистони соҳибистиқлол. / В.Набиев. – Душанбе: Ирфон, 2013. – 340 с.
8. Набиев В. Файзи дӯстии ҷавонон / В.Набиев. // Тоҷикистон нурборон мешавад. – Хуҷанд: Ношир, 2009. – С.233-237.
9. Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1984. – Т.2. – 512 с.
10. Раҳмонов Э. Тоҷикистон: дар роҳи демократия ва ҷомеаи мутааммадин. / Э.Раҳмонов. – Душанбе: Ирфон, 1995. – 56 с.
11. Черных Д.Я. Нурек. / Д.Я.Черных. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 68 с.
12. Шариф К. Иқболи баланд // Тоҷикистон нурборон мешавад. К.Шариф. – Хуҷанд: Ношир, 2009. – С.394-403.
13. Эмомалӣ Раҳмон: «Ҳамкориҳои бародарона барқарор мегардад» // Суханронии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар маросими ба истифода додани НБО-и «Сангтӯда-1». - Ҷумҳурият. – 2009. – 4 август.

Reference Literature:

1. Central Archive of Political Research Centre under Tajikistan Communist Party. Fund 36. – Inventory 13. – Case 82. – Sheet 15.
2. Gorbachyov P. Nurek Being International Construction Site. / P. Gorbachyov. - Dushanbe: Cognition, 1978. – 64 pp.
3. Yorov A. Nurek Being Source of Light / A. Yorov // Tajikistan Will Be Bright. - Khujand: Noshir, 2009. – pp. 219 – 226.
4. Iskandarov B. Tajikistan in the Fraternal Family of the Peoples of the SSSR. / B. Iskandarov. - Dushanbe: Cognition, 1987. – 80 pp.

5. *The History of the Tajik Nation. – V.VI (The Newest History).* - Dushanbe: Imperial-group, 2011. – 688 pp.
6. *Lugmanov T. The Construction of Friendship. / T. Lugmanov.* - Dushanbe: Cognition, 1986. – 64 pp.
7. *Nabiyev V. The Founders of Independent Tajikistan. / V. Nabiyev.* - Dushanbe: Cognition, 2013. – 340 pp.
8. *Nabiyev V. Friendly Grace of Youth / V. Nabiyev. // Tajikistan Will Be Bright.* - Khujand: Noshir, 2009. – pp. 233 – 237.
9. *Essays on the History of Tajikistan Communist Party.* - Dushanbe: Cognition, 1984. – V.2. – 512 pp.
10. *Rahmonov E. Tajikistan: On the Way of Democracy and Civilized Society*
11. *Chernikh D. Ya. Nurek. / D. Ya. Chernikh.* - Dushanbe: Cognition, 1971. – 68 pp.
12. *Sharif K. Good Luck // Tajikistan Will Be Bright.* - Khujand: Noshir, 2009. – pp. 394 – 403.
13. *Emomali Rahmon: «Friendly Cooperation Will Be Established» // Speech of Tajikistan Republic President Emomali Rahmon on Putting «Sangtuda 1» HEPS into Operation.* – Jumhuriyat (Republic). – 2009. August 4.

07 00 15 ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
07 00 15 HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 327
ББК 66.4

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ТАДЖИКСКО-РОССИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XX-
XXI ВВ.**

Алиева Рафоат Рашидовна,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры общеобразовательных дисциплин
Института экономики и торговли ТГУК
(Таджикистан, Худжанд)

**PRIORITY STREAMLINES OF
TAJIK-RUSSIAN RELATIONS AT
THE JUNCTION OF THE XX-TH –
THE XX-ST CENTURIES**

Aliyeva Rafoat Rashidovna,
candidate of historical sciences, Associate
Professor of the department of general educational
disciplines of the Institute of Economy and Trade
under the Tajik State University of Commerce
(Tajikistan, Khujand)

Ключевые слова: независимость, внешняя политика, таджикско-российские отношения, межрегиональное сотрудничество, экономика, гуманитарная сфера, инвестиции, развитие

Статья посвящена становлению и развитию таджикско-российских отношений в годы независимости. Анализируются пути формирования внешней политики Республики Таджикистан. Отмечено, что одним из главных направлений внешней политики РТ явилось развитие прямых и многосторонних отношений с Российской Федерацией. Обобщен процесс развития многосторонних отношений Республики Таджикистан с Российской Федерацией. Определяются приоритеты в таджикско-российских отношениях в экономике, политике, в гуманитарной сфере. Констатируется, что взаимодействие Российской Федерации и Республики Таджикистан в гуманитарной сфере было направлено на сохранение единого научно-образовательного и культурного пространства. Отражены политические контакты Таджикистана и России, отмечены постоянные рабочие встречи двух президентов, результаты которых во многом определяют ритм и динамику развития межгосударственных связей. Характеризуя нынешнее состояние таджикско-российских отношений, автор делает вывод, что они продолжают сохранять стабильность, имея тенденцию к поэтапному расширению, содействуя всемерному укреплению дружбы и взаимопонимания.

Key words: independence, foreign policy, Tajik-Russian relations, interregional collaboration, economy, humanitarian sphere, investitures, development

The article dwells on the formation and development of Tajik-Russian relations in the years of independence. The ways of formation of foreign policy of Tajikistan Republic are analyzed. The author outlines that one of the principal trends of TR foreign policy is a development of direct and multisided relations with the Russian Federation. The process of the development of

manysided relations between Tajikistan Republic with Russian Federation is generalized. The author states that for today Tajikistan and Russia as equal subjects of international relations struck 250 normative-legal documents regulating actually all key positions of their collaboration.

Priorities in Tajik-Russian relations in economy, politics and humanitarian sphere are being determined. Reflecting political contracts between Tajikistan and Russian the author constantly speaks about our two presidents' working meetings whose results determine undoubtedly in much the rhythm and dynamics of the development of interstatal ties.

Characterizing the present state of Tajik-Russian relations the author comes to the conclusion that they continue to retain stability inclining towards stage by stage extension, promoting utmost consolidation of friendship and mutual understanding.

Обретение государственной независимости открыло для Республики Таджикистан возможность самостоятельно проводить внешнюю политику, определять направления и приоритеты межгосударственных отношений.

Одним из условий реальной независимости каждого государства является признание его мировым сообществом. Республика Таджикистан после достижения подлинной независимости была признана авторитетными государствами, играющими важнейшую роль на международной арене. На сегодняшний день государственную независимость Республики Таджикистан официально признали более 135 стран мира, 125 из них установили с нашей страной дипломатические отношения, 44 государства имеют в Таджикистане постоянных послов или послов по совместительству [2, с. 137]. В республике функционируют 100 представительств международных и неправительственных организаций и финансовых институтов.

За короткий исторический период независимости в Таджикистане проведена огромная работа по становлению республики как суверенного государства. Созданы и функционируют внешнеполитическая инфраструктура и каналы связи РТ с внешним миром, которые последовательно расширяются и включают новые страны.

Выявление наиболее приоритетных направлений внешней политики позволило Таджикистану выработать собственные пути вхождения в мировое сообщество. Одним из них является развитие прямых и многосторонних отношений, а также укрепление равноправных связей с суверенной Россией и опора на ее потенциал. При определении Таджикистаном внешней и внутренней политики учитывалось, что на протяжении более 70 лет Таджикистан и Россия, находясь в составе бывшего Союза, были неразрывно связаны друг с другом во всех сферах жизни, экономики и культуры. Корни этих связей уходят в еще более отдаленное прошлое. Если учесть реальное влияние России на жизнь Таджикистана, его судьбу и будущее, то следует объективно принять, что значение этого сотрудничества достаточно велико [3, с. 10].

Таджикско-российские отношения обрели новое значение с распадом СССР, в условиях независимости у обоих государств кардинальным образом изменились подходы к формированию внутренней и внешней политики. Несмотря на то, что с обретением независимости у обоих государств определились новые внешнеполитические ориентиры, тем не менее, таджикско-российские отношения носили устойчивый характер и имели тенденцию к частой координации усилий, направленных на сближение двух стран.

В новых исторических условиях государственной независимости между Таджикистаном и Россией 8 апреля 1992 г. были установлены дипломатические

отношения. Подписанный 25 мая 1993 г. договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией», а также договор «О союзническом взаимоотношении между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией, ориентированном на XXI век» от 16 апреля 1999 г. подвели прочную политико – правовую основу под многоплановое сотрудничество между двумя странами, затрагивая различные сферы двустороннего сотрудничества в политической, военной, экономической, торговой и культурно-образовательной сферах [12, с. 22]. Оба эти договора как политико-правовые документы определили приоритетные направления долгосрочного сотрудничества Республики Таджикистан с Российской Федерацией. За прошедшие годы, после подписания и ратификации этих важнейших документов, таджикско–российские отношения выдержали испытание временем. Данные документы, составляющие основу двусторонней договорно-правовой базы, позволили упрочить межгосударственные связи во всех сферах жизни. На сегодняшний день насчитывается более 230 межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений, позволивших упрочить межгосударственные связи, регулирующие практически все ключевые позиции их сотрудничества и охватывающие все сферы жизни общества: политику, экономику, торговлю, военно-техническую, гуманитарную, гражданскую оборону, помощь при чрезвычайных ситуациях и многие другие области [7, с. 2].

Стремление народов к общению друг с другом, бесспорно, является основополагающей предпосылкой для международного сотрудничества. И все же без политической воли, личных контактов лидеров государств и характера отношений между ними в целом даже в нынешние времена невозможно достичь необходимых результатов в налаживании и развитии данного сотрудничества.

В укреплении партнерских и союзнических отношений, углублении и развитии двусторонних связей особый тон задают главы двух государств, придавшие двустороннему сотрудничеству особый статус стратегического партнерства. В связи с этим, следует отдельно отметить постоянные рабочие встречи двух наших президентов, результаты которых, несомненно, во многом определяют ритм и динамику развития таджикско-российских отношений. В их числе визиты Президента РТ Эмомали Рахмона в Российскую Федерацию (апрель 2001 г., июнь 2004 г. в Москву, октябрь 2005 г. и июнь 2007 г. - в Санкт-Петербург, октябрь 2007 г. – в Челябинск, август 2013 г.- в Ново-Огарево, и т.д.) и визиты в Душанбе Президента РФ В.В. Путина (ноябрь 1999 г., июль 2000 г., октябрь 2001 г., апрель 2003 г., официальные визиты главы государства в октябре 2004 г., в августе 2008 г., в сентябре 2011 г., в октябре 2012 г.).

Высокому качеству взаимодействия между двумя государствами способствует в первую очередь интенсивность политических контактов лидеров двух стран. В ходе регулярных рабочих встреч президентов двух стран предметно рассматриваются самые актуальные вопросы двусторонних и многосторонних отношений, определяются их приоритетные направления и перспективы дальнейшего углубления. Важную роль в деле поддержания высокого уровня отношений между государствами играет активность политического руководства Таджикистана, проявляющего постоянную заинтересованность в продвижении совместных энергетических и других важных проектов.

В связи с этим следует отметить, что отношения между Россией и Таджикистаном вступили в новую фазу после встречи президентов в Сочи в июне 2004 г. Президент

Республики Таджикистан Эмомали Рахмон и Президент Российской Федерации Владимир Путин на высшем уровне, с учетом национальных интересов сторон, заложили договорно-правовую базу, определили приоритетные направления сотрудничества [14, с. 50].

Качественно новым можно считать этап таджикско-российских отношений с момента первого официального визита Президента Российской Федерации Владимира Путина в Республику Таджикистан, который состоялся 16-17 октября 2004 года. Были подведены итоги многолетней совместной работы по всем направлениям сотрудничества, найдено пакетное решение многих важнейших вопросов с учетом интересов обеих сторон. Появился новый блок договоров и соглашений, охвативших важнейшие стороны межгосударственных отношений, получивших юридическое обеспечение во многих сферах деятельности. В ходе визита было подписано 14 важных соглашений, которые заложили фундамент дальнейшего развития экономических, торговых и культурных взаимоотношений [11, с.16].

За годы независимости тесные рабочие контакты сложились между парламентами двух государств. Стороны на регулярной основе обмениваются парламентскими делегациями на различном уровне. В ходе встреч и переговоров по этой линии уделяется постоянное внимание актуальным вопросам общественно-политической жизни двух стран, а также проблемам двусторонних отношений. Контакты на парламентском уровне играют довольно заметную роль в сближении национальных законодательств, разработке законов и рекомендательных законодательных актов, включая сферу рыночной экономики.

Важное место в таджикско-российских отношениях занимает военно-техническое сотрудничество, которое продолжает плодотворно и эффективно развиваться. Руководство республики высоко оценивает роль России как гаранта мира и стабильности в регионе. Здесь необходимо особо отметить роль Российской Федерации как государства — наблюдателя при межтаджикских переговорах, которое существенным и благотворным образом воздействовало на весь ход переговорного процесса и прекращение боевых столкновений противоборствующих сторон, а также усилия руководства России по установлению мира и спокойствия в нашей стране.

Продолжается интенсивное сотрудничество по вопросам строительства и дальнейшего укрепления Вооруженных сил РТ. На взаимосогласованных началах осуществляется совместная охрана таджикско-афганской границы, которая является южным рубежом Содружества Независимых Государств.

Россия на постоянной основе оказывает помощь Министерству обороны Республики Таджикистан в обеспечении военной техникой, оборудованием, специалистами, обучении военных кадров. Взаимодействие силовых структур двух стран в подготовке кадров, техническом и боевом оснащении во многом позволило Таджикистану к настоящему времени опереться уже на собственные возможности в решении вопросов безопасности. Нельзя не сказать и о том, что Россией и Таджикистаном совместно решаются проблемы, связанные с растущей угрозой проникновения наркотиков в Россию и далее в Европу. По линии антинаркотических ведомств действует Программа по оказанию содействия АКН, в соответствии с которой ФСКН России в течение 2012-2014 гг. выделило Агентству помощь в объеме 5 млн. 400 тыс. долл. США [4, с. 1]. Задача противостояния этому вызову XXI века и в будущем, несомненно, потребует самого тесного взаимодействия двух государств.

Важнейшими проблемами для обоих государств являются: воздействие на мировые процессы в целях формирования стабильного, нового, демократического, многополярного

нового миропорядка, основанного на общепризнанных нормах международного права, сотрудничество во имя безопасности в рамках международных, региональных и субрегиональных организаций в процессе решения задач, совпадающих с национальными интересами обеих стран и партнеров по СНГ. Наглядным доказательством скоординированных действий двух государств на международной арене может стать их единая позиция по вопросу урегулирования проблемы Афганистана, совместные шаги, предпринимаемые для установления мира и стабильности на многострадальной афганской земле, а также экономического возрождения страны.

Таджикистан и Россия имеют общие позиции по большинству концептуальных вопросов международной и региональной политики и интеграционного взаимодействия. При этом особое значение придается вопросам эффективного сотрудничества в рамках таких международных и региональных организаций, как ООН, ОБСЕ, СНГ, ШОС, ОДКБ. Две страны, тесно сотрудничая в этих организациях, оказывают друг другу максимальную поддержку по наиболее важным вопросам, затрагивающим жизненные интересы наших стран.

Реализация стратегического партнерства предполагает, разумеется, и развитое экономическое сотрудничество. В силу объективных обстоятельств, прежде всего из-за гражданского конфликта в Таджикистане и его последствий, а также экономических проблем РФ, связанных с переходом к рыночной экономике в 90-е годы прошлого века, этому аспекту взаимоотношений двух государств не уделялось должного внимания. Лишь начиная с 2006 года российско-таджикские торгово-экономические отношения стали динамично развиваться. Россия становится одним из основных торговых партнеров Таджикистана, ее доля в общем объеме внешнеторгового оборота республики на сегодня составляет около 30 процентов. Если в 2001 году объем внешнеторгового оборота между двумя странами составил 234 млн. долларов США, или 17,5 процента от общего объема внешнеторгового оборота Таджикистана, то взаимный товарооборот в 2014 году уже достиг 1,2 млрд. долларов, тогда как ещё в 2012 г. он был менее 1 миллиарда, увеличившись по сравнению с 2012 г. на 2,7%. Россия из года в год наращивает экспорт товаров в Таджикистан. Если в 2012 году сумма экспорта составляла 92,5 млн. долларов США, то в 2014 году - соответственно 105,0 и 129,4 млн. долларов США [4, с. 2], что, безусловно, свидетельствует о динамичном развитии торгово-экономических связей между нашими странами.

В Таджикистан в основном поставляется продукция предприятий нефтехимической, машиностроительной, оборонной и пищевой промышленности, древесины и изделия из нее. В свою очередь Таджикистан, кроме алюминия и хлопка, экспортирует в Россию, хотя и в незначительном количестве, овощи, фрукты, орехи и др.

В настоящее время в Таджикистане зарегистрированы и работают в различных отраслях экономики около 70-ти совместных предприятий с участием российского капитала, прямые инвестиции которых составили 1 млн. 900 тыс. долларов США. При содействии российских проектных организаций разработаны технико – экономические обоснования поэтапного строительства Рогунской ГЭС, создания совместного предприятия на базе Адрасманского ГОКа и месторождения «Восточный и Западный Конимансур» в Согдийской области РТ с последующим освоением месторождения «Большой Конимансур». Эти факты послужили тому, что в ноябре 2005 года ОАО «Норильский никель» и некоторые другие российские компании выразили намерение

о добыче серебра на крупнейшем в мире месторождении серебра и свинца «Большой Кони мансур» в Согдийской области Таджикистана.

Российские компании «ВымпелКом» (торговая марка «Билайн») и ОАО «МегаФон» уверенно вышли на рынок сотовой связи в Таджикистане. ЗАО «ВымпелКом» приобрело за 12 млн. долл. контрольный пакет акций ООО «Таком» (60%), и в настоящее время его абонентская база превысила 100 тыс. человек. Компания планирует вложить в развитие еще 20 млн. долл. ОАО «МегаФон» приобрело 75 % акций компании «ТТ-мобиле», его абонентская база превысила 150 тыс. чел. Обе компании активно внедряют технологии связи 3-го поколения, позволяющие осуществлять высокосортный доступ в Интернет, смотреть телепередачи и т.д. [14, с. 4].

Российская компания «Русские отели» через свою фирму ООО «Созидание» профинансировало строительство в городе Душанбе пятизвездочного отеля «Хайят» на 240 номеров и бизнес-центра. В ходе строительства было создано около 450 рабочих мест, в основном это местные граждане. Строительство отеля завершено в сроки, определенные соглашением. До конца 2007 года планировалось освоить около 100 млн. долл. по обоим объектам. [14, с. 4]. ООО «ЖилКапИнвест» проинвестировало строительство жилого элитного дома «Пойтахт-80» в г. Душанбе. Всего должно быть построено 7 жилых секций элитного уровня, каждая общей площадью 1000 кв. м. Общая стоимость проекта составляет 41 млн. долл. [4, с. 4].

Повышению эффективности продвижения продукции, промышленных товаров и услуг на таджикский рынок, а также развитию торгово – экономических связей, реализации инвестиционных программ России и Таджикистана способствовала первая Российская национальная выставка, которая проходила в Душанбе с 29 ноября по 2 декабря 2005 года в Душанбе. В церемонии торжественного открытия выставки принимали участие Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Таджикистане Рамазан Абдулатипов, заместитель гендиректора по совместным проектам «РУСАЛ» Сергей Анненков, председатель правления РАО «ЕЭС» Анатолий Чубайс, замдиректора департамента госрегулирования внешнеторговой деятельности и таможенного дела Минэкономразвития РФ В. Зигман, глава делегации РФ Б. Пастухов, губернаторы регионов России; представители крупных российских компаний и другие официальные лица [1, с. 2].

В работе выставки приняли участие предприятия из 30 российских регионов. Среди них: ОАО «Русал», РАО «ЕЭС России», ОАО «Камаз», ООО УК «РусПромАвто», «КОМИТЕКС», «Русское хлопковое сообщество», «Агромашхолдинг», научно – исследовательские институты, торгово – промышленные палаты регионов и субъектов РФ. Свою продукцию на ней представили около 60 российских компаний, а также финансово – инвестиционные компании, банки, фонды, торгово – экономические объединения. Титульным спонсором мероприятия выступила компания «Русал» [1, с. 2].

В рамках Российской национальной выставки прошел Экономический Форум «Россия и Таджикистан: реальность и перспективы», на котором были обсуждены вопросы правового обеспечения торгово – экономического сотрудничества, правового регулирования процессов трудовой миграции, перспективы интеграции валютно – финансовых рынков, инвестиционной привлекательности РТ для российских инвесторов. В Форуме приняли участие представители Секретариата Исполнительного

и Интеграционного Комитетов ЕврАзЭС, Управления Роструда и Федеральной миграционной службы, руководители многочисленных ТПП России. Таджикская сторона была представлена министерствами и их подведомственными организациями, крупными банками, в том числе и международными, аккредитованными в РТ, страховыми компаниями страны.

Содействие формированию единого экономического пространства и углублению интеграционных процессов способствовали также тематические круглые столы по вопросам двустороннего торгово – экономического сотрудничества в рамках ЕврАзЭС, трудовой миграции, развития межрегионального сотрудничества и интеграции валютно – финансовых рынков, которые прошли в рамках Российской национальной выставки в Душанбе в ноябре 2005 года. Представители российских и таджикских предприятий, компаний и фирм провели индивидуальные переговоры с целью налаживания контактов и развития взаимовыгодного экономического сотрудничества [6, с. 2].

Углублению интеграционных процессов, а также укреплению дружбы, доверия и взаимосвязей деловых кругов способствовали все мероприятия, проходившие в рамках Российской национальной выставки. В послании президента РТ Эмомали Рахмона участникам выставки и экономического Форума говорится: «Добрые отношения между странами создали в стратегическом плане фундамент для партнерства. Общая история, единое экономическое пространство, объединяющее Таджикистан и Россию, стали естественной базой для дальнейшего партнерства. Руководство обеих стран прилагает все усилия для того, чтобы обогатить наши связи новыми примерами. Я уверен, что в скором времени мы станем свидетелями новых взаимоотношений, возникших при помощи данной выставки» [10, с. 2]. Организаторами выставки стали Министерство экономического развития и торговли России, торгово – промышленные палаты РТ и РФ при содействии президента, Правительства РТ и Посольства Российской Федерации в РТ.

Несомненно, большой интерес у таджикистанцев вызвала Национальная выставка Российской Федерации, где были представлены последние достижения в области науки и технологий. На выставке была представлена продукция машиностроения, нефтехимического и топливно – энергетического комплекса, кожевенное сырье, меха, печатная продукция, электронные технологии, черные и цветные металлы и изделия из них, продукция пищевой, парфюмерной, фармацевтической промышленности, а также товары народного потребления.

Проведение Форума и Национальной выставки явилось важным фактором развития торгово - экономического сотрудничества, налаживания деловых контактов, создания совместных предприятий, подписания контрактов и новым этапом взаимодействия между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией.

Выставка предоставила российским предприятиям возможность заявить о себе, а также наладить более тесное сотрудничество с таджикскими предприятиями, а может, и с отдельными представителями бизнес – кругов республики. В свою очередь, таджикские предприниматели получили возможность кооперации с российскими заводами. Например, была выработана программа по созданию центра сервисного обслуживания экскаваторов на Ремонтно – экскаваторном заводе Республики Таджикистан.

Важным фактором расширения двустороннего сотрудничества в конкретных областях послужила ярмарка продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности, которая прошла в российском городе Сочи 17 августа 2006 года, в ходе внеочередного заседания Межгоссовета ЕврАзЭС [15, с. 101]. На данной ярмарке, где для этого была выделена территория площадью 1000 кв. м., организованной при участии Торгово-промышленной палаты Таджикистана и Союза «Таджикматлубот» было представлено около 700 тонн сельскохозяйственной продукции таджикских земледельцев. Посетители могли купить 12 сортов дынь, 16 сортов винограда, а также 20 различных сортов сухофруктов. Кроме того, на ярмарку было доставлено 20 тонн таджикского натурального меда и производимых в республике плодоовощных консервов [11, с. 16].

Следует отметить, что на ярмарке Таджикистана в Сочи были представлены многочисленные образцы национальной таджикской кухни. А сельхозпродукция таджикских земледельцев, которая продавалась по ценам на 20-25 процентов ниже цен сочинских рынков, была раскуплена в считанные часы [16, с. 2].

На открытии выставки-ярмарки выступил Президент Российской Федерации Владимир Путин. Он отметил важность инициативы Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по организации ярмарки, подчеркнув, что проведение подобных мероприятий является важным фактором расширения двустороннего сотрудничества в конкретных областях, а также служит способом нахождения новых путей взаимодействия между производителями и потребительским рынком [15, с. 101].

Благодаря проведению этой сельхозярмарки многие россияне узнали, чем богата таджикская земля, какие прекрасные овощи и фрукты выращивают таджикские земледельцы. В период работы ярмарки был подписан ряд важных торговых соглашений с руководителями различных регионов Российской Федерации.

Россия остается крупнейшим прямым инвестиционным партнером Таджикистана, доля которого в суммарных прямых иностранных инвестициях составляет около 50% от общего объема всех прямых иностранных инвестиций в экономику РТ. Необходимо отметить, что в последние два года отмечены усилиями обеих сторон по созданию условий для расширения экономического сотрудничества, привлечения российских инвестиций в экономику Таджикистана. В настоящее время в Таджикистане создано около 100 предприятий с участием российского капитала с общим объемом накопленных прямых инвестиций более 1,5 млрд. долл. [14, с. 49].

Необходимо отметить, что вопросы двустороннего торгово-экономического сотрудничества постоянно находятся в центре внимания заседаний межправительственной Комиссии по экономическому сотрудничеству между РТ и РФ. В рамках ее заседаний детально анализируется процесс реализации достигнутых в этом направлении договоренностей, определяются конкретные шаги по дальнейшему развитию сотрудничества сторон в сфере торговли, промышленности, энергетики, сельского хозяйства, освоения природных ресурсов и других областях экономического сотрудничества, представляющих взаимный интерес. Межправительственной Комиссией по экономическому сотрудничеству с момента ее создания (март 2002 г.) принят курс на решение наиболее перспективных вопросов и развязку накопившихся проблем в этой сфере с учетом интересов обеих сторон. В то же время анализ имеющихся документов, подписанных с обеих сторон, позволяет сделать вывод, что большинство решений по

развитию экономических связей двух сторон переносится из одного протокола заседания в другой и остаётся на уровне намерений, не находя конкретного воплощения в жизнь.

В современных условиях, наряду с решением социально-политических проблем, на первый план выдвигается поиск новых механизмов экономического взаимодействия на уровне регионов. Одно из определяющих мест в углублении двусторонних связей между Россией и Таджикистаном занимает развитие и укрепление перспективных направлений в сфере межрегионального сотрудничества, которое в последние годы заметно активизировалось.

В таджикско-российских отношениях стояли вопросы налаживания более широкого сотрудничества на уровне регионов с субъектами Российской Федерации, и работа в этом направлении заметно активизировалась с 2003 года. Так, из 132 соглашений, подписанных Торгово - промышленной палатой РТ с ТПП стран СНГ, 100 приходится на регионы России. Двусторонняя правовая база в этой области составляет более 70 соглашений и меморандумов, на базе которых в Таджикистане зарегистрированы и работают в различных отраслях экономики более 100 отдельных российских и совместных предприятий [11, с.16].

На сегодня российская сторона проявляет заинтересованность в расширении торгово-экономического сотрудничества между регионами свыше 70 субъектов Российской Федерации. В том числе такими крупными, как Москва, Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Алтайский, Краснодарский, Красноярский края, Оренбургская, Челябинская, Самарская, Ивановская области. На эти десять регионов приходится более половины общего товарооборота с регионами Таджикистана.

Развитие межрегионального сотрудничества активно поддерживается парламентами двух государств. Принята Концепция взаимодействия Совета Федерации и Маджлиси Милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан в сфере правового регулирования межрегионального сотрудничества наших стран. С учетом необходимости придания нового импульса этому направлению, в настоящее время активно прорабатываются вопросы расширения сотрудничества административно-территориальных единиц Республики Таджикистан с субъектами Российской Федерации путем принятия соответствующих правовых документов. Очевидна фундаментальная значимость в определении целей, принципов и направлений деятельности органов власти Республики Таджикистан и Российской Федерации в сфере межрегионального сотрудничества этих государств. Особую роль в расширении межрегионального сотрудничества продолжает играть Межпарламентский форум: «Россия - Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества». Состоялись три таких форума, ставшие площадкой, на которой происходит прямое общение парламентариев, руководителей субъектов Российской Федерации и областей Республики Таджикистан, представителей делового мира из регионов [13, с. 18].

Другим важнейшим приоритетом в рассматриваемый период, безусловно, является сложившийся высокий уровень взаимоотношений наших стран в культурной и гуманитарной сферах. Сотрудничество, осуществляемое в этих областях, направлено в первую очередь на то, чтобы сохранить единое научно-культурное пространство между Таджикистаном и Россией. В этих целях ежегодно на основе имеющихся договоренностей, по оговоренной квоте на учебу в лучшие вузы России отправляются студенты из Таджикистана. Осуществляются тесные постоянные контакты научных и научно-

исследовательских институтов, культурных учреждений наших стран. Периодически проводятся мероприятия, направленные на пропаганду культуры, языка и других духовных ценностей народов Таджикистана и России. Стало традицией проведение Дней культуры города Душанбе в Москве и Российской Федерации в Таджикистане.

Российско-Таджикский (Славянский) университет, созданный усилиями двух государств, за короткий срок превратился в престижный ведущий вуз страны. По линии министерств образования согласованы поставки в Таджикистан российской научно-методической и художественной литературы. Не менее успешно функционирует филиал МГУ, а в также филиалы таких российских вузов, как Московский институт стали и сплавов и Московский энергетический институт. Сотни, если не тысячи, представителей молодежи республики ежегодно выезжают на учебу в Россию как по российским государственным квотам (около 650 чел. в год), так и самостоятельно [2, с. 2].

Россия ежегодно предоставляет стипендии для обучения студентов из Таджикистана в вузах РФ. Всего за 2013/2014 учебный год по линии Минобрнауки России для Таджикистана было выделено 1350 бюджетных мест. Из российского федерального бюджета ежегодно выделяется более 4,5 млн. долл. на финансирование деятельности РТСУ [4, с. 2].

При содействии фонда «Русский мир» библиотечные фонды школ республики ежегодно пополняются произведениями классиков русской литературы. В рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» в 2009 году школам республики было выделено 25 тыс. книг [5, с. 2]. Русские центры Фонда «Русский мир» уже функционируют в трех ведущих вузах Таджикистана, и в перспективе планируется открыть такие центры во всех областях республики.

Анализ установившихся взаимоотношений РТ с Российской Федерацией доказывает, что использованы еще не все резервы и механизмы. Это в первую очередь относится к проблемам трудовой деятельности граждан обеих стран на территории друг друга и их социальной защищенности. С учетом актуальности вопроса, странами ведется активная работа по проработке и принятию пакета документов, которые могли бы защитить права наших сограждан на территории РФ.

На исходе второго десятилетия XXI века, рассматривая отношения Таджикистана и России в качестве самостоятельных субъектов международного сообщества, можно смело констатировать, что они в полной мере характеризуются стабильностью, динамизмом, взаимным доверием и предсказуемостью. Это наблюдение объективно, если учесть связывающую их общность исторических, духовных, хозяйственных и родственных ценностей. Для России отношения с Таджикистаном, а для Таджикистана - отношения с Россией имеют приоритетный характер: оба государства активно взаимодействуют в торгово-экономической, гуманитарной, военно-технической и других сферах. И это взаимодействие основано на принципах равноправия, взаимоуважения и взаимной выгоды.

Характеризуя нынешнее состояние таджикско-российских отношений, Президент РТ Эмомали Рахмон в ежегодном Послании Маджлиси Оли РТ (январь 2016 г.) отметил, что они продолжают сохранять стабильность, имея тенденцию к поэтапному расширению [8, с. 1].

Политическое, экономическое и культурное сотрудничество с этой страной будет продолжено и в будущем, и задача состоит в том, чтобы как можно больше расширить поле подобного сотрудничества. Таким образом, можно констатировать, что успешное сотрудничество Таджикистана и России содействует всемерному укреплению отношений

дружбы и взаимопонимания между ними, более того, оно является важным фактором обеспечения мира, стабильности и безопасности не только в Таджикистане, но и во всем регионе Центральной Азии и вокруг него.

Список использованной литературы:

1. Ахмедова Е. Новый виток российско – таджикского сотрудничества//Азия – плюс. - 2005 г. - 24 ноября.
2. Выступление Президента на торжественном собрании по случаю 15 – летия образования Российско-Таджикского (Славянского университета) // Народная газета. - 21 сентября 2011 г.
3. Зарифи Х. 20 лет независимости и внешняя политика РТ // ИБ «Внешняя политика». - №1. - 2011. - С. 9-24.
4. Лякин-Фролов И. Конечная цель у нас другая // Согдийская правда.- 2013. - 13 ноября.
5. Маннонов Б. Россия экспортирует образование в СНГ// Ленинабадская правда. –2005 - 19 ноября.
6. Махмадбекова П. Россия – стратегический партнер Таджикистана. // Народная газета. –2005 . - 7 декабря.
7. Пауза межпарламентских контактов России и Таджикистана закончилась. // Народная газета. - 2014. - 12 марта.
8. Рахмон, Эмомали. Послание Маджлиси Оли РТ // Народная газета. - 2016. -20 января.
9. Рахмон Э. Эффективно использовать ресурсы и возможности интеграции// Народная газета. - 2009 . — 28 октября.
10. Россия и Таджикистан открывают новые перспективы // Азия – плюс. - 2005. –1 декабря.
11. Сафаров С.С. Таджикистан и Россия: динамика стратегических отношений //Таджикистан и современный мир. Вестник Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан.-№2(11), 2006. - С.14-19.
12. Саидов З., Сабуров А. Таджикистан на рубеже тысячелетий: реализация национальных интересов на международной арене. - Душанбе, 2005. - 432 с.
13. Светличный, В.Л. У России и Таджикистана нет нерешенных проблем// Бизнес и политика. - 2009. - №49. - С. 4-5.
14. Шарипов А., Шамсиддинов С. Эмомали Рахмонов-последователь таджикско-российской дружбы. - Душанбе, 2005. - 71 с.
15. Участие президента республики Таджикистан Э.Ш. Рахмонова во внеочередном заседании Межгоссовета ЕвразЭС// ИБ «Дипломатия Таджикистана». - 16/2006. - С.101 -108.
16. Ярмарка в городе Сочи// Народная газета.- 2006. - 23 августа.

Reference Literature

1. Akhmedova E. New Volution of Russian-Tajik Cooperation // Asia-Plus. November 24, 2005.
2. President`s Speech at the Solemn Meeting on the Occasion of the 15-th Anniversary of the Russian-Tajik (Slavonic) University // Narodnaya Gazeta (People`s Newspaper). – September 21, 2011.
3. Zarifi Kh. 20 Years of Independence and TR Foreign Policy // IB Foreign Policy. 2011, #1. – pp. 9 – 24.

-
4. *Lyakin-Frolov I. The Final Goal of ours is a Different one // Sogdiyskaya Pravda. November 13, 2013.*
 5. *Mannonov B. Russia Exports Education to CIS // Leninbadskaya Pravda. November 19, 2005.*
 6. *Makhmadbekova P. Russia Being a Strategic Partner of Tajikistan. – Narodnaya Gazeta (People`s Newspaper). – December 7, 2005.*
 7. *A Pause of Interparliamentary Contacts between Russia and Tajikistan Has Been over // Narodnaya Gazeta (People`s Newspaper), March 12, 2014.*
 8. *Rakhmon Emomali. The Message to TR Majlisi Oli // Narodnaya Gazeta (People`s Newspaper). – January 20, 2016.*
 9. *Rakhmon Emomali. We Must Use Resources and Advantages of Integration effectively // Narodnaya Gazeta (People`s Newspaper), October 28, 2009.*
 10. *Russia and Tajikistan Open New Perspectives // Asia-Plus. December 1, – 2005.*
 11. *Safarov S.S. Tajikistan and Russia: Dynamics of Strategic Relations // Tajikistan and Modern World. Bulletin of Strategic Researches Centre under Tajikistan Republic President. - # 2 (11), 2006. – pp. 14 – 19.*
 12. *Saidov Z., Saburov A. Tajikistan at Millenia Juncture: Realization of National Interests on International Arena. – Dushanbe, 2005. – 432 pp.*
 13. *Svetlichny V.L. There Aren`t non-Decisive Problems between Russia and Tajikistan // Business and Politics. – 2009. - # 49. – pp. 4 – 5.*
 14. *Sharipov A., Shamsiddinov S. Emomali Rakhmon Is a Successor of Tajik-Russian Friendship. – Dushanbe 2005. – 71 pp.*
 15. *Participation of Tajikistan Republic President E. Rahmon in the Extraordinary Meeting of Interstate Council of EuroAsEC // IB Tajikistan Diplomacy. 16/2006. – pp. 101 – 108.*
 16. *Fair in Sochi-City // Narodnaya Gazeta (People`s Newspaper), August 23, 2006.*

09 00 00 ИЛМҶОИ ФАЛСАФА
09 00 00 ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
09 00 00 PHILOSOPHICAL SCIENCES

09 00 13 ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ
09 00 13 PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

УДК 30

ББК 66.017.85

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ И ЕГО АКТУАЛИЗАЦИИ В
СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

**METHODOLOGICAL ASPECTS OF
CULTURAL HERITAGE PRESERVATION
AND ITS ACTUALIZATION IN MODERN
SOCIAL-CULTURAL SPACE**

*Дилором Исмоилова,
старший преподаватель кафедры
политологии и культурологии ХГУ им
акад. Б. Гафурова (Таджикистан,
Худжанд)*

*Dilorom Ismailova, senior teacher of
the department of politology and
cultural studies under Khujand State
University named after acad.
B. Gafurov (Tajikistan, Khujand).
E-MAIL: 14_sabrina_14@mail.ru*

Ключевые слова: проблемы культуры, историко-культурное наследие, наследование, социокультурная среда, трансформация, памятники, идентичность культуры.

На основе различных подходов и определений, сложившихся в мировой и отечественной науке, сделана попытка разработать основные проблемы морфологии культурного наследия, раскрывающей возможности использования объектов историко-культурного наследия в современной культурной ситуации, понимания его структуры и динамики, а также показать сходство и различие таких основных и взаимосвязанных понятий, используемых при изучении морфологии культурного наследия, как «наследие» и «наследование». Это отношение осуществляется каждым человеком в процессе творческого освоения ценностей культуры, так как становление личности всегда проходит в конкретной национально-культурной среде. В этой среде, отличающейся сегодня большим многообразием, есть место как для современных, так и для традиционных образцов культуры, значимых для развития и сохранения идентичности культуры.

Key words: *culture, historic-cultural heritage, inheritance, sociocultural environment, transformation, monuments, politics, problem.*

Proceeding from different approaches and definitions, established in world and national science the author of the article made an endeavour to work out the principle problems dealing with morphology of cultural heritage disclosing the potential utilization of objects of historic-cultural heritage in contemporary culture; understanding of its structure and dynamics and also to show similarity and differences of such basic and interconnected notions used in the course of study of the morphology of cultural heritage as “heritage” and “inheritance”. This relation is carried out by every man in the process of creative reclamation of cultural values because personal upbringing always occurs in concrete national-cultural environment. In this environment distinguished with great diversity now there is place for both modern and traditional paragons of culture significant for development and preservation of cultural identity.

Основой культуры любого народа является его культурное наследие, и именно оно играет актуальную роль в период системной модернизации. Она возникает из социально-философской традиции отношения к культуре как к национальному богатству, поскольку истинность культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами. Культура основана на священном предании. И чем древнее культура, тем она значительнее и прекраснее. Культура всегда гордится древностью своего происхождения, неразрывной связью с великим прошлым.

Именно поэтому в современной культурной политике сохранение культурного наследия должно рассматриваться как одно из главных направлений, реализуемых через систему правовых механизмов, а также через внедрение в общество идеи о бережном отношении к культурному наследию и его сохранению. Она реализуется через внедрение в сознание современного человека понимания того, что связь с будущим может быть установлена только через памятники культуры, несущие в себе идейные черты своей эпохи, обладающие общечеловеческим содержанием и художественными достоинствами. В данном случае культурное наследие обеспечивает преемственность исторического развития общества.

Следует отметить, что при исследовании культурного наследия и других связанных с ним категорий, следует исходить из различения таких основных и взаимосвязанных понятий, как «наследие» и «наследование». Таким же образом необходимо разграничить «объектную» и «процессуальную» стороны социально-философского и культурологического исследования. Точка зрения Э. А. Орловой, рассматривающей культурное наследие в развитии социокультурного пространства, является главной для определения смысловых границ категорий «культурное наследие» и «культурные ценности» и выступает как одно из центральных положений нашего исследования.[1, с. 4-11]

В законодательстве любого государства относительно сохранения и трансформации историко-культурных памятников под понятием «наследие» и «ценности» имеются в виду артефакты археологического, этнографического, этнологического характера, национальные и религиозные реликвии, сохранившиеся произведения таких видов искусства, как живопись, графика, прикладное искусство, кино и фотография. Источниками историко-культурного наследия являются музеи, частные коллекции, фонды, библиотеки и так далее. Сюда же можно включить и сохранившиеся древние языки и топонимы. Все упомянутые памятники имеют значительную научно-социологическую ценность и

социально-историческое значение и оцениваются как движимые историко - культурные артефакты. К недвижимым артефактам можно отнести пещеры, стоянки, рудники, насыпи и городища, пришедшие к нам из древности, и памятники архитектуры различных исторических эпох, имеющие социально-культурное значение и историческую ценность. По данным артефактам мы можем представить себе дух той эпохи, ее социальное устройство и специфичность, важнейшие события и выдающихся представителей того времени. Не надо забывать и о природных ландшафтах, к которым прикоснулась человеческая рука, это те обетованные места, где жили наши древние предки, имеющие социально-культурную и эстетическую, этнографическую, антропологическую ценность и на сегодняшний день.

Культурные ценности прошлого и настоящего сохраняются как трансляторы социально значимого опыта посредством специальных учреждений культуры (музеи, библиотеки, галереи и пр.), обеспечивающих жизнеспособность национальной культуры как таковой. Учитывая фактор институционального измерения понятия «наследие» в социуме, очевидна необходимость решения проблемы структуризации и систематизации социально-культурного наследия, которая откроет большие перспективы в транслитерации и использовании данных исторических объектов в современной жизни нашего общества. Культурологический аспект исследования позволяет выделить определенный спектр проблем социально-культурной динамики в области сохранения культурного наследия, концентрирующейся на материалах экспертно-аналитических заключений специалистов и на анализе предпочтений различных социокультурных групп в отношении ценностей прошлого. Именно этот фактор учитывается в ценностно-смысловом обосновании концепций культурной политики разного уровня. Основными вопросами, на которые они отвечают, являются: «Почему отдаются приоритеты конкретному объекту в списке охраняемых или реставрируемых памятников?», «Почему властными структурами принимается тот или иной проект, связанный с использованием культурного наследия?» По мнению исследователей, такая постановка проблемы полностью соответствует принципам демократического общества. «Культурная политика должна иметь точные ориентиры и цели, исходить из ясных и понятных всем культурных приоритетов. Она уже не может выражать случайные вкусы, капризы и прихоти находящихся у власти людей, а должна служить интересам каждого гражданина, нации в целом» [2, с. 11] - считает В.М. Межуев. Данная методологическая установка, наш взгляд, в полной мере применима к оценке культурного наследия.

Вторая категория — «наследование» — выступает скорее как процесс освоения многомерного социокультурного опыта. В свою очередь, понимание опыта является центральным для раскрытия этой категории. Он состоит из основ мировоззрения и всех влияющих на него факторов, таких как обычаи и традиции, менталитет, виды и типы деятельности и т.д., определяющих культурную идентичность данного народа. Следует отметить, что содержательно-смысловая основа «опыта» входит и в другие понятия, обращение к которым является обязательным для нашего исследования, в частности в понятие «традиция».

Вследствие трансформации общества изменяется и система институтов, модифицируются подходы и управленческие конструкции. Это влияет на процессы наследования и сказывается на отношении к конкретным памятникам и ценностям культуры, меняет общее понимание роли культурного наследия в стратегиях культурной политики. Как отмечают многие исследователи, переходные периоды «перестраивают»

подход к институциональной структуре культурного наследия: государственные и общественные пользователи культурного наследия, выбирая те или другие объекты, забывая об их социально-культурной ценности и значимости, все больше решают свои насущные, хотя и социально значимые проблемы. Применяя современные технологии, они группируют информацию на основании установленных и необходимых им задач.

Перед нами стоит задача выяснить, в чем смысл происходящих изменений и как они влияют на осмысление культурного наследия.

Сравним «классическую» конструкцию отношения к историческим и культурным ценностям и конструкцию отношения к наследию в модернизирующемся обществе. В первой конструкции, созданной Э.А. Орловой и другими учеными, прошлое является устойчивой сложившейся иерархией ценностей, которую общество осваивает как признанное наследие, как сакральную ценность. Во второй конструкции, сторонником которой является В. М. Межуев, смысл установки иной: происходит переосмысление ценностей, в новых социально-исторических условиях допускается реконструкция объектов прошлого и их функций для сохранения историко-культурного наследия в потоке бесконечных изменений. Происходит переопределение их значимости в настоящем в контексте решения современных проблем.

В основе изменения отношения к наследию лежит отказ от своего рода неизменного универсального видения картины мира и изменение различных воззрений на данные трансформационные процессы, замещение множества точек зрения на происходящие культурные процессы дифференцированным подходом, с качественными вливаниями социокультурных процессов в современную реальность. Как точно определяет этот процесс Е.Н. Селезнева: «...представления о «гармоничном» прошлом, характерные для многих классических определений культурного наследия, распадаются на множество ориентаций, соответствующих ценностным приоритетам различных социокультурных групп, воспринимающих те или иные фрагменты прошлого в той мере, в какой они позволяют адаптироваться в сложной и динамичной социокультурной среде» [3, с. 228].

В данной ситуации необходимо подчеркнуть, что культурное наследие выделяется в отдельную структуру, а социокультурное наследие является системным явлением, так как взаимодействует со всеми сферами деятельности общества. Отсюда и исходит выбор структурного и системного подхода к исследованию данных явлений и, соответственно, - отличие понятия «культурное наследие» от «социокультурного наследия» (разница между структурным подходом и системным подходом состоит в том, что культурное наследие выделяется в отдельную структуру, а социокультурное наследие – это уже системное явление, взаимодействующее со всеми сферами общества).

В этом заключается различие понятий «культурное наследие» и «социокультурное наследие».

Возникает сложнейшая исследовательская проблема: какое социокультурное пространство охватывает такой подход? Об отношениях каких обществ и каких социокультурных в рыночной экономике групп идет речь в данном случае? Несомненно, современное общество не укладывается в рамки характеристик, данных еще М. Вебером в его работе «Этнические общности» [4, с.4-10], предложившем классовую стратификацию общества и трехмерное деление его по экономическим, духовным и политическим различиям. Однако сохранение традиционного и современного образа жизни позволяет признать, что значение языка, истории, мифологии и пр. выступают культурно-ориентируемым основанием для «национального чувства», незримо удерживающим

определенную этническую общность в ином социальном контексте [5, с. 9-27]. Это позволяет исследователям определять современную культуру как культуру «процессуально трансформирующихся иконических образов» [6, с. 58-80], ведь в современных обществах происходит переосмысление различных культурных начал, на основании которых строится ценностно-императивный аппарат, в котором гармонично и целостно соотносятся различные социально-культурные артефакты и современность, проявляясь в едином социальном и функциональном назначении.

При решении проблемы преемственности социокультурного опыта (от старших поколений к младшим) в таких пространствах необходима актуализация конкретных фрагментов наследия и их включение в трансформирующееся социокультурное пространство по самым разным каналам с применением инновационных технологий. Нельзя отрицать роли самоорганизации социокультурного пространства. Но на сегодняшний день наследование — это разносторонний процесс, который осуществляется не только в виде конкретного послания ценностных традиций для общества в целом. Здесь выходит на первый план тот артефакт или определенный исторический объект, в котором в данной ситуации нуждается та или иная социокультурная единица. Действует принцип избирательной преемственности тех частей культурного наследия, которые так или иначе значимы для определенных социокультурных групп.

Для выполнения данной задачи национальная культурная политика концентрируется на выработке принципов отбора элементов историко-культурного опыта, которые позволили бы человеку адекватно адаптироваться в современном мире, не разрушая целостности современного социокультурного пространства. Отход от этих принципов приводит к нарушению соразмерности в динамике смены трансляционных конструкций культурного опыта, к нарушениям в использовании культурного наследия как основы для новых социально-экономических моделей развития.

В конце XX и в начале XXI века наметились две тенденции отношения к культурному наследию. Первая условно может быть обозначена как «традиционалистская». В ней отношение к традиции носит скорее политико-идеологический характер («возвращение» ценностей прошлого нередко в ущерб принципам развития). Вторая тенденция связана с отбором культурных ценностей, актуализацией культурного наследия преимущественно с позиции их последующего включения в современное социокультурное пространство, а также возможности использования этого ресурса в социально-экономическом развитии.

В настоящее время разработке категориального аппарата и уточнению научно-теоретического содержания категории «наследие» посвящено немало социологических исследований. Однако понятие «культурное наследие» может использоваться и как комплексное, вне дополнительной конкретизации. Именно в таком понимании еще один российский автор, Э.А. Шулепова, определяет культурное наследие как «...совокупность устойчивых форм бытия культуры - предметных реалий и духовных ценностей - во времени и пространстве» [8, с. 620], относя культурное наследие к саморазвивающимся феноменам.

В свою очередь несколько иной подход к понятию «культурное наследие» как к единице культурологического анализа предлагается Е. Н. Селезневой [8, с. 620]. Рассматривая категорию «культурное наследие» в контексте макроисторической динамики, она выделяет историко-философские основания актуализации культурного наследия, а также показывает социокультурные предпосылки макроисторической интерпретации культурного наследия. Это позволяет определить культурное наследие как

феноменологическую категорию, которая фиксирует результаты передачи и наследования в социуме определенных объектов прошлого. Важно отметить, что использование этой категории в таком значении позволяет проводить различие того, что оценивается, наследуется и передается из поколения в поколение по сравнению с тем, что забывается. Поэтому, на наш взгляд, при разработке национальной культурной политики такой подход представляется полезным и обоснованным [9, с. 4-11].

Именно учет разных подходов и определений, сложившихся в мировой и отечественной науке, позволил разработать категориальный аппарат, который был положен в основу законодательной базы. Более того, заметим, что принятые категории соотнесены с международными стандартами и включены в качестве основных понятий в законодательную и нормативно-правовую базу, регулирующую развитие сферы культуры, что придало ей системный и целостно-смысловой характер. В условиях глобализации одной из основных задач каждого государства является защита национальной самобытности, языка, культуры и исторических памятников.

Выведение культуры на уровень всенародности и демократизации общества должно осуществляться через её популяризацию и, за счет нее, - сохранение богатейшего историко-культурного наследия. Регулированием данного процесса должно заниматься законодательство государства посредством культурной политики и социальной реструктуризации.

Вся совокупность культурных ценностей составляет культурное достояние, к которому также относятся организации, учреждения, предприятия культуры, имеющие общенациональное значение. В законе дается и определение государственной культурной политики. Культурной политикой государства являются конституционные принципы и нормы, с помощью которых оно развивает свою деятельность по сохранению, развитию и транслитерации социально-культурного наследия в современное культурное пространство, а также создание современной и будущей культуры общества на основе прошлой.

Именно такой субъект, как государство, основываясь на научной историко-культурологической экспертизе, общественном мнении, определяет, какие материальные объекты являются памятниками и составляют часть культурного наследия, подпадая под государственную охрану. Тем самым, если подходить к памятникам культуры как к материальным предметам, являющимся частью среды обитания человека и общества, то необходимо включить те факторы, которые оказывают существенное влияние на ощущения, эмоции и сознание людей [10, с. 19]. Необходимо также учитывать и то, что ценность памятника культуры составляют еще и факторы интереса с точки зрения истории, искусства, технологий и др.

Надо отметить, что для региона, социокультурное пространство которого насыщено сохранившимися памятниками прошлого, предлагаемая методология культурологического подхода получает практическое применение. Прежде чем за памятником закрепится статус памятника культуры и истории, этот объект проходит многоступенчатую экспертизу и признается объектом, обладающим культурно-исторической информацией, памятником, представляющим культурную ценность, а значит, являющимся частью культурного наследия общества.

Анализируя ситуацию, связанную с включением культурного наследия в современный социальный контекст, представляющую собой изменяющееся пространство экономических отношений и существующих «белых пятен» в нормативно-правовой базе, мы определяем современную ситуацию как этап формирования инновационной стратегии

национальной культурной политики. В основе предлагаемой стратегии лежит идея интеграции культурного наследия в современный социокультурный контекст, позволяющая совершенствовать национальную модель, механизмами которой удерживается целостность социокультурного пространства.

Обращение к ресурсам наследия всегда предполагает сознательный выбор – артификацию, а значит отношение к наследию - это всегда деятельная, активная позиция. Эту позицию исследователи относят к особому типу социально-философской деятельности, которая «по своим целеценностным установкам ориентирована в будущее, озабочена преобразованием наличной культуры, ее обновлением и развитием. Как вид социокультурной деятельности в пространстве и над ним, она полиморфна и полисубъектна. В частности, она имеет дело с социокультурным материалом разной временной ориентации. Наследническая же деятельность - как особый вид культурно- технической деятельности, предметно ориентированной на «прошлое» как на свой специфический материал - и озабочена тем, что происходит забвение и утрата культурных ценностей этого прошлого» [12, с. 21]. Исходя из этого, в основу концепции культурной политики закладываются сингулярная методология и комплексный подход. Это тем более оправдано, что порядок артификации предполагает закрепление объекта наследия в правовом поле культуры.

Устойчивость и изменчивость самой культуры, как и ее фундаментальных характеристик, социально-экономические трансформации, влияние геополитических процессов и общих тенденций образуют подвижный социокультурный контекст, на фоне которого культурное наследие то воспринимается в аспекте его устойчивости и важности «наследования» для воспроизводства национальной идентичности, то, напротив, рассматривается как «груз прошлого», сдерживающий модернизационные преобразования. Смена стратегий культурной политики при сохранении декларируемых целей «сохранения и поддержки культурного наследия» инициирует научный поиск, направленный на разработку и обоснование новых концепций его введения в жизнь современного человека. Естественно, что на этом фоне возрастает значение научных исследований и рекомендаций по формированию новой парадигмы управления процессом сохранения историко-культурных памятников.

Одну из таких концептуальных теоретических конструкций предлагается назвать «Социокультурное наследие в модернизации современного общества». Как было показано, в ее основание заложено действие правовых механизмов, обеспечивающих регулирование процессов сохранения культурного наследия и его актуализацию в современной социокультурной среде. В качестве основных принципов, позволяющих властным структурам обеспечивать условия для успешной реализации национальной конструкции, выступают:

- необходимость включения в общую стратегию социокультурного развития государства как главного критерия государственной культурной политики вопросов, касающихся социально-культурного наследия народа, его сохранения и трансформации в современное культурное пространство;
- создание, на основе материалов научно-исследовательских разработок, различных отраслей знаний, историко-культурной карты территории;
- необходимость наличия законодательных и нормативно-правовых актов, согласовывающих интересы государства и различных субъектов, их многоаспектные взаимодействия в экономическо-хозяйственной, гражданской и социально-культурной области;

- опережающий («превентивный») институт многоканального финансирования, поощрения и поддержки частно-государственного сотрудничества, а также развитие в государстве спонсорства и меценатства;

- объективная мобильная информационная поддержка инновационных проектов и программ, использующих ресурсы культуры в целом и культурного наследия в том числе.

Данная конструкция позволяет использовать интегративный потенциал культурного наследия в формировании национальной идентичности.

Так, объекты историко-культурного наследия рассматриваются нами в рамках предлагаемой конструкции, во-первых, как национальное достояние. Это культурная идентичность общества, которая, соединив в себе весь дух и атмосферу прошлого и интегрировав его в настоящее, помогает нам создавать современную национальную культуру. Во-вторых, в рамках данного исследования мы исходим также из того факта, что наследие, как культурное, так и природное, через включение национальных и этнических аспектов в мировую культуру будет не просто занимать основное место в социокультурном пространстве, но и поможет распространению идей глобализации. Это приведет к тому, что соотношение традиционного и инновационного, всего того, что уже есть, и того, что может быть в культуре, которое заложено в основу конструкции «Социокультурное наследие в модернизации современного общества», совершается не посредством имеющихся тенденций развития глобальной культуры, но с учетом этих тенденций превращаясь в разнообразный социокультурный уникум, доступный всему человечеству.

В-третьих, территориальное нахождение материального социально-культурного наследия в процессе его вертикального (исторического) развития, а также нематериальные разновидности данного наследия и их место в современной культурной жизни общества играют огромную роль в становлении современной социокультурной идентичности и позволяют выявить перспективы его дальнейшего развития.

В-четвертых, объекты культурного наследия необходимо рассматривать в тесной связи с особенностями природы и экологическими реалиями данной территории. Антропогенное воздействие на окружающую среду во многих случаях грозит уничтожением значительной части историко-культурного наследия. Культурные ландшафты состоят из неповторимой естественной природы и искусственно созданных исторических компонентов. Уничтожая или заменяя один из них, человек нарушает неповторимый облик гармонии природы и истории, входящий в так называемые эстетические и рекреационные территории. Данное противоречие должного и сущего требует его более глубокого изучения и осмысления. Также не меньшую значимость имеют задачи, направленные на сохранение традиционной культуры и обеспечение благоприятных условий для введения духовного наследия в систему культурных ценностей современности.

Список использованной литературы:

1. Орлова Э.А. Артефакт как единица анализа социокультурной микродинамики // *Обсерватория культуры*. - 2010. - Вып. №5. - С. 4 - 10.
2. Межуев В.М. Государство и культура // *Социология власти*. - 2005. - №1. - С. 14.
3. Селезнева Е.Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук/Селезнёва Елена Николаевна: 09 00 13. - М., 2004. — С. 228.
4. Орлова Э.А. Артефакт как единица анализа социокультурной микродинамики // *Обсерватория культуры*. - 2010. - Вып. №5. - С. 4 - 10.

5. Вебер М. Этнические общности / Пер. с нем. А.Б. Рахманова // *Личность. Культура. Общество*. - М., 2004. Том VI. Вып. 2 (22). - С. 9 - 27.
6. Сурова Е.Э. Иконические традиции современности // *Новые традиции* / Под ред. Е.Э. Суровой и С.А. Рассадина. - СПб.: Петрополис, Центр изучения культуры, 2009. - С. 58 - 80.
7. Шулепова Э.А. Наследие и современность: проблема изучения и сохранения // *Наследие в эпоху социокультурных трансформаций: Материалы международной конференции*. - М.: Альма Матер, 2010. - 620 с.
8. Селезнева Е.Н. Формирование новых культурных кодов и культурное наследие // *Наследие в эпоху социокультурных трансформаций: Материалы международной конференции*. - М.: Альма Матер, 2010. - 620 с.
9. Селезнева Е.Н. Культурное наследие в контексте макроисторической динамики // *Обсерватория культуры*. — 2006. — Вып. №5. - С. 4 - 11.
10. Ваганова Е.В., Гапотченко В.В. Охрана памятников истории и культуры: памятники историко-культурного наследия. - Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВГИО ВСГАКИ, 2006. - С. 19.
11. Пископпель А.А., Рокитянский В.Р., Щедровицкий Л.П. О горизонтах наследнической деятельности // *Наследие и современность. Информационный сборник*. Вып. 14. - М.: Институт наследия, 2007. - С. 21.

Reference Literature

1. Orlova E.A. Artifact as a Unit of Analysis Aimed at Social-Cultural Microdynamic // *Observatory of Culture*. – 2010. – Issue # 5. – pp. 4 – 10.
2. Mezhyev V.M. State and Culture // *Sociology of Power*. – 2005. - # 1. – p. 14.
3. Selezneva Ye.N. Cultural Heritage of Russia in Political Discussions Referring to the 1990-th: Candidate dissertation in philosophy: 09 00 13. – М., 2004. – 228 pp.
4. Orlova E.A. Artifact as a Unit of Sociocultural Microdynamics Analysis // *Observatory of Culture*. -2010. – Issue 5. –pp. 4-10
5. Veber M. Ethnic Communities / translation from German by A.B. Rahmonova // *Personality. Culture. Society*. – М., 2004. - V.VI. Issue 2 (22). – pp. 9 – 27.
6. Surova Ye.E. Iconic Traditions of Contemporaneity // *New traditions / under the editorship of Ye.E. Surova and S.A. Rassadina*. – SPb.: Petropolis, Culture Explorations Centre, 2009. – pp. 58 – 80.
7. Shulepova E.A. Heritage and Contemporaneity: The Problem of Study and Preservation // *Heritage in the Epoch of Social-Cultural Transformations: Materials of the international conference*. – М.: AlmaMater, 2010. – 620 pp.
8. Selezneva Ye.N. Formation of New Cultural Codes and Cultural Heritage // *Heritage in the Epoch of Social-Cultural Transformations: Materials of the international conference*. – М.: AlmaMater, 2010. – 620 pp.
9. Selezneva Ye.N. Cultural Heritage in the Context of Macrohistoric Dynamics // *Observatory of Culture*. – 2006. – Issue #5. – 4-11 pp.
10. Vaganova Ye.V., Gapotchenko V.V. Guard of Monuments of History and Culture: Monuments of Historic-Cultural Heritage. Ulan-Ude: Publishing-House of Polygraphic Complex FGOU VG 10 VS GAKI, 2006. – p. 19.
11. Piskoppel A.A., Rokityansky V.R., Shchedrovitsky L.P. On Horizons of Inheriting Activity // *Heritage and Contemporaneity. Informational Collection*. Issue #14. – М.: The Institute of Heritage, 2007. – pp. 21.

10 00 00 ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГИЯ
10 00 00 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
10 00 00 PHILOLOGICAL SCIENCES

**10 02 20 СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

**10 02 20 COMPARATIVE-HISTORICAL, TYPOLOGICAL
AND CORRELATIVE LINGUISTICS**

УДК 80/81
ББК 81

**СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ
СУБСТАНТИВНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ С
КВАНТИТАТИВНЫМ
ОТНОШЕНИЕМ В ТАДЖИКСКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Тагоева Табассум Музафаровна, к.филол.н,
доцент, заведующий кафедрой теории и
методики преподавания иностранных языков
Кургантубинского государственного
университета им. Н.Хусрава
(Таджикистан, Курган-тубе)

**STRUCTURAL MODELS OF
SUBSTANTIVE PHRASES WITH
QUANTITATIVE RELATION IN
TAJIK AND ENGLISH**

Taghoyeva Tabassum Muzafarovna, candidate of
philological sciences, Associate Professor, chief
of the department of theory and methods of
foreign languages teaching under Kurgan-Tube
State University named after N. Khusrav
(Tajikistan, Kurgan-Tube)
E-MAIL: tabassum76@mail.ru

Ключевые слова: субстантивные словосочетания, словосочетания - нумеративы, квантитативные отношения, структурная модель, выражение количества, средства связи, изоморфизм

Среди субстантивных словосочетаний как в таджикском, так и в английском языке особое положение занимают двучлены с квантитативными отношениями. В зависимости от лексико-семантических особенностей ядра такие словосочетания составляют четыре структурные модели, чьи характерные особенности подробно описаны. На основе выражаемого количества эти образования подразделяются на две группы. В первую группу в обоих языках входят такие двучлены, адъюнкт которых означает конкретное число объектов. К второй группе относятся такие сочетания, квантитативный компонент которых выражает неточное число объектов в виде

отдельной совокупности. В первом случае числовое значение реализуется при помощи количественных числительных, а во втором случае посредством нумеративных слов.

Средством связи между компонентами в английском языке выступает прием согласования ядра со своим адьюнктом, тогда как в таджикском языке используется связь примыкания, так как субстантивное слово употребляется всегда в форме единственного числа без изафета. В подавляющем большинстве случаев между структурными моделями рассматриваемых образований обнаруживается изоморфизм.

Key words: noun phrases, word-combinations numeratives, quantitative relations, structural model, expression of quantity, means of communication, isomorphism

In the system of noun phrases a particular position is occupied by the formations between the components of which we can observe quantitative relations in Modern Tajik as well as in present day English. Depending on lexico-semantic peculiarities of the nucleus such phrases are divided into four groups. In the article each of them got its structural characteristics in details. On the basis of quantitative semantics expressed by such formations the latters are divided into two groups. To the first group there refer such two members noun phrases – the adjunct of which denotes a concrete quantity of objects. Into the second group we include such phrases the adjuncts of which expresses indefinite number of objects in the form of a particular scale of totality. In the first case the notion of quantity is expressed by means of cardinal numerals, but in the second case this notion finds its expression by means of some numerative.

Modern English uses as a means of communication subordination agreement, i.e. nucleus agrees in number with adjunct, but in Modern Tajik, is similar phrases, adjunct is subordinated by means of izafet “-u” as a substantive word is always used in the singular form without isofat. In the majority of cases there is a complete structural identity in the formation of such word groups in Modern English and Tajik, though some differences are not excluded.

Субстантивные словосочетания как в английском, так и в таджикском языке являются наиболее сложным по структуре и разнообразным по семантике типом двучлена. В его структуру, кроме имени существительного, входят почти все знаменательные части речи: loud laughter – хандаи баланд (adj.+n+adj.), his fidelity – вафодории ӯ (pron.+n-n+pron.), wounded soldier – аскари маҷрӯхшуда (part.II+n-n+past part.), book for reading – китоб барои хониш (n+prep.+Ger.), eight lines – ҳашт қатор (num.+n-num.+n), city library – китобхонаи шаҳрӣ (n+n-n+adj.), houses here – хонаи инҷо (n+adj.-n.+adj.), a month to wait – як моҳ барои интизорӣ кашидан (n.+Int.-n.+Inf.) и т.д.

Между компонентами таких словосочетаний обнаруживаются посессивные, адвербиальные, квантитативные и другие виды отношений. В составе вышеуказанных структурных моделей субстантивных словосочетаний особое место занимают такие двучлены, которые образуются сочетанием имени существительного с количественными лексическими единицами. Такие лексические единицы по своей семантике подразделяются на две группы: 1. Слова, обозначающие определенное количество предметов: nine trees – даҳ дарахт, two thousand and fifty-three books – ду ҳазору панҷоҳу се китоб; 2. Слова, обозначающие неопределенное количество или объём предметов: як сабат ангур – a basket of grapes, тӯдаи одамон – a crowd of people, a cup of tea – пиёлаи чой, як банд алаф – a sheet of grass и т.д. Слова, которые обозначают неопределенный объём и количество каких-либо предметов называются в лингвистике нумеративами. Эти

два разряда слов, выступающих в функции адьюнкта субстантивного словосочетания, можно объединить под одним общим названием «квантитативные слова». Понятие «квантитативный» как имя прилагательное создано от английского слова «quantity», которое, согласно словарю А.С. Хорнби (5, с. 1240) обозначает некоторый объём или число чего-то (an amount or number of smth).

Нумеративные и количественные слова, входящие в структуру субстантивных словосочетаний в качестве адьюнктов, выражают квантитативные отношения как один из подвидов атрибутивных отношений.

Словосочетания с нумеративными словами выражают количественные отношения в форме нерасчлененной номинации. В частности, когда говорят “a bunch of flowers – дастаи гул”, неизвестно, сколько цветов вложено в этот букет.

Словосочетания с количественными словами указывают на расчлененное множество называемых предметов. В примере “four apples – чор себ” указывается на наличие an apple+an apple+an apple+an apple=4 apples, в словосочетании “a bunch of flowers” понятие “a flower+a flower+a flower+N flower” отсутствует.

Однако общим для этих двух видов словосочетаний является то, что в них эти два разряда слов выступают в качестве количественного атрибута субстантивного слова и при этом актуализируется числовая репрезентация предметов из множества им подобных. Исходя из этого, квантитативными, в отличие от С.А. Швачко (4, с. 56), мы считаем не только числительные в качестве количественного определения, но и любые слова, обозначающие понятие “количество”, куда входят и нумеративы и числительные.

По семантической структуре словосочетания с квантитативными отношениями, как и все субстантивные словосочетания с атрибутивными отношениями, определяют предмет в плане его числа, объёма. Например, sisters son – писари хоҳар - здесь между словами “sister (хоҳар)” и “son (писар)” имеются атрибутивные отношения, содержанием которых является идея поссесивности, то есть сын относится к сестре. А в примере “a clever son – писари боақл ” тоже обнаруживается атрибутивное отношение, но здесь заложено другое содержание, которым является указание на признак сына. В словосочетании “a house on the hill – хонаи дар болои қулла” предложная конструкция “on the hill – дар болои қулла” находится с существительным “house – хона” также в определительных отношениях, содержанием которого является указание на место расположения дома, то есть здесь имеются локативные отношения.

В словосочетаниях типа “a herd of sheep – галаи ғӯсфандон” и “thirty owlet – сӣ бумча” также наблюдаются атрибутивные отношения, но названные предметы “sheep - ғӯсфандон и owlet - бумча” характеризуются количественными отношениями, то есть здесь наблюдаются два категориальных понятия: количество и субстанция реализуются в словах, обозначающих предмет, то есть посредством различных семантических разрядов имен существительных. Второй компонент этого разряда синтаксических образований выражается именем числительным или другими словами, содержащими сему числа или объёма, включая нумеративы, о чем шла речь выше.

В английском и таджикском языках выявлены следующие модели двучленных сочетаний.

Num+N - является основной моделью квантитативных сочетаний в английском и таджикском языках: *three horses, one dog, two lines, forty hills, million stars, three rivers; се асп, як саг, ду ҳошия, чил мена, миллион ситраҳо, се дарё* и т.д. Как видно из этих примеров, в обоих языках обнаруживается тождественное расположение компонентов

таких словосочетаний, т.е. адьюнкт – ядро.

Фактически все другие модели, в том числе и многокомпонентные, типа Sp+Num+N, Num.-N.+Num.+N являются различной материальной реализацией конструкции Num.+N. Условно выделяя их вслед за С.А.Швачко (4, с. 23) в самостоятельные модели, мы учитываем их определенную семантико-грамматическую самостоятельность в пределах реализации основных семантических и грамматических свойств модели Num.+N.

Синтаксические отношения в словосочетаниях со структурной схемой Num.+N в обоих языках реализуются при помощи примыкания, основным средством выражения которого в сопоставляемых языках является порядок расположения компонентов: англ. *three pencils, ten girls, fifty yards, two cigars, one answer*; тадж. *се қалам, даҳ духтар, панҷох ярд, ду сигор, як ҷавоб* и др. В обоих языках совпадает порядок расположения числительного относительно имени существительного как зависимого компонента определительного словосочетания, т.е. адьюнкт предшествует ядру: *ду сигор – two cigars*. Следует отметить, что основным средством связи во всех определительных словосочетаниях является для английского языка прием примыкания, а для таджикского языка – изафетная связь. Но в данном случае английский язык использует приём согласования, а таджикский язык – связь примыкания.

Другим дифференциальным признаком в этой сфере является то, что, в отличие от других типов субстантивных словосочетаний с атрибутивным отношением, здесь не употребляется таджикский изафет “-и” как средство связи адьюнкта с ядром количественного словосочетания.

Поэтому безизафетное примыкание существительных и числительных характерно только для количественных сочетаний. На эту грамматическую особенность синтаксической связи в субстантивных словосочетаниях с числительными указывают исследователи таджикского языка (1,2,3) и др.

Важным дифференциальным признаком таджикского языка при конструировании словосочетаний с количественным отношением является то, что в английском языке существительные при сочетании с числительными больше одного употребляются во множественном числе, т.е. изменяют свою грамматическую форму: *one court – five courts, one copy – two copies, one star – million stars* и др. В таджикском языке в словосочетаниях со структурной схемой Num.+N существительное не подвергается изменению по числам: *як одам, ду одам, даҳ одам, ҳазор одам; як дарахт, ду дарахт, панҷ дарахт, ҳазор дарахт* и т.д.

Нам представляется, что употребление и количественного слова, и формы множественного числа имени существительного в словосочетаниях подобного типа является ущербным, так как здесь числовое значение выражается дважды: числительным и формантом множественного числа. Более логичным является выбор одного из средств выражения значения числа, как это обнаруживается в таджикском языке. Ср.: *ten pupils – даҳ талаба, чор ҷавоб – four answers*.

Как показывает наш фактологический материал, в данной модели рассматриваемых словосочетаний используются существительные, неоднородные по семантической структуре. Они составляют имена различных семантических классов. Поэтому в дальнейшем возможно классифицировать указанную типовую модель на подвиды в зависимости от семантических классов сочетающихся существительных. Основанием для подобного деления служит сама иерархическая компонентная семантическая организация имен существительных в составе нумеративных сочетаний. Подобная классификация

приводится в работе С.А. Швачко, где подробно описываются четыре типа квантитативных сочетаний, образованных по данной модели в английском, русском и украинском языках (4, с. 41-49).

Основные отличия между различными сочетаниями в структуре модели Num.+N связаны с отнесенностью существительных, составляющих семантическое ядро словосочетания, к разным лексико-семантическим группам (4, с. 41-46).

Основанием для выделения модели Num.+N следует считать соотнесение определяемого числительным объекта с представителями различных классов предметов в материальном мире. Например, класс людей, птиц, животных, рыб и т.д., т.е. живых существ: *three horses, one dog, seven negroes, two wolves, eleven ducks* и др. – *се асп*, *як саг*, *ҳафт негр*, *ду гург*, *ёздаҳ қуи* др.

Второй вариант модели субстантивных словосочетаний с квантитативным отношением типа Num.+N выделяется на основе реализации в субстантивном компоненте названия объектов, обозначающих неживые явления и предметы: англ. *one cigar, two cities, two eggs, forty hills, one river* и др. – *як сигор*, *ду шаър*, *ду тухм*, *чил тепа*, *як дарё*, и др.

Следует разграничивать и третий тип модели субстантивных словосочетаний с квантитативным отношением, которым является структура: Num.+N. Разграничение проводится на основе лексико-семантических особенностей существительных, обозначающих названия явлений, процессов, событий материального мира: англ.: *two lines, one answer, three rides* и др.; тадж.: *як галаба*, *ду мусовӣ*, *чор мачлис*, *як муҳориба* и др. Четвертый тип модели состоит из двух слов, обозначающих понятие количества. Одно из них выражается именем числительным, а другое - нумеративом. Данная модель выглядит следующим образом: Num.+Numerative: англ.: *two dozens, three scores, two pairs, three years, fifty yards* и др.; тадж.: *ду чуфт*, *се хол*, *ду чуфт*, *се сол*, *панҷоҳ ҳавли* и др. Данная модель фактически представляет собой особого рода сочетания, имеющие существенные отличия от предыдущих моделей как в семантическом, так и в структурном плане. В семантическом аспекте названные сочетания представляют собой нумеральные сочетания, основанные на сочетании квантитативных лексических единиц: числительного (Num) и существительного, в семантической структуре которых сема количественности является основной. При этом в содержательном плане числительное составляет ядро этой семантической структуры, а существительное представляет собой одно из структурообразующих средств. Поэтому, несмотря на разную лексико-семантическую нагрузку, оба компонента обозначают, хотя и на разных категориально-понятийных основаниях, относительно сложное понятие субстанции с его числом, в чем и заключается их существенное семантическое отличие от приведенных выше подмоделей. Как показывает изучаемый материал, функционально указанные квантитативные сочетания предназначены для выражения семантики измерения, взвешивания, раскладывания, перемещения считаемых объектов, образующих множество.

С другой стороны, данная модель имеет существенные отличительные признаки от модели Num.+N. также по своей грамматической структуре, что проявляется прежде всего в том, что такие двучлены, как *five acres, fifty yards, two pairs, three year* в отдельности не могут реализовать семантическую полноту исчисляемого объекта, требуя трехчленного сочетания с конкретизацией их существительными – названиями считаемых или измеряемых объектов.

Поэтому без материальной реализации названия объектов, обозначающих меру или массу, образования такого типа не только семантически, но и структурно ущербны.

Сравните: *ду бандча, чор дона* и др. и *ду бандча пиёз, чор дона қалам* и др. Исходя из этого, в настоящей работе вышеперечисленные сочетания относятся к самостоятельной модели, которая образует количественные сочетания с нумеративами. Схематически эта модель изображается при помощи модели Num.+Numerative+Prep.+N. в английском языке. А в таджикском языке в данном случае обнаруживается другая модель: Num.+Numerative+Prep.+N. Это значит, что в английском языке имеется связь согласования, а в таджикском языке - связь примыкания.

Таким образом, структурные варианты количественных словосочетаний в сопоставляемых языках различны. Выражая категориально-семантические и понятийные потенции субстантивных словосочетаний с количественным отношением, семантические модели количественно-именных сочетаний в сопоставляемых языках в целом имеют общие и во многих случаях аналогичные друг другу признаки.

Изоморфные свойства обоих языков проявляют также в синтаксической структуре сочетаний, что наблюдается в использовании определенного порядка слов в организации таких словосочетаний, т.е. оба языка объединяет левостороннее линейное подчинение. Следует отметить, что для таджикского языка в субстантивных словосочетаниях с определительными отношениями, к которым относятся и анализируемые сочетания, основным средством организации является изафетная связь и правостороннее линейное подчинение. С другой стороны, грамматические признаки количественных-субстантивных сочетаний в обоих языках в целом строго привязаны к особенностям организации сочетаний в сопоставляемых языках. Поэтому в правилах синтаксического оформления компонентов, выступающих в качестве распространителей на правах присловного распространения моделей количественных словосочетаний, выявляются существенные расхождения между языками: порядок слов и левостороннее линейное подчинение - в английском языке и изафетная связь и правостороннее линейное подчинение - в таджикском языке.

Список использованной литературы:

1. *Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ.1.* - Душанбе, 1985. -397 с.
2. *Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ. 2.* - Душанбе, 1985. -372 с.
3. Джумаев А. Лексико-грамматические особенности нумеративов и нумеральных слов в таджикском языке: автореферат диссертация кандидата филол. наук: - 10.02.20. - Душанбе, 1998.- 24 с.
4. Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском, украинском языках. - Киев: Высшая школа, 1967.-144 с.
5. Hornby A.S. *Oxford advanced learner's dictionary.* Oxford University press, 1989. – 1578 p.

Reference Literature:

1. *Grammar of Modern Tajik Language. P. 1.* Dushanbe, 1985. – 397 pp.
2. *Ibidem. – P.2.* - 372 pp.
3. Djumayev A. *Lexico-Grammatical Peculiarities of Numeratives and Numerative Words in the Tajik Language. Synopsis of candidate dissertation in philology.* Dushanbe, 1998. – 24 pp.
4. Shvachko S.A. *Linguistic Means of Expressing Quantity in Modern English, Russian, Ukrainian.* Kiev: «High School», 1967. – 144 pp.
5. Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary.* Oxford University press, 1989. – 1578 pp.

УДК 80/81
ББК 83+63.3(0)

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ С
ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА НА
РУССКИЙ ЯЗЫК**

Саидходжаева Мусаббехон Насимходжаевна,
преподаватель кафедры таджикского и русского
языков Института экономики и торговли
Таджикского государственного университета
коммерции
(Таджикистан, Худжанд)

**THE PECULIARITIES OF
TRANSLATION OF
PHRASEOLOGICAL SENTENCES
FROM TAJIK INTO RUSSIAN**

Saidkhojayeva Musabbekhon Nasimkhodjayevna,
assistant of the department of Russian and Tajik
languages of the Institute of economy and trade under
the Tajik State University of Commerce (Tajikistan,
Khujaand) **E-MAIL:** musabbiyakhon72@mail.ru

Ключевые слова: фразеологические единицы, структура фразеологизмов, простые фразеологические предложения, сложные фразеологические предложения, семантические отношения, простые предложения, семантическая целостность.

Статья посвящена изучению таджикских фразеологических предложений и способам их передачи на русский язык. Фразеологические предложения подобраны по трем источникам – исконные фразеологические предложения, фразеологические предложения, производные от фразеологических словосочетаний, и ФП, созданные на базе пословиц и поговорок. Наибольшее внимание в статье уделено сложным фразеологическим предложениям. Смысловые и структурные особенности сложносочиненных фразеологических предложений проанализированы с точки зрения различных семантических отношений простых предложений, составляющих сложные предложения, способов передачи таджикских примеров на русский язык путём определения их аналогии, соответствия перевода и комментария в двух языках. Статья является определённым вкладом в исследование таджикской паремологии. В рамках сложных фразеологических предложений показан ряд несоответствий при переводе таджикских пословиц и поговорок на русский язык.

Key words: phraseological units, structure of phraseologisms, simple phraseological sentences, compound phraseological sentences, semantic relations, simple sentences, semantic wholeness

The article dwells on the problem of phraseological sentences and their translation into Russian. The latter are explored according to three sources – primordial phraseological sentences, phraseological sentences, derivatives from phraseological word-combinations and those ones created on the basis of proverbs and sayings. Attention is paid mostly to compound phraseological sentences. Sensible and structural peculiarities of compound phraseological sentences are analyzed under the angle of different semantic relations of simple sentences making up compound ones by translating Tajik examples into Russian; their analogy, correspondence, translation and comments in both languages being determined. The article is a certain contribution into the researches in Tajik paremiology. In the frames of phraseological sentences the author showed a number of non-consistencies in the translation of Tajik proverbs and sayings into Russian.

На начальных этапах развития общей теории фразеологии как лингвистической дисциплины учеными внимание уделялось в основном исследованию фразеологи-

ческих оборотов, одним из признаков которых является возможность идентифицироваться с одним простым словом. На наш взгляд, исследование фразеологических единиц (ФЕ) в рамках лексикографии также обусловлено именно этой характерной особенностью фразеологизмов. Однако с возрастанием степени интереса к различным аспектам данной проблемы, фразеология как лингвистическая наука стала охватывать более широкий круг фразеологических единиц, к которым относятся пословицы, поговорки, афоризмы, в том числе и деятели литературы, и крылатые выражения, а также фразеологические предложения. По словам известного таджикского ученого Х. Маджидова, «поскольку важнейшей особенностью фразеологических единиц, в том числе фразеологических предложений, является их семантическая целостность, автор или писатель не обращает внимания на их построение, которое в некоторых случаях может быть достаточно сложным. Именно по этой причине фразеологические предложения вне контекста обозначают отдельное понятие. Как только такого рода фразеологические единицы употребляются с другими предложениями, их в некоторой степени сложная структура как будто заново восстанавливается. В этом случае фразеологическое предложение отличается от других предложений контекста не только с точки зрения структуры, но и выражения мысли и интонации» (2, с. 22). Из чего можно прийти к двум важным заключениям: 1) во фразеологических предложениях, как и в других фразеологических единицах, учитывается их семантическая целостность; 2) фразеологические предложения по структуре отличаются от других предложений контекста.

На наш взгляд, фразеологические предложения произошли в основном следующими способами:

1. Многие фразеологизмы уже первоначально были созданы в живой речи народа, а затем посредством художественных произведений вошли в литературный язык.

2. Некоторые фразеологизмы возникли на базе свободных словосочетаний, а именно на основе метафорического переноса значения словосочетания.

3. Известное количество устойчивых сочетаний восходит к литературным источникам. Сюда же относятся фразеологизмы, созданные на базе цитат из литературных произведений. По словам известного таджикского ученого Б. Камолиддинова, «источником возникновения фразеологических единиц являются образные выражения и словосочетания, получившие широкое распространение среди масс и ставшие устойчивыми в результате многократного их воспроизведения в речи» (1, с. 6).

С точки зрения структурной организации фразеологические предложения можно подразделить на два общепринятых вида: простые и сложные. Как известно, основным источником возникновения фразеологических единиц, в том числе фразеологических предложений, является живой народный язык.

В романе «Шураб» (6;7), известном в истории современной таджикской литературы своей народностью, язык персонажей изобилует народными словами и изречениями. Эта особенность, несомненно, придает художественному произведению особенный колорит и национальную окраску, но, вместе с тем, вызывает ряд трудностей у переводчика. В переводческой практике одной из наиболее сложных задач является перевод фразеологических предложений, поскольку при переводе ФЕ необходимо передать не только ее смысл, но и стилистическую окраску, экспрессию, которая в значительной степени зависит от контекста художественного произведения и стиля писателя.

В этой связи исследование особенностей передачи фразеологических предложений, в особенности сложных фразеологических предложений, предполагает решение ряда сложных лингвистических и экстралингвистических задач. В нижеприведённых примерах наблюдается соответствие переводимых фразеологических предложений как с точки зрения семантики, так и с точки зрения лексического состава: Кадам расид, бало нарасад, – даст ба рӯй кашид (6, с.119). //– Ноги ваши достигли этого места, пусть несчастье не достигнет его, – провёл руками по лицу Эсанпай (5, с.83); – Хайр духтарчон, сиҳат омадӣ – саломат рав, – аз оби дида кардани худ беҳабар монд модар... (7, с.169). // – До свидания, доченька, здоровой пришла – здоровой иди (5, с.117).

Бача не, тилло! – дар навбати худ таъриф менамуд пиразан. – Илоҳӣ калон шаву рӯз бин, соҳиби хонаву дар шав. Ба муроду мақсадат рас (6, с.29). //– Не мальчик, а золото, – твердила она своему мужу.– Дай ему бог вырасти и стать хозяином в доме ... Дай бог, чтобы все желания его исполнились (5, с.13).

Следует отметить, что добиться эквивалентного воспроизведения значений образных фразеологических единиц в большинстве случаев не представляется возможным. Так, например, в вышеназванном примере переводчику не удалось передать эмоциональный компонент значения фразеологизма «сиҳат омадӣ – саломат рав» (букв: целой, невредимой пришла - здоровой уходи), так как для передачи рифмующихся синонимов «сиҳат – саломат» было использовано одно и то же слово «здоровый». Более того, в переводе был опущен фразеологизм «рӯз дидан» («рӯз бин») - «жить хорошо, зажиточно», а в переводе «соҳиби хонаву дар шав» не был передан предметно-логический компонент значения фразеологического предложения, так как слово «соҳиб» в данном случае употреблено не в значении «хозяина в доме», а в значении «быть достойным семьи и дома». Таким образом, можно прийти к выводу, что не всегда переводчику удастся достичь эквивалентного воспроизведения значений образных фразеологических единиц.

Или же в исследуемом произведении для передачи сложного фразеологического предложения «замин сахту осмон баланд», (6, с.69, 108, 127) переводчиком использованы три аналогии: 1) «до неба высоко, до Бога далеко» (5, с.45); 2) «Бог далеко, а небо высоко» (5, с.75); 3) «земля тверда, небо высоко» (5, с.171). Последний вариант по лексическому составу тождественен переводимой единице, однако не воспроизводит переносный смысл переводимой фразеологической единицы.

Синтаксическое строение большинства пословиц идентично сложносочинённым предложениям, в которых простые предложения тесно связаны между собой как части одного целого и находятся друг с другом в различных смысловых отношениях.

1. Синонимичные отношения возникают между двумя простыми фразеологическими предложениями, соединёнными соединительными союзами и интонацией. Следует отметить, что в таких пословицах вторая часть служит только для подтверждения мысли, выраженной в первой части, и не вносит дополнительного значения. Такого рода фразеологические предложения переводятся в основном следующими способами:

а) эквивалентность – подбираются фразеологические единицы, тождественные по семантике, структурно-грамматической организации и компонентному составу: «Кулол аз мундӣ об мехӯраду бофанда кафангадо» (6, с.53; 5, с.7). – «Гончар утоляет жажду из черепка, а ткач собирает милостыню себе на саван»: Чунонки дар зарбулмасали он замон гуфта мешуд: «кулол дар мундӣ об мехӯраду бофанда

кафангадо» хонаи ӯ хатто аз чизу чорахое, ки худӣ ӯ месохт, таъмин набуд (6, с.22). // «Гончар утоляет жажду из черепка, а ткач собирает милостыню себе на саван», – в доме Хакимшаха не имелось даже тех предметов домашнего обихода, которые он сам выделял (5, с.7);

б) частичная эквивалентность – перевод одной из синонимичных частей: «тир аз камон частаю, хишт аз қолиб кӯчида буд» – кор аз кор гузашт, акнун пушаймонӣ афсӯс надорад ва чораҷӯӣ суд надорад (5, с.154; 7, с. 191) – «стрела вылетела из лука»: Аммо харчанд тир аз камон частаю хишт аз қолиб кӯчида буд, ӯ кӯшид, ки аз ин ҳолати ногувор як навъ карда халос хӯрад (6, с.228).// И хотя стрела вылетела из лука, Буров, как мог, старался выпутаться из неприятного положения, в которое попал (5, с.153);

в) изменение семантики одного из простых предложений: «харбуза аз полаку себ аз дарахташ дур намефарояд» (в значении 1. дети и родители 2. родственники, похожие друг на друга) (8, с.154, 256). Нафсуламри гап, харбуза аз полаку себ аз дарахташ дур намефарояд, хислати халқи худамро дорад: ба таърифи дигарҳо гузарад, булбули гӯё, аз худаш, ки сухан шуд, мани бечора гунгам, ягон – ягон мегунгам (7, с.234).// Сказать по совести, верно говорят, что дыня от дыни запаха набирается, а яблоко от яблони недалеко падает (5, с.384);

г) описательный перевод: передача значения ФЕ свободным сочетанием слов в языке перевода. Например, пословица «гӯши ман девори қиёмату пушти ман кунда (табар)-и қассоб» (в значении 1. не прислушиваться к словам и просьбам 2. не принимать во внимание) (8, с.153, 867) передается словами – «старуха стояла на своём, никого не желала слушать, ничего не хотела видеть»: Аммо пиразани яқрав, ба ибораи «гӯши ману девори қиёмат. пушти ману кундаи қассоб», ба гапи ҳеҷ кас надаромада менишаст (7, с.455), // ... а старушка стояла на своём, никого не желала слушать, ничего не хотела видеть. (5, с.562) Этим же способом переведено сложное фразеологическое предложение «Розе нест, ки ошкоро нашавад ва сирре нест, фош нагардад» (7, с.151) Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным (5, с.320).

2. Противительные отношения – в большинстве сложносочинённых фразеологических предложений компонентные части фразеологической единицы находятся в противительных отношениях, в силу чего при передаче их на русский язык применяются следующие способы перевода:

- аналогия - одинаковый переносный смысл передается на русский язык с помощью иного образа при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма: Аз нағз расад шарофат, аз бад расад касофат (6, с.391). // Один вор – всему миру разор (5, с.508);

- калькирование - калькирование образной единицы. Например, ФЕ «гӯр сӯзаду дег чӯшад» передается на русский язык двумя способами. В первом случае наблюдается дословный перевод ФЕ исходного языка, т.е. передача ее внутренней формы: Барои онҳо гӯр сӯзаду дег чӯшад (6, с.137). // Как говорится: пусть горит могила, лишь бы котёл закипел... (5, с.95). Однако в другом месте эта же пословица переводится с учетом образной основы: Барои капиталистон гӯр сӯзаду дег чӯшад, – гуфт Тагир (7, с. 396). // Капиталисту сгори хоть целый свет, лишь бы он был согрет, – подхватил Тагир (5, с.512).

В нижеследующем примере также наблюдается созвучие структурных частей сложного фразеологического предложения: Бечиз нест, ки тут дар мушт, пӯстин дар пушт гуфтаанд... (6, с.53)// (иносказа-тельно о непривычно холодной весне). Не без причины говорится в народе: «Спелый тутовник в руке, а тёплая шуба на спине» (5, с.31).

Или же : Пештар бедарак занхоро мӯяш дарозу аклаш кӯтоҳ намеғуфтаанд (6, с.338). // Недаром говорится: «у бабы волос долог, а ум короток» (5, с.463).

В таджикском языке в сложносочинённых фразеологических предложениях противительные отношения возникают между антонимичными словами частей сложного фразеологического предложения, при переводе которых учитывается именно эта особенность фразеологической единицы. Вместе с тем, чем лаконичнее перевод, тем образнее и ярче роль антонимичных лексических единиц. Например: 1.Точикон дузд яктою гумонбар садто меғуянд, маъзур медоред, – Аверченко нафасе ба андеша афтод (6, с. 212). // Вор - то один, - говорят таджики, - а подозрение падает на сто человек (5, с.365). 2.Дар урфият меғуянд, ки дузд яктою гумонбар садто (6, с.139). // Вор, говорят, один, а подозрение падает на сто (5, с.311).

Эту особенность можно проследить и в следующих примерах: Пураш рафту камаш монд (7, с.444) // Одно я могу тебе сказать: больше прошло, меньше осталось (5, с.553). Шиками гург сер шавад хам, чашмаш гурусна, меғуянд (6, с.106). // Хоть у волка брюхо сыто, но глаза голодны, как говорится (5, с.74). Мол равад хам, чон наравад, гуфтаанд. Одам саломат бошад, молу чизи дунёро меёбад (7, с.120).// Говорят, добро теряй, но жизнь сохрани, – сказал он потом. – Было бы здоровье, добро наживётся (5, с.295). Бедарак нағуфтаанд, ки калтак ба ғӯшт мерасад, нафрат ба устухон (7, с.290). // Палка, говорят, до мяса доходит, слово – до костей (5, с.507).

В некоторых случаях переводчик при передаче сложных фразеологических предложений, основанных на противительных отношениях, уделяет внимание прежде всего значению пословицы, а ее образность остается на втором плане. С этой целью используются два способа перевода:

а) перевод фразеологического предложения по смыслу: ... набошад, монанди ман пушаймон мешаваду суд намекунад (3, с.40,70). //Иначе будет каяться, как я, да не поможет (5, с.522) ... ба қафо нигарист ва Ҳасанкӯсаро дид, ки ҳар ҳамону полонаш дигар, чомаи беқасаб, мӯза ва тўппии нав пӯшида буд (7, с.111). // Вот уж воистину: тот же осёл, да в другой сбруе - в новом бекасабовом халате, в новенькой тюбетейке и новых, отражавших солнце, сапогах ... (5, с.287); элак баҳонаю дидор ғанимат, духтарашонро дидагистӣ? (7, с.254).// Решето - только повод для свидания, говорят (5, с.399);

б) описание фразеологического предложения: Шумо улфат не, кулфат ҳастед (6,с.89). // Какие вы к черту друзья, вы ублюдки, трусы проклятые (5, с.60). Как явствует из вышеуказанного примера, значение выражения «шумо ... кулфат ҳастед», передается посредством слов «ублюдки» и «трусы проклятые». Или в нижеследующем примере выражение «ба чалпаки чаззадор печонда партоед, саге бў намекунад» (иносказательно «неприятный, непривлекательный») переведено сочетанием «вовсе безобразная»: Сохту суммоти бе ин хам кареҳангези ӯ, чунонки меғуфтанд, турфа намуди Худо шуда буду ба қавли як ангишткани шўтқарӣ акнун ўро ба чалпаки чаззадор печонида партоед, саге бў намекунад (6, с.172). // И без того не очень привлекательная, она стала вовсе безобразной (5, с.119);

3. Сопоставление - в сложных фразеологических предложениях значение простых предложений в составе фразеологической единицы выражается в сопоставлении: 1) прямом сопоставлении; 2) сопоставлении на основе противопоставления указанных событий. Например, в следующем примере, перевод которого с точки зрения семантического и коннотативного соответствия можно считать удачным, сопоставление фактов проводится без их противопоставления. Здесь переводчику удалось посредством полисемантической лексической единицы «течёт», как в

подлинном («вода течёт») так и в переносном значении («деньги текут») , воспроизвести переносный смысл переводимого фразеологизма: Об ба сой менигарад, пул ба бой,– гуфтааст кадом махмадоно (6, с.74). // Верно сказано: «Вода в овраг течёт, а деньги - в карман бая» (5, с.48).

Изучение материалов фразеологического словаря показало, что сложное фразеологическое предложение «умр кӯтоҳ асту шӯҳрат безавол» (жизнь коротка, а память вечна) также является авторским оборотом писателя, в передаче которого переводчик смог найти правильное решение: Умр кӯтоҳ асту шӯҳрат безавол, гуфтаанд (7, с.451). // Жизнь коротка, говорят, а память вечна (5, с.559). В данном случае ритмико-интонационный строй переводимого фразеологизма передается посредством речевого звена «коротка» – «вечна» .

В переводе наблюдается также передача фразеологического предложения лексическим способом. В этом случае, конечно, смысловые отношения простых предложений в составе сложного фразеологического предложения не находят точного соответствия: Ў (Даря – М.С.) агарчи нармак-нармак пой мениход, ба сӯи кулбаи худ монанди мурғи аз кафас озодшуда парида мерафт. Бечиз ҳам нагуфтаанд, ки дил мекашад по меравад (6, с. 181). // Дарья ускорила шаг. Всем сердцем она стремилась домой (5, с.125).

Следует отметить, что в переводе некоторых сложных фразеологических предложений наблюдаются несоответствия, которые, несомненно, приводят к искажению смысла подлинника. Например, пословица «сад касро месӯзаду як касро месозад» (лексическое значение «мошенник, аферист») употреблена в оригинале для характеристики персонажа, изредка делавшего добро, с тем чтобы обмануть людей и казаться порядочным. Однако в переводе этой пословицы переводчику не удалось точно воспроизвести смысловой и коннотативный компонент фразеологической единицы исходного языка : – Савдогар гӯй, писарам, – абрӯвони сермӯяшро маънидор боло кашид пирамард.– Сад касро месӯзаду як касро месозад (6,с.200). //– Одно слово -купец,– произнёс старик. Сотню людей разорит, лишь бы самому разбогатеть (5, с.137).

Такое смысловое несоответствие можно увидеть и в переводе фразеологического предложения «зорӣ дорему зӯрӣ не», употребленного в оригинале для обозначения униженного, бесправного положения рабочих, которые могут только просить и увещевать : мо фақат Худо мегӯему мегирем (гиря мекунем – М.С.) кашада шудааст:– Мо мартаба надорем, ки ба онҳо дӯғ занем, кудрат надорем, ки ба дуруст кардани кон онҳоро маҷбур кунем. Зорӣ дорему зӯрӣ не, – гуфт касе бо овози ҳасратомез (6, с. 69). // Нет у нас ни чинов, ни силы, чтобы заставить хозяев создать в шахте сносные условия. Мы можем только молиться да плакать (5, с.45).

Ошибка была допущена переводчиком и в переводе фразеологической единицы «лучӣ ба хона мешинонаду гушнағӣ ба кӯча медавонад», поскольку эквивалентами слова «лучӣ» в русском языке являются «голый», «нагой», «обнажённый», а в переводе использовано слово «босой», что не соответствует смысловому содержанию исходного фразеологического предложения: Лучӣ ба хона мешинонаду гушнағӣ ба кӯча медавонад – гуфта нашунидед, дӯстам,– ҳасрат намуд қаротегинии бечора (6, с.256). // Босой сидит дома, голодный носится по улицам,– ответил каратегинец поговоркой (5, с.70).

Таким образом, перевод образных фразеологических единиц, в особенности сложных фразеологических предложений - одна из наиболее сложных задач в

переводческой практике, поскольку зачастую в силу того, что материал фразеологии разнообразен как в генетическом, так и функциональном плане, и разнохарактерен в семантическом отношении, добиться полной эквивалентности не представляется возможным. Более того, многие фразеологические предложения транслируют специфические черты языковой личности писателя, передача которых на другой язык вызывает определенные трудности.

Выбор приемов перевода фразеологических предложений затруднен тем, что подбор фразеологического аналога требует от переводчика не только знания семантики фразеологических единиц, их стилистической характеристики и национальной окраски, но и тщательного соблюдения экспрессивных и модальных аспектов содержания исходной фразеологической единицы с подлинником, поскольку нередко у ФЕ исходного языка бывает несколько русских аналогов, отличающихся стилистическими характеристиками и оттенками словоупотребления.

Список использованной литературы :

1. Камолитдинов Б. Як ғалати забони матбуот // Ғаффи забон. – 2015. – 1 (4) 30 январ. – 8 с.
2. Маҷидов Ҳ.М. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик. – Душанбе, 1982. – 103 с.
3. Мирзоева М.М. Воҳидҳои фразеологӣи асарҳои С.Айнӣ ва усулҳои тарҷумаи онҳо ба забони русӣ. – Душанбе: Матбуот, 2008. – 160 с.
4. Муллоджанова З.А. Стилъ оригинала и перевод (Изд-е второе, переработанное и дополненное) – Душанбе, 2014. – 191 с.
5. Раҳим Джалил. Шураб. Роман в 3-х книгах. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 575 с.
6. Раҳим Ҷалил. Асарҳои мунтахаб. Иборат аз се ҷилд. Ҷилди якум. Китоби 1. Романи «Шӯроб». – Душанбе: Адиб, 1988. – 304 с.
7. Раҳим Ҷалил. Асарҳои мунтахаб. Иборат аз се ҷилд. Ҷилдҳои 2-3. Романи «Шӯроб». – Душанбе: Адиб, 1988. – 464 с.
8. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Тартибдиҳанда М.Ғозилов. Ҷилди якум. – Душанбе: Нашрдавтоҷ, 1963. – 952 с.

Reference Literature:

1. Kamoliddinov B. One Mistake in the Language of Press. // Treasure of the Language. - 2015. - 1 (4) 30 January. - 8 p.
2. Madjidov H.M Phraseology of Modern Tajik Language. -Dushanbe, 1982.- 103 pp.
3. Mirzoyeva M.M. Phraseological Units of the Works by S.Ayni and the Ways of Translating them into the Russian Language. –Dushanbe: Press, 2008.- 160 pp.
4. Mullodzhanova Z.A The Style of the Original and Translation (the second edition, revised and enlarged) – Dushanbe, 2014.- 191pp.
5. Rahim Jalil. Shurab. Novel in 3 books.- Dushanbe: Cognition, 1973.- 575 pp.
6. Rahim Jalil. Selected Works. In three volumes. Volume One. Book 1. The novel "Shurab." - Dushanbe: Men of Letters 1988. – 304 pp.
7. Rahim Jalil. Selected Works. In three volumes. Volumes 2-3. The novel "Shurab." - Dushanbe: Men of Letters, 1988.- 464 pp.
8. Phraseological Dictionary of Modern Tajik Language. Compiler M.Fozilov. Volume One. - Dushanbe: Nashrdavtoch, 1963.- 952 pp.

**10 02 22 ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ,
АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ**

**10 02 22 LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES PEOPLES OF EUROPE, ASIA,
AFRICA, NATIVES OF AMERICA AND AUSTRALIA**

УДК 929

ББК 92 (Т)

ИСТИЛОҲОТИ ТИББӢ *Ғиёсов Нурулло Исматович,*
ДАР ФАРҲАНГИ *н.и.филол., дотсент, ҷонишини сармуҳаррири*
«ДОНИШНОМАИ *маҷаллаи «Ахбори ДДҲБСТ»*
ҚАДАРХОН» *Низомидинова Рухсора Абдуҷамиловна,*
мутахассиси шӯъбаи таъбуи наири ДДҲБСТ
(Тоҷикистон, Хучанд)

МЕДИЦИНСКАЯ *Ғиясов Нурулло Исматович,*
ТЕРМИНОЛОГИЯ *к.филол.н., доцент, заместитель главного*
В СЛОВАРЕ «ДОНИШ- *редактора журнала «Вестник ТГУПБП»*
НАМЭ КАДАРХОНА» *Низомидинова Рухсора Абдуҷамиловна, специалист*
редакционно-издательского отдела ТГУПБП
(Таджикистан, Худжанд)

MEDICAL *Ghiyasov Nurullo Ismatovich,*
TERMINOLOGY IN *candidate of philological sciences, Associate Professor,*
«DONISH-NAME» *Vice-editor-in-chief of the journal "Bulletin of TSULBP"*
KADARKHON *E-MAIL: nur-1954@mail.ru*
DICTIONARY *Nizomidinova Rukhsora Abdujamilovna,*
expert of the editorial-publishing department under TSULBP
(Tajikistan, Khujand) E-MAIL: usmoni-79@mail.ru

Ключевые слова: персидско-таджикская лексикография, «Донишнома-и Кадархон»,
медицинские термины, болезни, фитонимы, врачевание

В статье рассматриваются медицинские термины персидско-таджикского толкового словаря XV века «Донишнома-и Кадархон» Форуки. Данный словарь является одним из старинных персидских словарей, и в нем значительная часть вокабул являются медицинскими терминами. Автор-составитель словаря поставил перед собой задачу наряду с терминами строительства, поэтики, культуры и т.д. прокомментировать медицинские термины. 80 лексических единиц словаря относятся к частям человеческого тела. Медицинские термины, авторы статьи разделяют на следующие виды: термины, которые обозначают части человеческого тела, названия различных болезней, слова, которые обозначают состояние человека. Благодаря словарю до наших дней сохранились многие таджикско-персидские медицинские термины.

Key words: Persian-Tajik interpretation Dictionary, «Donishnoma-i Kadarkhon», medical terms, diseases, medicine, phitonims, doctoring

The article dwells on medical terms registered by the Persian-Tajik Interpretation Dictionary of the XV-th century «Donishnoma-i Kadarkhon» by Foruki. The given dictionary is one of the ancientest Persian ones; the bulk of the vocabulary being medical terms. The dictionary author-compiler had a goal to comment upon medical terms alongside with those ones pertaining to building, poetics, culture, etc. 80 lexical units refer to human body parts. Medical terms are divided into the following parts: those ones designating human body parts, names of diseases, words designating man's plight. Due to the dictionary many Tajik-Persian medical terms have preserved up to nowadays.

«Донишномаи Қадархон» дар баробари он ки аз фарҳангҳои қадимаи дар сарзамини Ҳинд таълифшуда аст, бо фарогирии моддаҳои луғавияш аз фарҳангномаҳои замонаш ва баъдина фарқ ҳам дорад. Тафриқа асосан дар истифодаи фаровони фитонимҳо ва истилоҳоти тиббӣ ба назар мерасад. Аслан Ашраф ибни Шарафи Форукӣ хангоми таълифи луғатномааш мақсад дошт, ки ба ҷуз вожаҳои «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ ва «Искандарнома»-и Низомӣ инчунин истилоҳоти тиб ва асомии адвияро шарҳ диҳад. Аз ин рӯ, дар муқаддима нигоштааст: «...ва маони асомии адвия, ки толибон дар кутуби тиб(б) мӯхтоҷанд, ҳар кӣ аз ин забон сухане бозҷӯяд, он-ч пурсанд, посухи он бозҷӯяд...» (13, с. 26 ва 3а).

Микдори зиёди истилоҳоти тиббӣ дар «Донишномаи Қадархон» фарогири номи узвҳои инсонанд, ки дар шакли қадимаи форсӣ-тоҷикӣ маҳфуз мондаанд.

Сабаби зиёд овардани моддаҳои луғавии марбут ба узвҳои инсон ҳамонро дар фаҳмо гардонидани матолиби илми тиб аст. Дар замони Форукӣ ва умуман дар тӯли асрҳои миёна асарҳои тиббӣ аксаран ба забони арабӣ навишта мешуданд, аммо асарҳои тиббӣ ва ҳикмат ҳам ба рӯйи кор омада буданд, ки на танҳо ба забони форсӣ-тоҷикӣ таълиф шудаанд, балки фарогири калима ва вожаҳои махсуси тиббии тоҷикӣ ҳам буданд. Дар қатори ин гуна асарҳо метавонем, ки офаридаҳои Абӯалӣ ибни Сино, Исмоили Ҷурҷонӣ, Иброҳими Тифлисӣ ва дигаронро номбар кунем, ки осори тиббияшонро ба забони форсӣ таълиф намудаанд.

Лозим ба таъкид аст, ки узвҳои инсон дар лаҳҷаҳои гуногуни забони форсӣ-тоҷикии муосир ҳам бо вожаҳои мухталиф ё гунаҳои он ифода мешаванд ва ин ҳодисаи забонӣ дар замони Форукӣ ҳам ҷой доштани аз эҳтимол дур нест.

А.Отахонова муҳаққиқи «Фарҳангномаи Вафой»-и Ҳусайни Вафой асари номбурдари таҳқиқ карда, хулоса намудааст, ки дар он 90 калимаи ифодакунандаи узвҳои инсон ва сифатҳои он мавҷуд аст. Дар «Донишномаи Қадархон» мутобиқи ҳисоби эҳсоии мо 80 калимаи ифодакунандаи узвҳои инсон ба ҳайси моддаҳои луғавӣ оварда шудааст ва калимаҳои ифодакунандаи сифати узви инсон аз ин шумора берун аст. Бо назардошти маънои луғавӣ ва мавқеи ҷойгиршавии ин узвҳо дар ҷисми инсон чунин истилоҳоти тиббиро ба навъҳои зерин тақсим менамоем:

- а) узвҳои инсон, ки дар қисмати сар қарор доранд;
- б) узвҳои инсон, ки дар тани инсон мавҷуданд;
- в) номи узвҳои инсон, ки аз миён поён қарор гирифтаанд.
- г) вожаҳои ифодакунандаи номҳои беморӣ ва ҳолати инсон.

Узвҳои инсон, ки дар қисмати сар қарор гирифтаанд

Дар ифодаи қадими калимаи сар вожаҳои зерин ҳамчун моддаи луғавии алоҳида оварда шудаанд: *ҷикод* (13, с. 446), *омёна ва аҳёна* (13, с. 203а), *ҳабоб* (13, с. 103а), *курк*

(13, с. 1076), *тор* (13, с.57а), *курак* (13, с. 1136), *таранг* (13, с. 1036), *калок* (13, 1036), *занҷ* (13, 346), *зафар* (13, 676), *кавила* (13, с. 1966), *коч* (13, с.316). Ҳамаи ин калимаҳо ифодакунандаи сари инсон ҳастанд.

Калимаҳои «*занҷ*» ва «*зафар*» танҳо дар ҳамин фарҳанг ба маънои сар ва ё калла шарҳ ёфтааст, ки бо ин маъно дар луғатҳои дигар шарҳ нагаштаанд.

ЗАНҶ – калла бувад (13, с. 346).

ЗАФАР – калла бувад (13, с. 67)

Вожаи занҷ ба маънии калла дар ҳеҷ як аз луғатҳои мавриди истифодаи мо - «Луғати Фурс», «Фарҳанги Қаввос», «Сурмаи сулаймонӣ», «Фарҳанги Муин», «Фарҳанги забони тоҷикӣ» дучор нашуд. Аз ин рӯ, мо наметавонем дар бораи саҳеҳ будан ё набудани ин вожаи «Донишномаи Қадархон» баҳс кунем.

Қиёсу муқобалаи вожаҳои дигар бо фарҳангҳо ба ҳар ҳол нишон медиҳад, ки Форуқӣ дар бархе аз ҳолат дар шарҳи баъзе аз истилоҳоти тиббӣ ба иштибоҳ роҳ медиҳад, ки мисоли он вожаи *зафари* фавқуззикр аст. Дар «Луғати фурс» дар баробари муродифоти он – *нус*, *зак*, *кӯз ва фурунҷ* «перомани даҳон» ташреҳ ёфтааст (1, с. 185). Дар «Фарҳанги Қаввос» ин вожа наёмадааст. Дар «Сурмаи сулаймонӣ» *зафар* «кунчи даҳон; ва устухоне, ки дандон аз ӯ рӯяд» шарҳ шудааст (3, с.196). Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» он ба гунаҳои *зафр ва зафар* оварда шуда, ҷоғ, даҳон, ташреҳ шудааст (10, ҷ.1, с. 444). Дар «Фарҳанги Муин» ҳам зафар ба маънии даҳон, кунчи даҳон омадааст (6, ҷ.1.с.808). Аз ин рӯ, ба маънии **калла** шарҳ ёфтани ин вожа дар ин фарҳанг каме шубҳаовар аст, зеро дар ягон фарҳангҳои дигари ба мо дастрас, аз ҷумла «Луғатнома»-и Деҳхудо ба ин маънӣ омадани он ишорае нафафтааст.

КАЛОК – тири тораки сар бувад. Бузурге гӯяд:

Ё занам ё канам риш пок,

Ё занам кордаке бар калок (13, с. 1036).

Дар «Луғати Фурс» ин вожа ду бор ба ҳайси моддаи луғавӣ ва дар ҳар ду ҷой ба гунаи *калол* омадааст:

ЧАКОЗ ва **ХАБОК** ва **КАЛОЛ** – миёни сар бошад (1, с.150).

КАЛОЛ – миёни сар бувад (1, с.288).

Зимнан, Асадӣ барои *калоли* дуҷум ба ҳайси шохид ҳамин байтро меорад, ки Форуқӣ ба гунаи «Бузурге гӯяд» овардааст ва он ба қалами Ҳаққоки Марғазӣ тааллуқ дорад.

Дар «Фаҳанги Қаввос» (12, с. 91), «Бурҳони Қотей» (7, ҷ.2, с 313). «Сурмаи сулаймонӣ» (3, с. 299) ба гунаи *калол* ва ба ҳамин маъно, яъне мутаносибан, «миёни торақ», «тораки сар, ки мобайни фарқи сар ва пешонӣ бошад» ва «болои пешонӣ» ташреҳ шудааст. Дар «Луғатнома» ин вожа ба ду гуна – *калол* ва *калок* омадааст (4, ҷ.12, с.18454 ва 18455). Ин маънии онро дорад, ки дар фарҳангҳо аз «Донишномаи Қадархон» ба баъд, ҳар ду гунаи ин вожа сабт шудааст. Ба назари мо таҳқиқи ин вожа ва вожаҳои ба ин монанд метавонанд, ҳадди ақал, ба пайдоиши гунаҳои фонетикӣ вожаҳо рӯшанӣ андозанд. Чунин ба назар мерасад, ки пайдоиши гунаи *калоки* ин вожаро метавон ба чунин сабабҳо иртибот кард:

1. Шояд ба иллати ҳамқофия намудани вожаҳои охири сатри якуму дуҷуми байт, яъне *пок* ва *калок* гунаи *калок* ба вучуд омада бошад, зеро байти Ҳаққоки Марғазӣ дар асл чунин аст:

Ё занам ё канам риш пок,

Ё диҳам корд яке бар калол.

2. Ба занни қавӣ метавон гуфт, ки *калок* гунаи лаҳҷавии *калол* аст, ки дар зерӣ таъсири шева ба осори адабӣ ва фарҳангҳо ворид шудааст.

Далели дигари мо дар тағйири ин калима он аст, ки дар лаҳҷаи шимоли Тоҷикистон имрӯз ҳам калимаи *калук*, *каллук* ва ё *каллоқ* истифода мешавад, ки маънои кунда ё ҳезуми қисмати болоии туту бедро дорад, ки пора накардаанд. Агар дар замони Форукӣ ин калима ба маънои сари инсон истифода мегашта бошад, дар лаҳҷа он маънои сари кунда, ки зарби табарро меҳӯрад, истифода мегардад.

Ҳамаи ин калимаҳоро бо ҳамдигар синоним номидан дуруст нест ва ҳар кадоме як қисми каллаи инсонро мефаҳмонад. Барои ифода кардани даҳон ва андом дар «Донишномаи Қадархон» боз калимаҳои зерин оварда шудааст: *қарфар* (13, с. 636), *тарюн* (13, с.1566), *фаранҷ* (13, с. 346), *табғур* (13, с. 576). Ҳамаи ин калимаҳо ифодакунандаи пероман ё атрофи даҳон мебошанд. *Дараҳ* (13, с.175а) бошад, танҳо даҳон шарҳ дода шудааст.

ДАРАҲ – даҳан бувад (13, с.175а).

Барои ифода кардани перомани даҳон калимаҳо хеле кӯтоҳ ва қариб як хел шарҳ дода шудаанд:

ТАРҶОН – гирдогирди даҳан бувад (13, с.1566).

ТАБҒУР – гирдогирди даҳан бувад (13, с. 576).

ФАРАНҶ – гирд, перомуни даҳан бувад (13, с.346).

Чустуҷӯҳои мо инро ҳам нишон дод, ки аз се вожаи фавқуззикр танҳо вожаи сеюмӣ – фаранҷ ба ҳамин маъно дар «Луғати Фурс» (1, с. 96 ва с. 185), «Фарҳанги Қаввос» (13, с. 94); «Бурҳони қотъ» (7, ҷ.2, с. 304); «Фарҳанги Муин» (6, ҷ.2, с. 1223); «Фарҳанги забони тоҷикӣ» (10, ҷ.2, с. 444), вале ба гунаҳои *фаранҷ*, *фурунҷ*, *фирунҷ*, омадааст. Вожаи *тарюн* дар ҳеч як аз фарҳангҳо дида нашуд. Моддаи луғавии *табғур* ҳам дар ин фарҳангҳо мавҷуд нест, вале мо ба тариқи фарзия чунин тахмини ба ҳақиқат наздикро пешкаш менамоем: Форукӣ ё носихи ин асар вожаи табғузро табғур хондааст ё навиштааст. Табғуз бо гунаҳои фонетикӣ худ – батғуз, батғӯз, патғуз, падуз, пуз (Ниг. ба «Луғати фурс» (1, с. 135 ва с. 165); «Сурмаи Сулаймонӣ» (3, с.60), «Фарҳанги Муин» (6, ҷ.1, с.232), «Фарҳанги забони тоҷикӣ» (10, ҷ.1, с.158; ҷ.2, с.45) дар ҳамаи фарҳангҳо ба маънии гирдогирди даҳон, атрофи даҳон, буруни даҳони ҳайвонот оварда шудааст.

Дар забони адабии ҳозираи тоҷикӣ калимаҳои номбурда бо ҳамин маъно истифода намегарданд ва ба гурӯҳи калимаҳои архаистӣ дохил мешаванд.

Чашму мижгон дар шеър бисёр ситоиш мешаванд. Аз ин рӯ дар «Донишномаи Қадархон» барои ифодаи чашму мижгон ва сифатҳои онҳо вожаҳо оварда шудаанд: *муҷсон* (13, с.139а), *гамза* (13, с.203а), *хуво* (13, с.18а), *муҷа* (13, с.203б), *кик* (13, с.108б), *яхёл* (13, с.126б).

МУҶА – нӯки чашм бувад. Низомӣ гӯяд:

Сикандар дар он барф саргашта монд,

Чу барф аз муҷа қатраҳо мефишонд (13, с. 203б).

ХУВО – муҷа бувад (13, с.18а).

ЯХЁЛ – сапедии чашм бувад (13, с.126б).

Калимаҳои *ной* (13, с. 224б), *табғур* (13, с. 576), *малоza* (13, с. 203б), *яшк* (13, с. 113б) ифодакунандаи мутаносибан, узвҳои хирной, гардан, бодомаки гулӯ ва дандонҳои қафо мебошад.

НОЙ – кӯтхаро гӯянд (13, с.224б).

Дар ин ташреҳ *кӯтҳа* ба маънои хушкии гардан ва хирной омадааст.

МАЛОЗА – гӯште гирд аз коми сари ҳалкум овезон аст (13, с. 2036).

Ин истилоҳ дар «Луғати фурс» (1, с. 157), «Сурмаи сулаймонӣ» (3, с.337) ва «Тӯҳфат-ул-аҳбоб» (9, с.102) ҳам бо маънои дар «Донишномаи Қадархон» зикршуда ё наздик ба он шарҳ ёфтааст, яъне бодомаки гулӯ.

Узвҳое, ки дар тани инсон мавҷуданд

Дар ин гурӯҳи лексикӣ калимаҳои марбут ба узвҳои инсон оварда шудаанд, ки алҳол барои соҳибони забон бо он маъно фаҳмо нестанд, аммо эҳтимол дорад, ки дар лаҳҷаҳои мухталифи забони форсӣ-тоҷикӣ то ҳанӯз зинда бошад. Калимаҳои зеринро дида мебароем: *ҳавия* (13, с. 176а), *мӯяд* (13, с. 446), *калак* (13, с. 1136), *ворун* (13, с.157а), *басҷур* (13, с.606), *зоқадон* (13, с.157а), *галғалич* (13, с. 32а), *шивои шӯҳгин* (13, с. 1506), *сӯвонк* (13, с. 121а), *дажипа* (13, с. 2146), *бик* (13, с. 114а), *бурз* (13, с. 756), *шаҳок* (13, с. 121а), *ҳабодӣ* (13, с. 2216), *нашток* (13, с. 1206).

ҲАВИЯ - китф бувад (13, с.176а).

МҶҲҲ – китф бувад (13, с. 446).

Ин ду калима ба ҳамдигар муродифанд, аммо ба ҳайси моддаҳои луғавии алоҳида оварда шудааст.

ШАҲОК – ҳикак бувад (яъне барҷастагии гулӯ – Н.Ғ., Р.Н.) (13, с.121а).

КАЛАК – бағал бувад (13, с.1136).

ВОРУН – оринҷ бувад (13, с.157а).

Вожаи сеюм дар «Луғати Фурс» ба гунаи «воран» ба маънии «бандгоҳи зери бозу» оварда шудааст ва таҳиягари матни он Н.Ғиёсов «ворун»-и «Донишномаи Қадархонро»-ро ғалат ҳисобидааст. Бино бар қавли ӯ, дар «Сихох–ул-фурс», «Тӯҳфат–ул-аҳбоб ва «Фарҳанги Қаввос» ҳам *воран* ва ба ҳамин маънӣ ташреҳ ёфтааст (1, с.371, ҳошия). Дар «Сурмаи сулаймонӣ» «бандгоҳи даст бувад, миёни соид ва бозу» (3, с.358) шарҳ ёфтааст.

БИК – банди ангушт бувад (13, с.114а).

ДАЖИПА – ғадуд бувад. Шоир гӯяд:

Лаззати дунба надонад, эй азиз,

Он к-ӯ доим хӯрад диҷстихро (13, с.2146).

Лозим ба таъкид аст, ки дар фарҳанг ин вожа ба гунаи «дажипа» оварда шудааст, зеро эъробгузорие, ки шудааст, шубҳаеро ба ҳамин гуна будани он намеронад. Аммо дар байти шохид гунаи *диҷстих* омадааст ва вазни шеърӣ ҳам тақозо мекунад, ки калима ҳамин гуна хонда шавад. Аз ин метавон хулоса кард, ки ё муаллиф гунаи *дажипа*ро аз сарчашмаи фарҳангӣ ба ҳамон шакли дар он буда ба фарҳанги ҳеш интиқол додааст ё худ ҳар ду гунаи фонетикии ин вожа дар замони Форукӣ баробар ба қор мерафтааст.

Вожаи *дажипа* дар «Луғати фурс», «Тӯҳфат-ул-аҳбоб» ва «Сурмаи Сулаймонӣ» наёмадааст, вале дар «Фаҳри Қаввос» ҳам ба ҳамин шаклу маънӣ, дар «Бурҳони Қотей» ба гунаҳои *диҷстих*, *диҷстих* (таҳфифи вожа, яъне бо ҳазфи ё дар - пих) *даҷстих*, *диҷстиҳа*, *дажипа* ба маънии ғадуд омадааст (8, ҷ.2, с. 23).

Калимаҳои ифодакунандаи узвҳои инсон ба монанди *зоқадон*, *басҷур*, *диҷстих*, *бик*, *калак*, *мӯяд*, *ҳавия* дар «Луғати фурс»-и Асадии Тӯсӣ зикр нагаштааст. Ин худ гувоҳи он аст, ки Форукӣ барои тақмили тасҳеҳ намудани фарҳанги худ вожаҳои ҳамаи шарҳ додааст, ки дар луғатҳои пешиниён ҷой надоштаанд.

Номи узвҳои инсон, ки аз миён поён қарор гирифтаанд

Дар ифодаи қардани ангуштони пой, қамар, рон ва амсоли инҳо дар «Донишномаи Қадархон» калимаҳои фаровоне оварда шудаанд, ки баъзеи онҳо дар фарҳангҳои

баъдӣ вонамехӯранд. Мумкин аст, ки ин калимаҳо дар ин фосила ба гурӯҳи калимаҳои архаистӣ дохил шудаанд ё аз лаҳҷаи замони мусанниф гирифта шуда бошанд. Мисол:

ПАЧУК – шитолинг бувад (13, с.1086).

Дар «Луғати Фурс» гунаҳои *пачул* ва *пажули* ин модда оварда шудааст (1, с.315). Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» аз ҳамаи ин гунаҳо танҳо *пажул* шарҳ ёфтааст (10, ҷ.2, с.9). Тазаккур медиҳем, ки дар лаҳҷаи Хучанд вожаҳои «почак» ва «шиллинг» имрӯз ҳам дар истеъмол аст, ки ба гумони мо гунаҳои дигари *пачук* ва *шитолинг* мебошанд.

Барои ифодаи маънии *шитолинг* Форуқӣ боз истилоҳи *бахулро* (13, с. 127 а) ба ҳайси моддаи луғавии алоҳида зикр мекунад. Вале чунин ба назар мерасад, ки дар навишти ин вожа ё аз ҷониби муаллиф ё аз ҷониби носих иштибоҳе рафтааст, зеро дар фарҳангҳои дигар ин вожа ба гунаҳои *бучул* (12, с.97; 7, ҷ.1, с.155), *бажул* (2, с.69), *бужул* сабт шудааст (9, с. 38; 7, ҷ.1, с. 177).

Як гурӯҳи чунин калимаҳо танҳо дар фарҳангҳои дар Ҳинд навишташуда ворид гаштаанд ва ин боз як бори дигар собит мекунад, ки ин калимаҳо дар забони форсии муҳити Ҳиндустон маъруфият доштаанд. Чунончи:

КОБУЛЕЧ – ангушти кеҳини пойро гӯянд, яъне нарангушт (13, с.30а).

ПАЛ – пошнаи пойро гӯянд (13, с.127а).

ШАВОСУХӢ – пушти пой бувад (13, с.223б).

КОЛУЧ – колучи хурдро гӯянд (13, с.33б).

Дар «Сурмаи Сулаймонӣ» *колуч* ба ду маънӣ – кабӯтар ва ангушти кӯчақтарин ташреҳ шудааст (2, с.286). Дар «Бурҳони Қотеъ» ҳам ба ҳамин ду маънӣ шарҳ шуда, таъкид шудааст, ки *колуч* ба гунаи *колуч* ҳам меояд (8, ҷ.2, с.349.). Барои ифодаи маънои рон калимаҳои *куниста* (13, с.203б), *кимо* (13, с. 13а), *сунҷ ва гунҷ* (13, с.30а) истифода гаштааст.

КУНИСТА – ду куна бувад, яъне ронҳо. Шоир гӯяд:

Он духтари қассоб, ки бо чандон гӯшт,

Куниста ҳаменамуд, паҳлӯ меод (13, с.203б).

Зимнан, куна дар «Бурҳони Қотеъ» ба маънии кунаста, ки кафал ва сурини одамӣ мебошад, шарҳ шудааст (8, ҷ.2, с.415).

Дар фарҳангҳои мухталиф калимаи мазкур ҳам ба гунаҳои: *куниста* (12, с.99) ва ҳам *кунаста* (2, с.309; 8, ҷ.2, с.415) ва ҳам *кунасти* (4, ҷ.12, с. 18754) ёд гаштааст. Устод А. Деххудо бо итинод ба луғати Онандроҷ ин вожаро «мустаъмал ва маъруф байнаннос» муаррифӣ мекунад (Ҳамон ҷо).

Ба андешаи мо, ба алоҳидагӣ зикр кардани ҳар қисм аз узвҳои инсон дар «Донишномаи Қадархон» аз таъсири фарҳангшиносии арабӣ аст, зеро дар фарҳангҳои тафсирии арабӣ ва ё фарҳангҳои дузабонаи арабӣ-форсӣ номи арабии ҳар узв ва қисматҳои он фароҳам оварда мешуд, вале дар фарҳангҳои тафсирии мо, алаҳусус то замони таълифи «Донишномаи Қадархон» ин амр чандон роиҷ набуд. Бо шарофати ин фарҳанг бисёр аз номҳои аслии форсии узвҳои инсон дар забони мо маҳфуз мондаанд, ҳарчанд бештари онҳо имрӯз мустаъмал нестанд.

Дар «Донишномаи Қадархон» дар баробари моддаҳои марбут ба номи узвҳои бадани инсон инчунин вожаҳои ба ҳайси моддаи луғавӣ интихоб шудаанд, ки номи иллатҳои узви инсон мебошад:

ҚӢЗ – пушти ҳамшударо гӯянд (13, с.77а).

КӢЗ – пушти шикастаро гӯянд (13, с.77а).

Зимнан, яке аз ин вожаҳо бо қоф ва дигаре бо қоф навишта мешавад. Ба назар мерасад, ки ин ҳар ду гунаҳои фонетикии як калима аст, ҳарчанд Форукӣ онҳоро ҳамчун моддаи алоҳидаи луғавӣ меоварад.

ҚАФТА - хамида ва дутошударо гӯянд (13, с.190б).

БУШТАРАМ – омосидагӣ (13, с.134б).

ШАМҒАНДА – бӯйнок бувад (13, с.204а).

Дар «Луғати Фурс» ва «Тӯҳфат-ул-аҳбоб» вожаи ахир наёмадааст, вале дар «Фарҳанги Қаввос» он ба ҳамин шаклу маънӣ шарҳ ёфтааст (12, с.99). Дар «Бурҳони қотеъ» (7, ҷ.2, с.231.) ба ду гуна - *шамғанд* ва *шамғанда*, дар «Сурмаи сулаймонӣ» танҳо *шамғанда* (3, с.248) ва дар ҳар ду ба маъниҳои зани бағоят бадбӯй ва ганда ва ҳар чӣ мутааффин бошад, шарҳ ёфтааст.

САТАРВАН – нозоянда бувад (13, с.157а).

Дар фарҳанг моддаҳои ҳам оварда шудааст, ки нуқсҳои ҷисмонии инсонро ифода мекунад:

КАЙКАН – бориқчашм бувад (13, с.146б).

КАЛИК – чашми кож бувад. Музаффарӣ гӯяд:

*Чу бубинад туро зи ям(м) ҳасуд,
Хеиштанро калик созад зуд (13, с.107б).*

Вожаҳои ифодакунандаи номҳои беморӣ ва ҳолати инсон

Ба ғайр аз узвҳои инсон ва нуқсҳои ҷисмонии он дар «Донишномаи Қадархон» як гурӯҳи калимаҳои ҳам оварда шудааст, ки ифодакунандаи номи дард, аломати беморӣ, даво ва дорувориҳо мебошад:

ДАВОХУ – он-к аз беморӣ баршуда ва барҳоста бошад (13, с.39б).

ҚАХШ – иллати ғуррак (шакли хурдию навозиши вожаи «ғуррӣ» ба маънии фанҷ, даббаҳоя, ки гоҳе дар пусти гулӯ ҳам пайдо мешавад – Н.Ғ., Р.Н.), ки аз гулӯи мардум пайдо ояд (13, с.85а).

СИҶАҶ – тангии нафас бувад (13, с. 34б).

СӮКА – сӯрохро гӯянд. Асқадӣ гӯяд:

*Бичунбонам алам чандон дар он ду гунбади симин,
Ки симоб аз сари ҷумлон фуру резад дар он сӯка (13, с. 175б).*

Зохиран дар навишти моддаи луғавии *сӯка* иштибоҳе рух додааст, зеро дар фарҳангҳои дигар, масалан «Фаҳри Қаввос» (12, с. 101), «Бурҳони қотеъ» (7, ҷ.2, с. 238), «Луғатнома» (4, ҷ.10, с. 14577) он ба гунаҳои **шавка**, **шӯка** ва ба маънии новҷаи оҳанӣ, ки зару сими ғудохтаро ба он мерезанд, то шӯша шавад, ташреҳ ёфтааст. Дар мисраи дуҷуми байти шоҳид ҳам дар тарзи навишти вожаи *ҷумлон* ихтилоф ба назар расид. Дар «Фаҳри Қаввос» он ба гунаи «ҷумдон», дар «Луғатнома» «хумдон» омадааст (Ҳамон ҷо). Вале дар девони Асқадӣ шакли саҳеҳи ин байт омадааст, ки чунин аст:

*Бичунбонам қалам чандон дар он ду гунбади симин,
Ки симоб аз сари ҷамдон фуру резад дар он шӯла (15, с. 60).*

ХАСУНК – нафас задан бувад (13, с. 111а).

САРҲАРА – ҳусяро гӯянд. Шоир гӯяд:

*Чу таъна кунад бар ту хочасарой,
Бикун барҳана сархарову намой (13, с. 214б).*

Дар «Сурмаи сулаймонӣ» ин вожа ба гунаи «сурхира» оварда шудааст ва чунин шарҳ ёфтааст: «Навъе аз иллат бувад, ки онро ҳасба ва сурхча гӯянд. (3, с. 230).

СИНАХЧ – тангии нафас бувад (13, с. 34а).

Дар «Донишномаи Қадархон» инчунин калимаҳои аслии тоҷикии истилоҳоти тиббӣ мавҷуданд, ки имрӯз ҳам метавонанд дархури эҳтиёҷоти мо бошанд ва мисоли он вожаи *ҳазорчашма* (13, с. 170а) аст.

Ин моддаи луғавиро мо дар «Луғати Фурс», «Фарҳанги Қаввос» ва «Тӯҳфат-ул-аҳбоб» дучор нашудем, вале дар «Сурмаи сулаймонӣ» (2, с.368) ва «Бурҳони Қотеъ» (14, ҷ.4, с.2333) он ба маънии марази муҳлик ё иллату реше, ки саратон аст, шарҳ шудааст. Аз ҷумла, соҳиби «Бурҳони қотеъ» чунин овардааст: *Ҳазорчашма... иллоте ва реше бошад, ки бештар дар пушти одамӣ ба ҳам расад ва онро ба арабӣ саратон меғӯянд*. Доктор Муҳаммад Муин дар хошияи ҳамин саҳифа истинодан ба «Сабкшиносӣ»-и Маликушшуаро Баҳор муодили дигари ин вожа **кафгиракро** низ зикр намуда, аз ҷумлаи зерини «Чаҳор мақола»-и Низомӣ Арӯзии Самарқандӣ тамассук ҷустааст: «Хироч реши ҳазорчашма аст, гузоридаи ӯ давои ўст» (14, ҷ.4, с. 2333).

АФКОНА – бачае, ки аз шикам биравад. Шоир гӯяд:

Ҳосид зи ҳамлаи ту ниҳодаст сар ба хок,

Душман зи ҳайбати ту чу афкона доимост (13, с. 175б).

Имрӯз барои ифодаи маънои калимаи *афкона* истилоҳи «ҷанини норасида» истифода мешавад, дар сурате, ки калимаи зебои тоҷикӣ маҳфуз аст ва инро дар амал мавриди истифода қарор додан лозим аст.

ПЕШОР – далел бувад, ки бар табиб баранд (13, с. 62а).

Мурод аз ин пешоб аст, ки барои дидани табиб меоранд. Дар фарҳангҳо ин вожа ба гунаи «пешёр» (6, ҷ. 1, с.398; 2, с.89) ва ба маънии «*бавл, шош, қорурае, ки бавли бемор дар он кунанд ва пеши табиб баранд*» шарҳ ёфтааст.

Яке аз вежагиҳои ин фарҳанг дар мавриди истилоҳот дар он зоҳир мешавад, ки муродифоти як калима алоҳида-алоҳида оварда мешавад. Дар фарҳангҳои дигар, масалан «Луғати фурс» ё «Сурмаи сулаймонӣ», дар аксари ҳолат бо ҳам омадани муродифотро ба ҳайси як моддаи луғавӣ мебинем:

ШУХ ва КАЛАХЧ – чирк бошад (1, с. 117).

ШАНД ва КАЛАФТ ва БАТПУЗ ва МИНҚОР – дар дадон истеъмом кунанд ва калафт ва шанд ҷуз мурғро нагӯянд... (1, с. 135-136).

ПОЛВОСА ва ТОСА ва ТАЛВОСА ва ТОЛВОСА – ғаму андӯх; ва майл бувад ба ҳар чизе (3, с. 100).

Дар «Донишномаи Қадархон» бошад, масалан муродифоти «рим», яъне чирк ба таври алоҳида оварда шудааст:

КУРАС – рим бувад (13, 78б).

ХОЗ – рим бувад (13, с.77б).

ҲАВ – римро гӯянд (13, с. 166б).

ШУХ – рим бувад (13, с.38б).

КАЛҲАЧ – чирки андом, яъне рим (13, с.30а).

ЧИРК – рим бувад (13, с.106б).

ПЕЛА – рим бувад (13, с. 214б).

Соҳиби «Донишномаи Қадархон» ҳар навъи римро муфасссал шарҳ намедихад ва бо овардани «рим бувад» тафсирашро тамом мекунад. Аммо чунин муносибат ба калимаҳои гурӯҳи номбурда дуруст нест. Хонанда дар марҳалаи аввал мефаҳмад, ки ин калима ифодакунандаи мафҳуми **рим** аст. Аммо барои вай маълумоти даркорӣ дода намешавад. Ҷои тардид нест, ки рими қароҳатҳои гуногун аз рӯи ин ё он хосият

аз ҳам фарқ мекунад. Масалан, дар фарҳанги «Сурмаи сулаймонӣ» шарҳи калимаи **ҳав** чунин омадааст:

ҲАВ – чирке бувад, ки аз чароҳат равад ва об дуздидани чароҳат (3, с.367).

Дар фарҳангҳои қуруни вусто омадани якчанд вожа танҳо барои ифода намудани рими чароҳатҳо аз рушди бесобиқаи илми тиб(б) дар сарзамини мо шаҳодат медиҳад.

Айнан ҳамин гуна муносибатро дар шарҳи давоҳо ҳам мушоҳида карда метавонем. Дар ин маврид низ Форукӣ бо ибораи «илоҷеро гӯянд» шарҳро ба охир мерасонад, аммо дар асл вай вазифаи дар пешаш гузоштаро то андозае ҳал менамояд, яъне ба хонанда маълум мекунад, ки он номи даво ва илоҷе аст. Аз ин нуқтаи назар гуфта метавонем, ки Форукӣ як қатор илоҷҳоро номбар кардааст, ки дар замони ӯ ва дар илми тибби замонаш маъруф будаанд:

ҚОҚУЛА – илоҷеро гӯянд (13, с. 169а).

ҲИЙЛ – илоҷе бувад (13, с.124а).

ҲИРРБҶҶ – илоҷеро гӯянд (13, с.126).

Илми тиб дар раванди инкишофи тӯлонияш аз вожаҳои сурёнӣ, юнонӣ, форсӣ ва арабӣ бисёр истифода кардааст. Дар Шарқ забони арабӣ забони илму ҳикмат буд ва аз ин рӯ табиист, ки аксари истилоҳи тиб арабӣ аст. Дар «Донишномаи Қадархон» гурӯҳи калони калимаҳои соҳавии тиббии арабӣ шарҳу тавзеҳ ёфтаанд. Ин гуна калимаҳоро ба ду гурӯҳ тақсим кардан мумкин аст:

1. Истилоҳоти тиббии аслан арабӣ

2. Истилоҳоти тиббии муарраб.

Истилоҳҳои тиббии аслан арабӣ ва ҳатто номи рустаниҳо ва давоҳои арабӣ хеле фаровон истифода шудаанд ва дар аксар маврид ин гуна калимаҳо бо ҳамон маъно, ки дар илми тиб истифода мегарданд, шарҳ дода шудааст.

АҚМОЛ – қай бувад (13, с.127а).

БАВЛ – бурундошт бувад (13, с.127а).

МИЗОЧ – кони ҳар чизе бувад (13, с.31а).

Лозим ба тазаккур аст, ки муаллиф ҳангоми интиҳоб ва ташреҳи вожаҳои арабӣ ягон ишорае ба мансубияти онҳо ба ин ё он забон намекунад ва аз ин метавон хулоса кард, ки дар замони таълифи асар ин вожаҳо дар забони тоҷикӣ ҳазм ва дар радифи калимаҳои ғайри таркиби луғавии забонамон қарор ёфтаанд.

Инчунин дар «Донишномаи Қадархон» муарработе ҳам ба назар мерасанд, ки аслашон форсии тоҷикӣ будааст. Масалан:

БИҶИШК – табиб бувад (13, с.121а).

Маълум аст, ки биҷишк муарраби пизишки форсӣ-тоҷикӣ аст.

Аз таҳлили моддаҳои луғавии «Донишномаи Қадархон» бармеояд, ки як қисми вожаҳои дар он тафсиршаванда аз лиҳози маъно марбут ба тиб ва табобат аст. Тавассути ин фарҳангнома чандин вожаҳои асили форсӣ-тоҷикӣ, ки маъно ва шакли талаффузи зебо доранд, маҳфуз мондааст.

Калидвожаҳо: фарҳангшиносии форсӣ-тоҷикӣ, «Донишномаи Қадархон», истилоҳоти тиб, бемориҳо, фитонимҳо, доруҳо.

Пайнавишт:

1. Асади Тӯсӣ. *Лугати Фурс. Муқаддима, таҳия, таълиқот, ҳошия, ва феҳристи Н.Ғиёсов./ Асади Тӯсӣ - Хуҷанд: Нури Маърифат, 2015.*
2. Баевский С.И. *Ранняя персидская лексикография (XI-XV вв.)/ С.И. Баевский – М.: Наука, 1989.*

3. Балёнӣ, Тақиуддин Авҳади. Сурмаи сулаймонӣ. Фароҳамоварандаи матн, муаллифи нешгуфтор, ҳавошӣ, тавзеҳот, феҳрист ва мақола Ф. Ғиёсова. /Тақиуддин Авҳади Балёнӣ – Хуҷанд: Нури маърифат, 2006.
4. Деҳхудо Алиакбар. Лугатнома. Лавҳи фишурда./ Алиакбари Деҳхудо –Техрон: Донишгоҳи Техрон.- 1397.
5. Капранов В.А. Таджикско-персидская лексикография в Индии XVI - XIX вв. / В.А. Капранов – Душанбе: Дониш, 1987.
6. Муин, Муҳаммад. Фарҳанги Муин.-Техрон: Фарҳанги Моҳрух, 1382, дар 2 ҷилд.
7. Муҳаммадхусайни Бурҳон. Бурҳони Қотей. Таҳияи матн бо нешгуфтор, мулҳақот, тавзеҳот ва феҳристи Амон Нуров.-Душанбе: Адиб, 1993, ҷ.1.
8. Муҳаммадхусайни Бурҳон. Бурҳони Қотей. Таҳияи матн бо нешгуфтор, мулҳақот, тавзеҳот ва феҳристи Амон Нуров.-Душанбе: Адиб, 1993, ҷ.2
9. Убаҳӣ, Ҳофизи. Тӯҳфат-ул-аҳбоб. Ҳозиркунандаи нашр ва муаллифи муқаддима, тавзеҳот, илова ва феҳрастҳо Ҳ. Рауфзода/Ҳофизи Ўбаҳӣ –Душанбе: Ирфон, 1992.- 288 с.
10. Фарҳанги забони тоҷикӣ.-М.: Советская энциклопедия, 1969, дар 2 ҷилд. – 948 с.
11. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. Зери таҳрири С. Назарзода, А. Сангинов, С.Каримов, М. Султон.-Душанбе, 2008.- 950 с.
12. Фаҳруддин Муборакишоҳ Қаввоси Ғазнавӣ. Фарҳанги Қаввос. Фароҳамоварандагони матн, муаллифони нешгуфтор, тавзеҳот ва феҳрастҳо М. Ҳоҷаева ва С. Саидов./ Ф. Ғазнавӣ – Хуҷанд: Нури маърифат, 2003.
13. ал-Форукӣ, Ашраф ибни Шараф ал-Музаққир. Донишномаи Қадархон матни факсимиле. Фароҳамоварандагони матн, муаллифони муқаддима ва тавзеҳот Н.И.Ғиёсов ва Р.А. Низомиддинова / Ашраф ибни Шараф ал-Музаққир ал-Форукӣ – Хуҷанд: Ношир, 2013.
14. Муҳаммадхусайн Халафи Табрезӣ. Бурҳони Қотей. Бо эҳтимоми д-р Муин. Дар панҷ муҷаллад. – Техрон: Амири Кабир, 1357.
15. Девони устод Асқадии Марвазӣ. Ба тасҳеҳ ва таҳияи Тоҳирӣ Шихоб. – Техрон: Интишороти Ибни Сино, 1348.

Reference Literature:

1. Asadii Tusi. Lughati Furs. Intoduction, preparation of the text, appendices, indication by N. Ghiyosov. - Khujand: Light of Education, 2015. – 492 pp.
2. Bayevski S.I. Early Persian Lexicography (XI - XV cc.) / S.I. Bayevski. –M.:Science, 1989. – 168 pp.
3. Balyoni, Takiuddin Avhadi. Syrma-I Sulaymoni. Compiler, author of the introduction, commentaries: F. Ghiyasova / Takiuddin Avhadi Balyoni. – Khudjand: Light of Education, 2006. – 486 pp.
4. Dekhudo, Aliakbar. Lugatnoma (dictionary). Tough disc / Aliakbari Dekhudo. –Tehran University, 1387 hijra.
5. Kapranov V.A. Tajik-Persian Lexicography in India in the XVI-th – the XIX-th cc. / V.A. Kapranov. – Dushanbe: Knowladge, 1987. – 224pp.
6. Muin, Muhammad. Muin Dictionary. - Tehran: Mohrukh Dictionary, 1382 hijra, in two volumes.
7. Muhammadhusayn Burhon. Burhoni Qote`. Text preparation, introduction, commentaries and indications: Amon Nurov. – Dushanbe: Adib, 1993, V.1. – 416 pp.
8. Muhammadhusayn Burhon. Burhoni Qote`. Text preparation, introduction, commentaries and indications: Amon Nurov. – Dushanbe: Man-of-Letters, 2004, V.2. – 424 pp.

-
9. Ubahi Hafiz. *Present to Friends / Critical analysis of the text, introduction, commentary and catalogues* by Kh. Raufzade / Hafiz Ubahi. – Dushanbe: Cognition, 1992. – 288pp.
 10. *Dictionary of the Tajik Language. In two volumes. Soviet Encyclopedia, 1969.* – 948 pp.
 11. *Interpretation Dictionary of the Tajik Language. Volume 1 / Under the editorship of S.Nazarzoda, A. Sanghinov, S. Karimov, M. Sulton.* – Dushanbe, 2008. – 950pp.
 12. Fahriddin Muborakshokh Kavvas Gaznavi. (*Cavvas Dictionary*) / *Compilers of the text, authors of the introduction, commentaries and catalogue: M.Khodjayev and S.Saidov / F.Gaznavi.* – Khujand: Light of Education, 2003. – 294pp.
 13. Al-Faruki, Ashraf ibni Sharaf al-Muzakkir. *Donishname-i Kadar-khan (Kadar-khan's book of knowledge. Facsimile text. Compilers, authors of the introduction and commentaries: N.I. Ghiyasov and R.A. Nizamiddinov / Ashraf ibn Sharaf al Muzakkir al-Faruki.* – Khujand: Noshir, 2013. – 512 pp.
 14. Muhammadhusayn Khalaf-i Tabrezi. *Burhon-i Qote`.* Revised by Dr. Muin. *In five volumes.* – Tehran: Amir-i Kabir (Great Amir), 1357 hijra.
 15. *Divan (Collection of Compositions) of ustod Asjadii Marvazi. Corrected and commented by Tohiri Shihob.* – Tehran: Ibni Sino publishing-house, 1348 hijra.

УДК 80/81
ББК 83+63.3(0)

TRANSLATION OF *Hamroboyev Nasimjohn Abdullojohnovich,*
«SHARAF UN-NABI» BY *candidate of philological sciences, Associate Professor,*
NAJMUDDIN ROVANDI *claimant for Doctor's degree of Khujand State University*
named after academician B. Gafurov (Tajikistan, Khujand)

ПЕРЕВОД «ШАРАФ-АН-НАБИ» НАДЖМУДДИНА *Хамроев Насимджон Абдуллоджонович,*
РОВАНДИ *к.ф.н., докторант Худжандского государственного*
университета имени академика Б.Гуфурова
(Таджикистан, Худжанд)
E-MAIL: knasim@mail.ru

Ключевые слова: *Шараф-ан-Наби, перевод с арабского на персидский язык, Рованди, Харгуши, жизнеописание, Мухаммад, талхис, смысловой перевод, «Рохат-ас-судур», виды перевода*

Статья посвящена проблеме зарождения науки жизнеописания и составления биографий на примере книги «Шараф-ан-Наби» Абу Са`да Харгуши Нишопури, переведенной с арабского на персидский язык Наджмудином Рованди. Книга содержит множество сведений по истории и науке **калом**, по этике, хадисоведению, религиоведению, событиях первого века существования ислама, доказательства и свидетельства о пророческой миссии Мухаммада. Наджнуддин Рованди избрал смысловый принцип перевода, поэтому по объёму его книга уступает арабскому оригиналу. Перевод книги «Шараф-ан-Наби» как исторического и биографического источника приобрел небывалую известность в исламском мире. Обильное использование кисса и преданий, притч и назиданий придает книге большую художественно-литературную ценность.

Key words: *Sharaf an-Nabi, translation from Arabic into Persian, Rovandi, Khargushi, life description, Muhammad, talkhis, sense translation, «Rohat as-sudur», types of translation*

The article dwells on the problem dealing with a rise of life description and biography compositions on the example of the book «**Sharaf an-Nabi**» by Abusa`d Khargush-i Nishopuri which was translated from Arabic into Persian by Najmuddin Rovandi. The book consisted of a multitude of information concerned with history and the following sciences: **kalom**, ethics, hadis studies, religion studies, events referring to the first century of Islam existence, proofs and evidences about Muhammad's prophecy mission. Najmuddin Rovandi chose the style of sense translation, therefore his book concedes to Arabic original in volume.

Translation of the book «**Sharaf an-Nabi**» as a historical and biographic source acquired an unprecedented popularity in the Islamic world. Abundant usage of **kiss** and tales, parables and edifications impart great artistic and literary values to the book.

The successors of Muhammad, learned men and historians had begun to study the lifestyle of Prophet Muhammad since the first centuries of hijra which paved the way to biography studies or «*siranigori*» in both Arabic and Ajam (non-Arabic) literature. While developing the features of the individual and social life of the Prophet, his struggle for faith, the messages belonging to

him were considered as the peculiarities of biography writing mastership which was divided into some other parts as well.

At the beginning biography studies in their broad meaning were widely used in some other Islamic sciences such as: theology, *fiqh* (Moslem law), and *hadis* (narration), and ethics, etc. Later on, only the traditionalists and historians began writing about «*ghazovat*», i. e. Prophet's struggle for faith known as «*maghozi*». Another group of biographers made endeavors to reflect the peculiarities of individuality, in particular, evidences and arguments, signs of Muhammad's prophecy in their own compositions. Based on this type of biography many books named «*Shavohid-un-nubuvvat*», «*Sharaf-un-nubuvvat*», «*Daloil-un-nubuvvat*», «*Shamoil-un-nubuvvat*» [4, V.1, 22], etc. had been written for the first five centuries AD most of which are non-extant.

It is necessary to mention that the preachers, advisers and scholars of ethics made a great contribution into the development and spread of biography studies. Using Prophet's biography they called upon people to lead the right way, as well as for good deeds and thoughts, they informed them about the degree and the role of biographers by means of their literary works. Therefore, the few would have encountered among the clergymen of that period who had not written a treatise about Prophet.

In reference to this, preachers and advisers wrote treatises which referred neither to the part of biography and struggle for faith only, nor to evidence writing, however, all of these parts contained more information and those ones were compiled by the type of «*kashkulho*», in particular [4, V.1, 18].

Abusa'd (Abusaid) Abdulmalik ibn Abuusmon Muhammad Voizi Khargushi Nishopuri also wrote the literary work dealing with the biography and Muhammad's lifestyle which are well known under the title of «*Sharf-un-Nabi va mu'jizotihi*», «*Sharaf-ul-Mustafo*», «*Siyar-ul-Mustafo*», «*Daloil-un-nubuvvat*», «*Sharaf-un-nubuvvat*» and «*Sharaf-ul-Mustafo*». The literary work under consideration is one of the most significant Prophet's life data which was translated from Arabic into Persian-Tajik by a learned man and preceptor Sultoni Tughrul-Mahmud ibn Muhammad ibn Ali Rovandi.

The present literary work had been accomplished at the period when Nishopur was considered as the greatest center of Islamic and literary studies after Bagdad and was the place of meeting for scholars, shaykhs, traditionalists, faqihs, historians, educated men, thinkers and translators, in general. Unfortunately, there is not enough information in historical sources concerning the life and scientific activities of both Abusa'di Khargushi and Najmuddini Rovandi.

«*Kitob-ul-ansob*» by Sam'oni [7] and «*Tabaqotu-ash-shofeyati-l-kubro*» by Subki [9] are considered as the valuable and primary sources which give information about the compiler of the above mentioned work. Sam'oni mentioned Abusaid in two instances: firstly, when commenting in regard to his background of «*Khargushi*»; secondly, while reporting on Abusa'd's personality he directly states that the content of two chapters is the same. Sam'oni supposed: «*Khargushi*» is a relative attribute referring to the street of great Nishopur-city where a great number of representatives of science and literature lived and one of them was an outstanding righteous man - Abusa'd Abdulmalik ibn Abuusmon Muhammad ibn Ibrohim al-Khargushi. Abusa'd travelled to many countries including Iraq, Hijoz and Egypt and managed to visit a number of great scholars and shaykhs; he greatly enjoyed their presence and had left valuable and significant compositions for further generations. Meanwhile, he was taught by some outstanding scientists and scholars such as: Qozi Abumhammad Yahyo ibn Mansur ibn Abdulmalik, Abuumar Ismoil ibn Najidi Sullami, Abuali Homid ibn Muhammad ibn Abdulloh Rinoi, Abusahl Bishr ibn

Ahmad Isfaroini, Ali ibn Bundori Sarfi and Abuahmad Muhammad ibn Muhammad ibn Husayni Shayboni and their contemporaries as well. Among a number of storytellers who told about Abusaid Khargushi's literary works, there were: Abumhammad Hasan ibn Muhammad Khilol, Hokim Abuabdulloh Hofiz, Abulqosim Azhari, Abdulaziz ibn Ali Azji, Abulqosim Tanukhi, etc and the last representative of them - Abubakr Ahmad ibn Ali ibn Khalafi Sherozi. He had already gained and learnt the science of fiqh from the young age; he discussed it with many great devotees, until he became the leader of both devotees and faqehon with the help of Great God. Abus'ad was taught Shofey's Fiqh by Ali ibn Abulhasan Mosirjusi and stayed in Iraq up to 370/980 hijra. Then he travelled to Hijoz and lived quite near from *Haram-al-Sharif*, in Mekka; met with a number of righteous men there and obtained Hadis science in full. After returning to his homeland Nishopur Abus'ad was especially engaged in charity work and gave away all his property and wealth to the poor, indigent and lonely ones. He built a new hospital instead of an old ruined one, in Nishopur. Afterwards, he appointed some of his friends as assistants of doctors. In the field of Shariat studies he wrote a majority of appropriate books which were devoted to the miracles and signs of prophecy, biography and personal details of righteous men and worshippers. At the same time, the historic books concerning both the history of Nishopur, ancient and contemporary scholars known in Islamic states were duplicated by him. Abus'ad died in 406 hijra/1015 and his graveyard is in Nishopur and I, personally, have visited it several times» [7.V.12,34].

Thus, Sam'oni in the frames of his speech in conformity with Muhammad ibn Tohiri Maqdisi told: «*Abusa'd Kharjushi*» was also written with Persian «*kof*», namely «*Khargushi*» that refers to the village in Khorasan. The graveyard of Kharugshi is in his mausoleum, in Khargush street, in Nishopur. However, it was unclear to me (Sam'oni – N.H) whether the street was named after Abusa'd or vice versa. He died in 407 hijra /1016» [7.V. 12,34].

Being the contemporary of Abusa'di Khargushi Hokim Nishopuri told about him. As the author of the book «*Tabaqotu-ash-shofeyyati-l-kubro*» Hokim Nishopuri informed in regard to Abusa'd's role as it follows: «*I haven't seen anyone like him who could integrate in himself science, morals and righteousness in the way of God (Allah)*» [9,V.5,223].

A scholar in oriental studies Charles Story had done a significant research in both Khargushi's works and in that of the translator of «*Sharaf-un-Nabi*» and pointed to Khargushi in «*Persian Literature*»: «*Abusa'di Khargushi wrote a number of books in Arabic language, such as: «Tahzib-ul-asror fi tasavvur», «al-Bashorat va-n-nazorat fi ta'bir-ar-ru'yo» and «Sharaf-un-Nabi»* [8,V.2,735].

It should be mentioned that the appropriate information about Abusaid Khargushi's personal details was brought in anthologies and studies belonging to other researchers and scholars in Oriental studies, including «*al-Kunya va-l-alqob*» by Shaykh Abbos Qumi, «*Rayhonat-ul-adab*» by Mirzomhammad Ali Mudarris Tabrezi, «*The History of Persian Literature*» by Zabeulloh Safo and etc. However, proceeding from the essence of the above-mentioned literary backgrounds it becomes clear that their information comes from the cites of Maqdisi, Sam'oni, Subki and Suyuti.

The critical text of «*Sharaf-un-Nabi va mu'jizotih*»'s translation had been edited by an outstanding scholar in texts studies Muhammad Ravshan and was written in one volume of 534 pages recently in 1361 hijra, in Tehran [2].

The name of the translator of «*Sharaf-un-Nabi*» was outlined as Imom Najmuddin Mahmud ibn Muhammad ibn Ali Rovandi in the present literary work [2,33]. In addition, there were some disagreements among scholars in texts studies and researchers in regard to the

translator's name, because a number of poets, educated men, theologians, preachers, calligraphers and craftsmen were known by the name of «*Rovandi*» as well, like: Muhammad Rovandi, Yahyo Rovandi, Tojiddin Rovandi, Zaynuddin Rovandi, Qutbiddin Rovandi and Najmuddin Rovandi who were distinguished as outstanding representatives of Rovandis' dynasty [3, «*Rovandi*»].

Thus, in conformity with the view-point of the author of «*Mu`jam-ul-buldon*» one can assert the fact that «*Rovand*» is a city near Koshon and Isfahon. In this regard, Hamza Isfahoni mentioned the origin of the city «*Rahovand*» that means «*increasing good*» [11, V.2, 741].

The views of the author of «*Rohat-us-sudur*» which was compiled by the representative of the above-mentioned dynasty will help to some degree determine the translator of «*Sharaf-un-Nabi*» and solve the problem. The compiler of the book of «*Rohat-us-sudur*» (*the real title of this literary work is «A`lom-al-muluk al-musammo bu rohat-as-sudur va oyat-as-sudur»*) is Najmuddin Muhammad ibn Ali ibn Sulaymon ibn Muhammad ibn Ahmad ibn Husayn ibn Hima who was known as an outstanding poet, writer and talented calligrapher in the times of Seljuques. Najmuddin Rovandi was born about 550-555hijra/1155-1160, in Rovand. Due to the support of his uncles Tojiddin and Zaynuddin he gained knowledge, science and became a respectable person. He was a very talented calligrapher and according to what he told of himself «*he learnt seventy types of scripts*» [6, 23]. Whenever Sultan Tughril ibn Arslon (in the period of 573-590hijra/1177-1193) was interested in learning calligraphic mastership he invited Zaynuddin Rovandi to his court as a teacher, in 577hijra/1181 [3, «*Rovandi*»].

In the course of exploring the mentioned issue, in accordance with the view of the author of «*Rohat-us-sudur*» Oriental Studies scholar Charles Story come to the conclusion that the translator of «*Sharaf-un-Nabi*» was Zaynuddin Mahmud ibn Muhammad ibn Ali Rovandi who was a penman, namely Najmuddin Rovandi's uncle [8, V.2, 740]. However, another scholar in Oriental Studies Blusher designing on the premise of the inscriptions of one of the three copies which were recorded under the title of «*Poris*» one called the translator of the literary work as Imam Rabboni, a skillful man, a worshipper and abstemious person Najmuddin Mahmud ibn Ali Rovandi, as well as he considered both the author of «*Rohat-us-sudur*» and the translator of «*Sharaf-un-Nabi*» as the same person, while Zaynuddin Rovandi in the book «*Rohat-us-sudur*» pointed out several times that they were not the same one and in this respect it testifies that the authors of the above-mentioned literary works were different, in general [see: 2, 23].

In addition, only the penname of the translator differs; namely in the available copy of Blusher the penname of translator Najmuddin was pointed out as Mahmud. Perhaps, the scribes made a mistake and wrote Najmuddin instead of Zaynuddin. Whatever we consider the name of the translator without his penname then the real name of Zaynuddin will rather remain as Najmuddin.

Thus, another point that will serve to determine the translator of the given literary work is the remaining view from «*Boyazidi Vali*»'s copy, like this: «*the greatest teacher in the world, Zaynuddin, shams-ul-Islam (the sun of Islam), teacher of kings, atorud-ul-arz, sayiyed-ul-ulamo, fakhr-ul-amosil, mukhtor-ul-anom, Mahmud ibn Muhammad ibn Ali Rovandi*» [11, V.3, 1382]. In this connection one can make references that the name of Zaynuddin Rovandi in the above-mentioned citation was inserted correctly as well. Besides, it will prove that Zaynuddin and Najmuddin Rovandi are different persons.

Alongside with the above-mentioned, the name of the interpreter as well as the reason for such translation is mentioned in the introduction of the original, i.e. an ancient copy available; it runs: «Do know that shaykh, the Imam of scholars, a righteous man Abusa'd Abdulmalik ibn

Abuusmon Voiz, rahmatullohi alayhi (Allah's Mercy on him) wrote a book under the title of «Sharaf-un-Nabi, sallallohu alayhi va salam (Peace be upon him) and had some difficulties and sufferings while collecting materials concerning him ... that no one before him had been engaged in this context... and translated into Arabic and brought it in Khutba that the aim of compiling the book was the love to Rasul (Messenger). In this case, this book was available to those who knew Arabic and Persian-speaking people were deprived of its benefit. Then, the translator of this book being Imam, a Godly scholar, skilful and abstemious worshiper, Najmuddin Mahmud ibn Ali Rovandi, Allah's Mercy on him, translated the given book from Arabic into Persian word for word so that Ajam (non-Arabic) readers had spiritual information in details» [2,2].

It is important to lay an emphasis on the fact that proceeding from the information based on some historic sources one can assert that the Arabic text was quite substantial and consisted of some volumes. However, due to the availability of copies in Arabic it turns out that they are the same in size. Dr. Abuosim Nabil ibn Hoshimi Ghamro proceeding from the three remaining copies published a comprehensive text of «*Sharaf-ul-Mustafo*» with «*Manohil-ush-shifo va manohil-us-safo*» in six volumes and «*Dor-ul-bashoir-ul-Islomiya*» publishing house, in Mekka in 1424 hijra, [1].

Of course, the Persian translation of Najmuddin Rovandi is a little shorter than the Arabic copy and it is clear that some shortening was made by the translator. While making a comparison of the Arabic text with the copy of translation it turns out that Rovandi had shortened both the chapters and tales, in particular, so that the part of evidence and narration of the story-tellers mentioned were left out. «*Sharaf-un-Nabi*» from the aspect of the subject refers neither to the section of accomplished biographies nor to the historic background either. It represents different sciences such as: history, philosophy, ethics, hadis (narration) and the opinion, of it etc.

First of all, the value and significance of «*Sharaf-un-Nabi*»'s translation is its being an ancient one; without getting acquainted with this work it is impossible to understand the fields of biography studies and the history of its development, in general.

Concerning language, style and type of translation of the literary work in conformity with the translator's own words one might state the following: «the given literary work was translated from Arabic into Persian in a word for word style». However, owing to much shortened information it should be pointed out that in most cases Rovandi used semantic translation instead of word for word one as well. It can only be noticed when the translation of the book is compared to the Arabic text. To testify the above mentioned points we will compare some translated literary backgrounds by Rovandi with the original text in details below.

While translating one of the chapters of «*Sharaf-un-Nubuvvat*» under the title of «*في آداب الطعام و الشراب*», (on the culture of food and drink) the phrase «*drinking wine*» was omitted and was interpreted by the translator as: «*On the culture of eating a meal*» [2,93]. Absolutely, the translator left out two hadises from his view-points [1,440].

Then, another hadis from the text runs:

و من أدب الأكل أن يسمي الله، لما روي أن النبي صلى الله عليه وسلم قال: بسم الله و كل بيمينك و كل مما يليك، و ادن من الطعام (1,440).

The translator interpreted the above-mentioned hadis in the following way: «the culture of eating food is considered as: saying the name of God before eating; eating with the right hand; sitting close to the food and showing respect for it [2,93]. Supposedly, the mentioned sentence was not translated word for word because the phrases of «*يلىك*» and «*ادن*» are interpreted logically rather than word for word one. In reference to it, the phrase «showing respect for food» is taken

from another hadis, i.e. it serves to express additional meaning that is pointed out under the number of 1728 in the original text as: «و قال صلى الله عليه وسلم: اكرموا الطعام». [1,440].

Najmuddin Rovandi's style of translation is considered as his specific one. In the course of translation he reduced a number of Arabic phrases belonging to Abusa'd Khargushi and translated them for the first time. He frequently used the notes of both Mashoikh and Islamic scholars to interpret and prove his view-points.

Seemingly, the translation of «*Sharaf-un-Nabi*» alongside with the values and drawbacks possesses some other features. Nevertheless, the translator made endeavors to canvass the content of the literary work for readers in a very simple and smooth way.

Firstly, as it is stated above, the translator included a number of proofs and the data about the hadis tellers at the beginning of each chapter in details and in the remaining tales he didn't follow this sequence. It is not clear hence whether the amount of the information about the above-mentioned storytellers refers only to the beginning of the first chapter under consideration or to all others tales.

Secondly, in this type of books useful information in regard to the name and role of most righteous men of *tasavvuf* (*the way of tasavvuf*) was pointed out by the translator and certain useless and unnecessary information was recorded opposing the text, in particular.

Thirdly, while telling some stories concerning the time and place of the event and its conditions the translator informed for instance,: «...we have had some journey.... and in some place» [2,106].

Fourthly, the manner of writing in the copies testifies to be of specific linguistic peculiarity of the script referring to the author's age, in particular, all the three copies were written by the method of the ancient one. For instance, writing the letters «*ch*» and «*p*» with one point (*nuqta*) («داند», «داند», «آنچ», «آنچ...»), the letter «*dol*» like «*zol*» with an additional point («نهاده», «داند», «بذتر»), a great number of words were written in an ancient manner of script including: «فرشته ی -», «بازان -», «پول - پل», «مژها - مژه ها», «ماهی شب چهارده - ماه شب چهارده», «دانه ی - دانه ای», «فرشته ای - بازان», «پس روی - پیروی», «هشده - هجده», «بیران - ویران», «بازو - باو», «بان».

Analysis of Rovandi's translation according to the requirements towards it proves that making changes and additions by the translator in certain cases as well as translating in a logical way and, finally, not following some translation requirements and not keeping to a precise approach is considered one of the peculiarities of the given translation. Currently, the three copies of «*Sharaf-un-Nabi*»'s translation are available and known, including: the copies of As'adi Afandi, Poris and Boyazidi Vali [10,V.3,1705]. Proceeding from the three above-mentioned copies a recognized researcher and scholar in text studies Dr. Muhammad Ravshan wrote a significant critical review of «*Sharaf-un-Nabi*». Proceeding from the information of Muhammad Ravshan in regard to the latter it is clear that the copy of As'adi Afandi is written in 599 hijra/1202 and is considered as the most ancient and accurate one. Therefore, in the course of critical reviewing the literary work he considered the given copy as a specific one, in general. The mentioned copy consisted of 200 sheets, of 21 lines each one and was written in a Naskh script. It is important to keep in mind that an unknown person wrote the following on the first page of the book: «*Kitob siyar-ul-Mustafo(s) min qabl-at-ta'rikh*» and the date of its accomplishment were recorded at the end of the book, in Shavol month, in 599 hijra/1202 [2,19; 10,V.3,1705].

Another copy that is kept in the National library of Paris and written in 608 hijra/1211; it consisted of 222 sheets, 18 lines and 61 chapters. Husayn ibn Muhammad ibn Qosim al-Husni was mentioned as the scribe of the literary work under study, in particular, in the end of the half of the book. However, at the end of the book there wasn't any information dealing with the scribe and it was ended with the following sentence: «*the book of «Sharaf-un-Nabi» is finished»* [2,19; 10,V.3,1705].

The copy of Boyazidi Vali consisting of 195 sheets was written in twenty one lines on each sheet in Naskh script. On the first page, the name of the book was given as «*Kitob Sharaf-un-Nabi va mu`jizotihi (s)*», at the end, the date of accomplishment of the book was recorded 755 hijra/1354 and the name of the scribe was mentioned as Muhammad ibni Hoji Davlatshoh ibni Yusufi Sherozi [2,20; 10,V.3,1705].

Apparently, the copies of Boyazidi Vali have much similarity and commonness with As`di Afandi's; according to the view-point of the scholars in Oriental studies and researchers one can review that the latter was written on the basis of one copy. Thus, the quantity and similarity of chapters of the two copies prove the above-mentioned discussion being right.

It must be kept in mind that such scholars in Oriental studies as Story and Blusher and also Dr. Muhammad Ravshan have the same view-points in the case of differences in the copies of these chapters. Both the copies of As`adi Afandi and Boyazdi Vali consist of 57 chapters, however, the copy of Paris library comprises 61 chapters. According to Muhammad Ravshan, one can elicit out of comparison of the chapters of the three copies that the scribe transformed them of the available one kept in Paris singled out the 26-th chapter of other copies into four independent ones.

In conclusion, one can assert that the translation of «*Sharaf-un-Nabi*» is well-known in the world of Islam as a historic, biographic, ethic and religious work with widely used narratives, tales, proverbs and sayings is worth attention due to its literary and artistic values.

Reference Literature:

1. Abusa`di Nishopuri, Abulkosimi Kushayri, Abuosim-i Nabil ibn-i Hoshim-i Gamro «*Manohil ush-shifo va manohil us-safo*» studied by Sharaf ul-Mustafo. - Makkeh: Islamic Encyclopedia (Dor ul-bashoir ul-islamiya), 1424 hijra. – 3000 pp.
2. Abusaidi Khargushi. «*Shraf un-Nabi*» Translated by Najmuddin Mahmud-i Rovandi. With the help of Muhammad Ravshan. – Tehran, Bobak, 1361 hijra. – 653 pp.
3. Aliakbari Dehkhudo. Dictionary (CD-ROM), the second edition, 2002.
4. Ibni Hoshim. *As-Sirat un-Nabaviya (Prophet's Biography)*. Introduced and revised by Toho Abdurrauf Sa`d. V. 1-4. – Beirut: Dor-ul-jil, 1975. – 716 pp.
5. Kishovarz Karim. *Thousand Years of Persian Prose. The second book*. – Tehran, 1371. – 1065 pp.
6. Rovandi, Najmuddin. *Rohat as-sudur va oyat us-sudur*. Corrected by Muhammadiqbol, assisted by Mujtabo Minui, the author of introduction: Badeuzzamon Fururzonfar. – Tehran: Amir-i Kabir (Great Amir), 1364 hijra. – 585 pp.
7. Sam`oni, Abusaid. *Al-ansob*. V.12. – Hyderabad: Islamic Encyclopedia, 1372 hijra. – 538 pp.
8. Story, Charles Amorous. *A Persian Literature. Bibliographic Review (in 3 parts)*. Translation from English, reviewed and enlarged by Yu.E. Bregal. - Moscow: Oriental Literature, 1972. – 694 pp.

9. Subki, Muhammad. «*Tabaqotu-ash-Shofeiyati-l-kubro*» (Division of Big Shofeiyat). Studied by Mahmud Muhammad at-Tanohi and Abdulfattoh Muhammad al-Huluv. V.5. – al-Qohira, 1413 hijra. – 530 pp.
10. Catalogue of Persian Books. By efforts of Ahmad Munzavi. V.3, the 8th Issue: the history of Prophets and Imams. – Tehran, 1382 hijra / 2003. – 1041 pp.
11. Hamavi, Yoqut. Mu`jam ul-Buldon. V.2. – Beirut: Doru us-sodir, 1867. – 300 pp.

Список использованной литературы::

1. Абӯсаъди Нисобурӣ, Абулқосими Қушайрӣ, Абуосими Набил ибни Ҳошими Ғамро. «Маноҳил уш-шифо ва манохил ус-сафо би таҳқиқи китоб «Шараф ул-Мустафо». – Макка: «Дор ул-баиоир ул-исломийа», 1424. – 3000 с.
2. Абӯсаиди Харғӯшӣ. “Шараф ун-Набӣ”. Тарҷумаи Начмуддин Маҳмуди Ровандӣ. Ба кӯшиши Муҳаммад Равиан.- Техрон, Бобак, 1361. -653 с.
3. Алиакбари Деххудо. Лугатнома. (CD-ROM), Ривояти дуввум, 2002.
4. Ибни Ҳишом. ас-Сират ун-набавийа. Қаддамалаҳо ва аллақа алайҳо Тоҳо Абдулрауф Саъд. Ҷ.1. – Байрут: Дор ул-чил, 1975. –716 с.
5. Карими Кишоварз. Ҳазор соли насри порсӣ. Китоби дуюм. – Техрон, 1371. -1065 с.
6. Ровандӣ, Начмуддин. Роҳат ас-судур ва ойат ус-сурур. Тасҳеҳи Муҳаммадиқбол ба саъйи Мучтабо Минавӣ, муқаддима ба қалам Бадеуззмон Фурӯзонфар. Техрон, Амири кабир, 1364. -585 с.
7. Самъонӣ, Абӯсаид. Ал-ансоб. Ҷ. 12. Ҳайдаробод: Доират ул-маъориф ал-Усмонийа, 1372. -538 с.
8. Стори, Чарлз Амброуз. Персидская литература. Био-библиографический обзор (в трёх частях). Перевёл с английского, переработал и дополнил Ю.Э. Брегель. – Ҷ.1. - М.: Восточная литература, 1972. -694 с.
9. Субкӣ, Мухаммад. «Табақоти шофеийат ул-кубро». Таҳқиқ Маҳмуд Муҳаммад ат-Таноҳӣ ва Абдулфаттоҳ Муҳаммад ал-Ҳулув. Ҷ.5. - ал-Қоҳира, 1413. -530 с.
10. Феҳриствори китобҳои форсӣ. Ба кӯшиши Аҳмади Мунзавӣ. Ҷ.3, бахши ҳаштум: Таърихи наёмбарону имомон. Техрон, 1382/2003. - 1041 с.
11. Ҳамавӣ, Ёқут. Муъҷам ул-булдон. Ҷ.2. Дору ус-содир.- Байрут, 1867. -300 с.

УДК 821.222.8(Т)-1
ББК 81(Т)+86.3

**ЭТНОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ
В «МАСНАВИ-ЙИ МА'НАВИ»
ДЖАЛАЛ АД-ДИНА РУМИ**

Абодуллоева Сафина Юсуповна,
докторант, к.ф.н., доцент кафедры
таджикского языка Хорогского
государственного университета им. М. Назаршоев
(Таджикистан, г.Хорог)

**ETHNONYMIC NAMES IN
«MASNAVI MA'NAVI» BY
JALOLIDDIN RUMI**

Abodulloeva Safina Yusupovna,
candidate of philological sciences, doctoral student
of the department of the Tajik language under
Khorugh State University named after M.
Nazarshoyev (Tajikistan, Khorugh)
E-MAIL: roziya6@mail.ru

Ключевые слова: этнонимические названия, этнические группы, историко-религиозная картина, социально-психологическая связь, этнокультурная жизнь, различные народности, генетически разнородные этносы

В статье рассматриваются особенности употребления этнонимии - одной из составных частей поэтической ономастики поэзии Руми. Наряду с определением названий народов, племён, родов также были обнаружены типологические закономерности, связанные с их образом жизни и направлениями хозяйствования, исторические связи в целом. При изучении социально-психологической связи были изучены языковые и культурные отношения между различными народностями. Этнонимические единицы в суфийской поэзии способствовали повествованию об этнокультурной жизни разных народов. При изучении данного ономастического пласта в суфийской поэзии Руми выявлены две основные группы: макроэтнонимы и микроэтнонимы, которые послужили средством изображения историко-религиозной картины исламского и неисламского мира в русле суфийской доктрины. Изучение этнонимов поэзии Руми способствовало раскрытию множества специфических черт мусульманской жизни, в частности мистической жизни суфиев.

Key words: ethnonyms, ethnical groups, historic-religious background, social-psychological ties, ethnocultural life, different nationalities, genetically heterogeneous ethnoses

The article dwells on the peculiarities of usage of ethnonyms being one of compound parts of poetic onomastics in Rumi's poetry. Alongside with certain names of nations, tribes, clans the author has elicited typological regularities associated with their genetically heterogeneous ethnoses and the direction of economy running, historic ties upon the whole as well. While studying social-psychological ties she canvassed linguistic and cultural relations between different nationalities. Ethnonymic units in Sufiy poetry promoted the narration concerned with ethnocultural lifestyle of different nations.

In the course of studying onomastic strata in Sufiy poetry belonging to Rumi there are determined two principles groups of notions including: both macroethnonyms and microethnonyms which served as a means of historic-religious background depiction of Islamic

and Non-Islamic world in the mainstream of Sufiy doctrines. The study of ethnonyms in Rumi's poetry promoted the disclosure of multitude of specific features of Moslemic life, in particular, mystical life of Sufiys

Этнонимия — раздел ономастики, изучающий происхождение, распространение, функционирование, структуру этнонимических единиц. Этнонимы составляют особый раздел исторической лексики, в которую входят названия различных этнических общностей: наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и другие.

С помощью этнонимов не только определяются названия народов, племён, родов, имена народов, даже далеко живущих друг от друга, но и обнаруживаются типологические закономерности, связанные с их образом жизни и направлениями хозяйствования, исторические связи в целом. Иногда даже выясняется, что между названиями народностей и социальной психологией, языком и культурой имеются разнообразные и до сих пор не изученные связи. Все эти проблемы освещаются в этнонимии как отдельной части ономастики. В таджикском языкознании изучению этнонимии таджиков и её отражению в письменных источниках посвящены труды С.Айни, А.Л.Хромова, Т.Н.Пахалиной, Р.А. Агеевой и многих других (см.1; 2; 16).

Само название народов связано с понятиями «люди, народ», «говорить на понятном языке», «свой». И при наличии религиозных этнонимов люди наряду с общностью языка и культуры также имеют общую веру, одинаковое понятие о вере и являются носителями одинаковых религиозно-философских категорий. Как правило, этнонимы соотносятся с названием страны или области, занимаемой этносом. Соотнесённость бывает прямой, когда название страны образовано от этнонима («египтяне (мисриён) – Египет (Миср)», «арабы – Арабистон», но иногда в персидской литературе встречаются формы этнонимов, выявить которых становится трудно из-за их формообразующих качеств, например: «китайцы (чинийён) – Хито (Китай)», «персы (порсийён) – Ачам. Подобного рода этнонимы принято называть *этнотопонимами*.

Употребление этнонимов в суфийской поэзии способствовало повествованию об этнокультурной жизни различных народностей. В творчестве Джалал ад-дина Руми можно выявить две группы этнонимов: *макроэтнонимы* – названия крупных этносов или этнических общностей, иногда понимаемых расширительно и включающих генетически разнородные этносы (ср. «персы – Ачам», «арабы – Араб», «римляне – Румиён», «китайцы – Чин // Хито»), и *микроэтнонимы* – к этим этнонимам мы сочли возможным отнести религиозные этнонимы, названия религиозных общин, племён, с помощью которых раскрывается множество специфических особенностей мусульманской жизни, в частности мистической жизни суфиев.

Первая группа включает в себя ряд этнонимов, которые определяют большие этнические группы и которым свойственны один язык и одна культура. К этим макроэтнонимам можно отнести названия *Араб, Ачам, Чин, Рум, Миср, Турк, Хабаиш*. На первый взгляд эти единицы напрямую указывают на топонимическую данность, но в стихотворном тексте они явно указывают на выходцев из определённого культурно-исторического региона и конкретной страны.

Араб – название народа, который живёт на Ближнем Востоке и в Северной Африке (11, с. 80). В изучаемой поэзии этноним Араб указывает на арабский народ с упоминанием этнонима *Ачам* – название неарабского народа, персо-таджикского

народа (11, с.123), Рум – название народа Византии, Рима (12, с.151), и Турк – общее название тюркоязычных народов (12, с. 379).

В нижеприведённых строках названные этнонимы были приведены в предании про Хотам Тая, который удивил своей щедростью и учтивостью все народы мира (в средневековые времена все народы считались выходцами из Аджама (Персии), Турка (Туркестана), Рума (Византии) и Аравии. В данном контексте этнонимы Аджам, Рум, Турк, Араб служат определяющим звеном для выявления объёма влияния качеств Хотам Тая:

*Ҳам Ачам, ҳам Рум, ҳам Турку Араб,
Монда аз ҷуду сахояи дар ачаб (4, с. 73).
Оби ҳайвон буду дарёи карам,
Зинда гашта ҳам Араб з-ӯ, ҳам Ачам.
И неараб (‘аджам) [перс], и румиец, и тюрок, и араб
Остались /застыли/ от учтивости и тороватости его в удивлении,
Водою живую он был и морем щедрости (карам),
ожил и араб от него, и неараб (5, с.165/2250).*

Чин – Китай, Туркистони Чин – название народа Китая или китайской области Синьцзян. Данный этноним был приведён в «Маснави» в рассказе, содержащем разъяснение сущности суфийских категорий: созидание— в разрушении, единство — в разобщённости, цельность — в раздробленности, желанное — в отсутствии желаний, бытие — в небытии, и, таким образом, при рассмотрении каждой категории были приведены метафоричные примеры. В большинстве из примеров использованы этнонимы, при упоминании которых были отмечены характерные черты каждого народа. Так, например, Туркестан и Чин отмечены как места «обмана (самообмана) и ловушек (мирских ловушек)»:

*В-эй басо кас рафта Туркистону Чин,
Ўнадиди ҳеч ҷуз макру камин (4, с.402).
О, многие отправились в Туркестан и Китай
И не увидели ничего, кроме обмана и ловушек
(8, с.212/2375)*

В поэзии Руми, в притче «Шайтан у дверей Рахмана» топоним *Хито* упомянут в сочетании со словом *турк*, что указывает на народ, проживавший в нынешней китайской провинции Синьцзян:

*Ин «аъуз» он аст, к-эй турки Хито,
Бонг барзан бар сагат, раҳ баргушо (4, с.522).
Это «чудо» является, эй, турчанка Хито (Китая),
Крикни собаку, чтоб путь освободить (9, с.522/2955).*

В изучаемых памятниках также встретилось слово *Ғуз* –название тюркского кочевого племени, переселившегося из Мавераннахр в Хорасан и кочевавшего в районе Балха. В нижеприведённых строках дана историческая характеристика данной этнической группы, которая была известна своей кровожадностью и жестокостью (12, с. 656):

*Он гузони турк хунрез омаданд,
Баҳри яғмо бар деҳе ногаҳ заданд (4, с.193).
Явились те тюрки - гузы кровожадные,
Ради грабежа на одну деревню напали внезапно (6, с.179/ 3046).*

Этнонимическое название народа Египта в источниках отмечено как *Мисриён* (11, с.694), но подчас топоним Миср в суфийской поэзии указывает на определённые слои населения Египта. Например, в ниже приведённых строках суфийское понятие «сила света Истины сравнима с зарождением новой жизни» сравнивается с одним из обычаев крестьян Египта: при разведении цыплят выкладывать яйца в тёплый навоз (8, с.44/299):

*В-ар зи раиши нур Хақ қисмеш дод,
Ҳамчу расми Миср саргин мург зод (4, с.349).
А если Истинный уделил ему от брызг Света,
То, как принято в Мисре, навоз породил птицу! (8, с. 44/299).*

В рассказе «[О том, как] позвали сынов Израиля на площадь ради хитрости против рождения Мусы (мир ему!)», был упомянут этноним *Исроилиён* – народ Израиля (4, с. 237), с помощью которого освещены исторические и религиозные отношения народа Израиля и других, мусульманских народов Ближнего Востока:

*Чун шуниданд мужда Исроилиён,
Ташинагон буданду бас муштоқи он,
Ҳиллаҳо хӯрданду он сӯ тохтанд,
Ҳештанро баҳри чилва сохтанд (4, с.237).
Когда услышали благую весть израильтяне,
То испытали они жажду и сильно возжелали [этого].
Хитрость проглотив, в ту сторону помчались,
К явлению [лица Фир'ауна] приготовились (7, с. 66/856).*

В «Маснави» через упоминание этнонимов *Ҳабаши* и *Араб* показано историко-религиозное событие, когда пророк Мухаммад старался наставлять вождей на путь истинный, чтобы направить вышеназванный народ на тот же путь (12, с.710):

*Ту ҳарисӣ бар ришоди меҳтарон,
То биёмӯзанд ом аз сарварон.
Аҳмадо, дидӣ, ки қавме аз мулук,
Мустамеъ гаштанд, гаштӣ хуш, ки бук.
Ин раисон ёри дин гарданд х(в)аш,
Бар Араб инҳо саранду бар Ҳабаши (4, с.169).
Ты, [о пророк!], жаждешь наставлять вождей,
чтобы простолюдины учились у предводителей.
О Ахмад (Мухаммад)! Ты видел, что некоторые из царей
слушают тебя, и обрадовался: «Пусть
эти вожди станут добрыми друзьями религии,
они предводители арабов и эфиопов» (6, с. 125/2071).*

Слово *Зангӣ* в языке классической персидской поэзии употреблено в значении «чернокожий» и «человек с чёрными волосами» (11, с.436), что также указывает на народ Абиссинии. В нижеприведённых строках этнонимы *Зангиён* (эфиопы) и *Румиён* (римляне) служат для показа расового различия. Согласно суждениям поэта Руми, «в конце рождается душа, у которой нет расового различия, то есть душа даруется Творцом, и нет между душами никакого различия, которое бытует в мирском суждении. Чёрное и белое различие душ определяется только в нераскаянности и непознании Истинного пути человеческого существования»:

*Чумла чонҳои гузашта мунтазир,
То чӣ гуна зояд он чони батир.*

*Зангиён гўянд: «Худ аз мост ӯ»,
Румиён гўянд: «Бас зебост ӯ».
Чун бизояд дар ҷаҳони ҷону ҷуд,
Пас намонад ихтилофи байзу суд (4, с.105).
Все души, прошедшие [ранее], ожидают,
как родится та душа заносчивая.
Темнокожие [эфиопы] скажут: «Одна из нас она!».
Румийцы скажут: «Весьма красива она!».
Когда народится она в мир души и учтивости,
тогда не останется разногласий [у] белых и черных.
(5, с.244/3516).*

Ко второй группе этнонимов – микроэтнонимов - можно отнести названия племён, рас и названия малых религиозных групп, которые тесно связаны с исторической и религиозной средой ислама. Иногда под общим знаком этнонимии в суфийской поэзии можно наблюдать религиозэтнонимы, послужившие для определения представителей конкретного течения в исламе, у которых наблюдается общность идей и принципов. Прежде всего хотелось бы отметить особые терминообразующие слова, с помощью которых в суфийской поэзии определена община людей. К этим лексическим единицам относятся следующие слова:

1. *Асҳоб* – имеет значение «*господин*», но в религиозном контексте суфийской поэзии слово *асҳоб* обозначает единомышленников и сподвижников пророка Мухаммада, то есть тех, которые веруют в единого Бога (11, с.95). В суфийской поэзии упомянуты несколько *асхабов*, с которыми связано множество религиозных легенд и рассказов. Как, например: *Асҳоби Каҳф* – согласно легенде, это название группы людей из семи человек, которые из-за от страха перед грозным царём Дакёнусом скрылись в пещере и погрузились в многолетний сон (11, с.95). Руми приводит как пример предания про *Асҳоби Каҳф* и *Ноя* для выражения авторских мыслей о «сохранении верности своей Истинной вере»:

*Кош чун асҳоби Каҳф ин рӯхро,
Ҳифз кардӣ ё чу кишӣ Нӯхро.
Ай басо асҳоби Каҳф андар ҷаҳон,
Паҳлӯи ту пеши ту ҳаст ин замон (4, с.26).
Если б, как семь спящих отроков, как обитатели Пещеры/ сей дух
Ты сохранил, или как Ковчег Нуха [Ноев Ковчег]!
О, как много спящих отроков /обитателей Пещеры/ в мире
Рядом с Тобой и пред Тобой есть в данное время! (5, с.48/403-405).*

Асҳоби Фил – последователи Абраха – абазинского царя, которые в доисламский период с помощью слонов попытались уничтожить Каабу, совершив набег на Мекку (11, с. 95). Исходя из способа ведения войны и продвижения, эту группу людей называли в честь слонов – фил:

*Ҳамчунон, к-асҳоби Филу қавми Лут,
Кардашон марҷум чун худ он сахут (4, с.482).
Так же, как род Фила (Слона) и племя Лут,
Сделал мечтой для себя именно ту (9, с.482/1470).*

Асҳоби Сабт – иудейский народ (11, с.95), который также упомянут с помощью этнонима *ҷухуд* – человек из иудейского рода (12, с.796). В ниже приведённых строках предание об *Асҳоби Сабт* употреблено как сравнительный элемент для

выражения мысли автора «все, кто отделился от Истины, были поглощены злом и озлобленными они стали»:

*Нақзи тавба - ваҳди он асҳоби Сабт,
Муъчиби масҳ омаду ислоқу мақт (4, с.513).
Отречение и клятву рода Сабт ты разрушил,
Превращения и зла нужда возникла там (9, с. 513/2594).*

С помощью этнонима *чухуд* в приведённых строках дана отсылка к кораническому сюжету, где иудейский царь способствовал гибели народа Иисуса:

*Як шаҳи дигар зи насли он чухуд,
Дар ҳалоки қавми Исо рӯ намуд (4, с. 34).
Царь /шах/ другой из поколения того иудея
К гибели народа 'Исы лик [свой] обратил (4, с.67/740).*

Асҳоби Зарвон – название народности, которая проживала в местности Зарван (Дарван) в окрестностях Саны. Согласно легенде, владевший там садом старик брал себе из его плодов столько, сколько необходимо было ему для пропитания, а остальное раздавал беднякам. Но после его смерти наследники решили забрать все плоды себе. Хозяева собирались поутру собрать все плоды в саду и легли спать. «И обошел его обходящий от твоего Господа, а они спали, и наутро он был точно срезан (2, 68/19-20), т. е. сад ночью был уничтожен посланным свыше бедствием. Увидев это, владельцы сада раскаялись.

В поэзии Руми эта легенда призывает людей не повторять ошибок этой этнической группы, так как «все существующее в мире даровано Творцом, и уничтожение его зависит от него самого»:

*Қиссаи асҳоби Зарвон хондай,
Пас чаро дар ҳиллаҷуӣ мондай? (4, с.229).
Рассказ о жителях Зарвана ты прочёл,
Так почему же ты в поисках хитростей погряз? (7, с.44/474).
Аҳл – жители, представители одной местности или веры (11, с.119).*

Аҳли Сабо – жители города Сабо. Сабеи (ахл-и Саба) — обитатели страны Саба (Сабейского царства), которая существовала до конца III в. н. э. в южной части Аравийского полуострова. Они упоминаются в Коране (2, 34), где говорится, что жилища их были окружены садами, но они не испытывали благодарности к Творцу, за что тот наказал их прорывом плотины. Селения в Сабе были расположены столь близко друг к другу, что они были «заметны для глаза», и путешественник мог странствовать в безопасности. Однако сабеи просили: «Господи, увеличь расстояние между нашими путешествиями!» (2, 34/ 18). Кара постигла их за проявленную неблагодарность.

Стоит отметить, что в изучаемой поэзии часто используется обращение ко второму лицу «Ты (Ты)», которое призывает верующего избегать определённых действий, противоречащих общепринятым суфийским канонам. Эти призывы проиллюстрированы с помощью значимых исторических и религиозных событий:

*Ту нахондӣ қиссаи аҳли Сабо,
Ё бихондӣ надидӣ чуз садо (4, с.223).
Разве ты не читал рассказ о сабеях,
Или же прочёл и не узрел [в нем] ничего, кроме эха? (7, с.34/282).*

Аҳли Зирор – представители группы людей, которые ходили в Зирарскую мечеть и были против пророка Мухаммада. В данном контексте верующий призывается к

здравомыслию и хорошим деяниям, и в случае неимения этих качеств его состояние равняется «Мечети Соперничества», то есть оно подобно представителям *Зирор* (заблудшим), которые соперничали с пророком Мухаммедом :

*Бар миҳак зан кори худ, эй марди кор,
То насозӣ масҷиди аҳли Зирор (4, с.193).
Свои деяния проверяй пробным камнем, о муж деятельный,
Чтобы не построить Мечеть Соперничества [Зирар] (6, с.176/3025).*

Аҳли Умрон – абстрактное понятие (умрон – благоустройство), которое в изучаемой поэзии в переносном смысле обозначает представителей «правильной веры»:

*Ганҷҳоро дар харобӣ з-он ниҳанд,
То зи хирси аҳли Умрон вораҳанд (4, с.461).
Богатство в разрушениях прячут от того,
Чтоб от жадности род Умрана освободить (9, с.461/718).*

1. *Қавм* – племя, группа людей, которые имеют родственную связь, община, которая верует в одного имама и молится в одной мечети (12, с.663). В изучаемой поэзии использованы названия племён *Ода*, *Самуда*, *Ноя*, *Худа*, *Лута* и многих других.

Қавми Од (Ад) – народ, которому был послан пророк Худ. В наказание за их неверие Бог наслал на них ураган, уничтоживший весь народ (2, 7/ 63) :2, 7/70; 2,11/ 52) *Қавми Самуд* – название мифического племени из рода пророка Ноя, представители которого из-за непослушания были уничтожены бураном (12, с. 110) :

*Одро ту бод додӣ дар ҷаҳон,
Дарфигандӣ дар азобу андӯҳон (4, с.184).
[Племя] 'ад ты пустил на ветер в этом мире,
Низверг его в страдания и горести (6, с.156/2662).*

*Кист к-ӯ наинид аҳволи Самуд,
В-он ки сарсар Одиёро мерабуд (4, с. 287).
Кто тот, кто не слышал об обстоятельствах [племени] Самуд,
И о том, как ураган уносил 'адитов ? (7, с.175/2822).*

Понятия *Қавми Нӯҳ* и *Худа* в изучаемой поэзии указывают на последователей пророков Ноя– Худа. В изучаемой поэзии эти два народа упомянуты в рассказе «О том, как гузы вознамерились убить одного мужа, чтобы другой убоялся» для подкрепления авторской мысли – «за каждое сотворённое деяние последует Божье наказание, и Божье наказание - залог укрепления веры и правильных действий»:

*То ҳалоки қавми Нӯҳу қавми Худ,
Оризи раҳмат ба ҷони мо нашуд.
Кушт эшонро, ки мо тарсем аз ӯ,
В-ар худ ин баракс кардӣ, войи ту (4, с.194).
Чтобы гибель народа Нуха и народа Худа
Глашатай милости [Божией] показал нашей душе...
Убил их [Господь], чтобы мы боялись Его,
а если бы Он сделал наоборот, то горе тебе! (6, с.179/3057).*

Қавми Лут – последователи пророка Лута, библейского Лота. *Қавми Лут* – название одного из иудейских племён, которое отличалось очень плохой нравственностью, и Бог разрушил их город, и над оставшимися в живых пролился дождь из огня и камней. В Коране сказано: «И когда пришло Наше повеление, Мы

верх его сделали низом и пролили на них дождём камни из глины плотной» (2, 11/ 83). В поэзии Руми история Лута, наряду с рассказами об аравийских пророках Нухе, Салихе, Худе, Шу'айбе, образует серию сюжетов о народах, не поверивших своим пророкам и наказанным за это. Руми использует предания об исчезнувших древних народах как пример того, что процветание и самоуверенность могут быстро смениться падением и гибелью этого народа:

*Аз ту буд он сангсори қавми Лут,
Дар сиёҳоба зи ту хӯрданд гут (4, с.384).
Из-за тебя был побит камнями народ Лута,
В чёрной воде из-за тебя они потонули (6, с. 156/2663).*

2. *Қабила* – группа людей, которые имеют родственную связь и происходят из одного рода (12, с. 661). В изучаемой поэзии упомянуты два рода — Аус и хазрадж, входившие в племенное объединение бану Кайла, которое в VI в. переселилось в Медину из Южной Аравии. Аус и хазрадж часто враждовали между собой, их примирению способствовало принятие ислама и посредничество пророка Мухаммада (6, с. 221).

*Ду қабила Кавсу Хаҷраҷ ном дошт,
Як зи дигар ҷони хуношом дошт (4, с.210).
Два племени, именовавшиеся Аус и Хазрадж,
Враждовали, жаждая крови друг друга (6, с.221/3713).*

3. *Аъён* – арабское слово, обозначавшее род, родословие, родственные народности (11, с.110). В суфийской поэзии слово *аъён* использовалось в сочетании с названием племени *Қурайш* – арабского племени, выходцем из которого является сам пророк Мухаммад (12 с.703):

*Дар рикоби ӯ амирони Қурайш,
З-он, ки ҷаддаш буд з-аъёни Қурайш (4, с.368).
У его стремени - курайшитские эмиры,
Ибо его (Мухаммада) дед был из знатных курайшитов (8, с.109/1035).*

Таким образом, использование этнонимов как ономастических единиц обусловлено различными содержательными, коммуникативными и стилистическими функциями. Этнонимические названия несут ценную информацию о религиозно-исторической картине, с которой связана мистическая концепция суфийских поэтов. Этнонимические понятия суфийской поэзии Руми выходят далеко за исламское «пространство» и охватывают более широкую географическую территорию. Они способствовали чёткому поэтическому изображению мистических понятий, связанных с различными легендами внутри исламского и неисламского мира.

Список использованной литературы:

1. Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. – М., 1990. – 256 с.
2. Коран (в переводе И.Ю. Крачковского). – М.: Феникс, 1990. – 528 с.
3. Пахалина Т.Н. Сравнительно-историческая морфология памирских языков. – М., 1989. – 264 с.
4. Румӣ Ҷалолӣддин. Маснави маънавӣ. – Техрон: 2001. – 728 с. (Джалал ад-дин Руми. Маснави Ма'нави. – Тегеран, 2001. – 728 с.).
5. Руми, Джалал ад-дин Мухаммад. Маснави Ма'нави (Поэма о скрытом смысле). Первый дафтар. – СПб., 2007. – 276 с.

6. Руми Джалал ад-дин Мухаммад. Маснави Ма'нави (Поэма о скрытом смысле). Второй дафтар. – СПб., 2009. – 229 с.
7. Руми Джалал ад-дин Мухаммад.. Маснави Ма'нави (Поэма о скрытом смысле). Третий дафтар. – СПб., 2010. – 292 с.
8. Руми Джалал ад-дин Мухаммад.. Маснави Ма'нави (Поэма о скрытом смысле). Четвертый дафтар. – СПб., 2010. – 326 с.
9. Руми Джалал ад-дин Мухаммад. Маснави Ма'нави (Поэма о скрытом смысле). Пятый дафтар. – СПб., 2011. – 448 с.
10. Руми Джалал ад-дин Мухаммад. Маснави Ма'нави (Поэма о скрытом смысле). Шестой дафтар. – СПб., 2010. – 484 с.
11. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.1. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 941 с. (Словарь таджикского языка. – Т. I. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 941 с.).
12. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 946 с. (Словарь таджикского языка. – Т. II. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 946 с.).
13. Хромов А.Л. К истории интерпретации этнонима «таджик» // Забонишиноси тоҷик. – Душанбе, 1984. – С. 44-54.

Reference Literature:

1. Ageeva R.A. Countries and Nations: Names` Origin. – Moscow, 1990.
2. Koran (translated by I.Yu. Krachkoysky) – М.: Fenix, 2014. – 544 pp.
3. Pakhalina T.N. Comparative-Historical Morphology of Pamir Languages. – Moscow, 1989.
4. Rumi Jaloliddin. Masnavii ma'navi. (The Poem about Implied Sense). – Tehran, 2001. – 728 pp.
5. Rumi Jaloliddin. Devani Kabir (A Big Collection of Compositions) – Dushanbe: Man-of-Letters, 1992. – 417 pp.
6. Rumi Jaloliddin Muhammad. Masnavii ma'navi. (The Poem about Implied Sense). The first Edition. – SPb, 2007. – 276 pp.
7. Rumi Jaloliddin Muhammad. Masnavii ma'navi. (The Poem about Implied Sense). The second Edition. – SPb, 2009. – 229 pp.
8. Rumi Jaloliddin Muhammad. Masnavii ma'navi. (The Poem about Implied Sense). The third Edition. – SPb, 2010. – 292 pp.
9. Rumi Jaloliddin Muhammad. Masnavii ma'navi. (The Poem about Implied Sense). The fourth Edition. – SPb, 2010. – 326 pp.
10. Rumi Jaloliddin Muhammad. Masnavii ma'navi. (The Poem about Implied Sense). The sixth Edition. – SPb, 2010. – 484 pp.
11. Dictionary of the Tajik Language. V.1. – М., 1969. – 941 pp.
12. Dictionary of the Tajik Language. V.2. – М., 1969. – 946 pp.
13. Khromov A.L. On the History of Interpretation of Ethnonymy Related to the Word «Tajik» // Tajik Linguistics. – Dushanbe, 1984. – pp. 44 – 54.

УДК 811.21/22
ББК 81.2Т-7

ЧАНД МУЛОҲИЗА ДАР
БОРАИ
ЖАРГОНВОЖАҲОИ
ЛАҲҶАИ ХУҶАНД

Сайфутдинова Мунира Раҳматовна,
докторанти PhD факултети забонҳои
хориҷии ДДХ ба номи акад. Б. Гафуров
Хочаева Муқаддас Олимовна,
н.и.ф., сармуаллимаи кафедраи забони тоҷикии ДДХ ба
номи акад. Б. Гафуров (Тоҷикистан, Хуҷанд)

О ЖАРГОННОЙ
ЛЕКСИКЕ
ХУДЖАНДСКОГО
ДИАЛЕКТА

Сайфутдинова Мунира Раҳматовна,
докторант PhD факультета иностранных языков
ХГУ им. акад.Б.Гафурова
Ходжаева Мукаддас Олимовна, к.ф.н., старший
преподаватель кафедры таджикского языка ХГУ им.
акад. Б. Гафурова (Таджикистан, Худжанд)

ON SLANGY
VOCABULARY IN
KHUJAND DIALECT

Sayfitdinova Munira Rakhmatova, doctoral Student of the
faculty of foreign languages under Khujand State University
named after acad. B. Gafurov
Khodjayeva Mukaddas Olimovna, candidate of philological
sciences, senior teacher of the department of Tajik language
under Khujand State University named after acad. B. Gafurov
(Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: munira-28@list.ru

Ключевые слова: культура речи, языковая норма, худжандский диалект, жаргонизмы, стандарт, нонстандарт, словообразовательные средства жаргонизмов

Ненормативная лексика, в частности жаргонная лексика, является самой малоизученной отраслью в таджикской социолингвистике. Кроме общих справочных сведений в учебниках по современному таджикскому языку и энциклопедиях, практически отсутствуют работы, посвященные данному языковому явлению.

Статья посвящена анализу жаргонной лексики, обозначающей понятие «водка». Анализу подвергнуты около тридцати слов и словосочетаний, употребляемых для обозначения понятия «водка» людьми, объединенными стойким интересом к употреблению алкогольных напитков. Исследованы пути возникновения жаргонной лексики, в частности проникновение такой лексики в таджикский из других языков, их этимология и принципы словообразования. В частности отмечается, что в жаргонной лексике, обозначающей понятие «водка», почти 50 процентов которой составляют исконно таджикские слова, встречаю

тся арабские, русские, немецкие, проникшие в таджикский через русский язык, тюркские заимствования.

Key words: discourse culture, language norm, Khujand dialect, jargonisms, standard, non-standard, word-building means related to jargonisms

Non-normative vocabulary, in particular, a slangy one, is considered as the mostly scantily studied branch in the field of the Tajik socio-linguistics. Besides commonly used references in manuals on modern Tajik language there is not enough information dealing with the linguistic phenomenon in question.

The article dwells on the analysis of slangy vocabulary expressing the notion of «vodka». The authors explored about thirty words and word-combinations, those ones which are resorted to an expression of the notion of «vodka» by people, associated by a permanent interest in using stiff drinks. In this regard, they canvassed the ways of slangy vocabulary upspringing, in particular, penetration of such words into Tajik from other languages; their etymology and principles of word-building being taken into consideration as well. It is marked that among slangy vocabulary denoting the notion of «vodka» which constitute approximately 50% of words befall primordial Tajik ones, Arabic, Russian and German words which penetrated into Tajik through the Russian language, Turkic borrowings are encountered too.

Олимони забоншинос, ба вежа соҳаи герменевтика олмоншиносон, забонро аз рӯи шакли мавҷудияташ ба асосӣ ва ғайриасосӣ (стандарт ва нонстандарт) ҷудо мекунад. Барои муайян намудани шаклҳои мавҷудияти забон, пеш аз ҳама, мафҳуми меъёри (нормаи) забон нақши муҳим дорад. «Меъёр, - ба ақидаи В.И. Беликова ва Л. П. Крисин, - маҷмӯи қоидаҳои интиҳоб ва истифодаи воситаҳои забонӣ аст» [1,с.39]. Мафҳуми меъёр бо мафҳуми забони адабӣ вобастагии зич дорад. Забони адабиро аксаран «забони меъёрӣ» меноманд. Маъмулан нутқи дурусти аз ҷиҳати адабӣ босаводно бо мафҳуми меъёр марбут медонанд. Забони адабӣ бошад, яке аз нишондиҳандаҳои фарҳанги умумии шахс аст. Меъёр ба ҳайси падидаи ҷамъиятӣ-таърихӣ ва сирф милли забони адабиро, ки ҳамчун шакли намунавии забони милли муайян шудааст, тавсиф мекунад. Бинобар ин, мафҳумҳои «меъёри забонӣ» ва «меъёри адабӣ»-ро аксаран чун муродиф мавриди истифода қарор медиҳанд, ҳарчанд дар таърихи инкишофи забон ин мафҳумҳо на ҳамеша ба ҳам айнӣ доранд. Меъёри забонӣ дар амалияи воқеии муошират ташаккул меёбад ва ҳамчун муқаррарот дар истифодаи ҷамъият қарор мегирад. Меъёри забонӣ хусусияти қатъӣ дошта, аз байн якчанд вариант интиҳоб мегардад ва дар шакли маҷмӯи қоидаҳои фарҳанг (луғат) тадвин мешавад [2, с.99].

Дар забоншиносӣ маъмулан намудҳои тадвинӣ ва ғайритадвинии забони адабиро ҷудо мекунад. Ба намуди тадвинӣ меъёр ё стандарти адабӣ дар шакли китобии хаттӣ ва шифоҳию гуфтугӯӣ дохил мешавад. Намуди ғайритадвинӣ бошад, лексикаи ғайристандартӣ ё ғайримереъиро дар бар мегирад. Лексикаи ғайриасосӣ ҳамчун низомии лексикаи мураккаб дар низомии иҷтимоӣ услубии ҷузъҳои забони милли ҷои махсусро ишғол мекунад.

Забоншиносии рус Ю.М. Скребнев лексикаи ғайриасосиро «калимаҳои нисбат ба лексикаи мӯътадил пасттар» мешуморад ва ба ин қабати забон калимаҳои зеринро дохил мекунад:

- 1) калимаҳои гуфтугӯӣ
- 2) жаргон, сленг ва окказионализмҳо
- 3) вулгаризмҳо [3,с.24].

Ба таснифи мазкур якчанд намуди лексикаи ғайриасосӣ, аз қабали професионализм, жаргонҳои касбӣ, арг, коллоквиализм ва ғайра дохил нашуданд.

Мавзӯи баҳси моро баъзе хусусиятҳои лексикаи жаргонӣ дар лаҳҷаҳои забони ҳозираи тоҷикӣ, аз ҷумла, дар лаҳҷаи Хучанд ташкил мекунад.

Жаргон ҳамчун намуди иҷтимоии нутқ тавзеҳ мешавад, ки ба он бар ҳилофи забони умумихалқӣ лексикаю (аксаран аз лиҳози эҳсосӣ ба таҷдиди маъно дучор шуда) фразеологияи махсус ва истифодаи вежаи воситаҳои калимасоз хос мебошад.

Жаргон мансубияти иҷтимоӣ ва касбии гурӯҳи одамонро, ки дорои манфиат, одат, машғулият, аҳволи иҷтимоии умумӣ ва ғайра мебошанд, инъикос мекунад (мисол, жаргони варзишгарон, актёрон, донишчӯён) [4].

Жаргонвожаҳо дорои обуранги таъсирбахш мебошанд, ки тавассути онҳо мафҳумҳои ба умум маъмул дар доираи аз ҷиҳати иҷтимоӣ маҳдуди одамон истифода мешаванд. Маъмулан, жаргонизмҳо лексикаи муқаррарию маишӣ ва фразеологияи таъсирбахшишон пастро дар бар мегиранд, ки истифодаи иҷтимоии онҳо маҳдуд аст.

Зери мафҳуми жаргони гурӯҳӣ маъмулан падидаҳои забониеро мефаҳманд, ки онҳо ба ҷудошавии иҷтимоии одамон, ки бо ин ё он намуди фаъолият машғуланд, байни ҳам робитаю тамоси дурудароз доранд ва аксаран худро то андозае аз дигар аъзои ҷамъият ҷудо эҳсос мекунанд, асос меёбад [5, с. 73].

Аксари муҳаққиқон моҳияти забонии жаргонҳои гурӯҳиро лафзбозию дилхушии забонӣ мешуморанд, ки онҳо ба маъноӣ маҷозӣ касб кардани калимаю ибораҳо асос меёбанд [5, с. 76].

Лозим ба таъкид аст, ки жаргонвожаҳо метавонанд ҳам дар забони адабӣ ва ҳам расмӣ дар мавридҳои маҳдуд барои пуробурангу таъсирбахш кардани фикр, аксаран ба санти манфӣ ё содатар ифода намудани мафҳум истифода шаванд.

«Жаргон (фаронсавӣ *jargon*) намуди нутқ аст, ки бештар дар муоширати шифоҳии гурӯҳи алоҳидаи нисбатан устувори иҷтимоӣ истифода мешавад. Гурӯҳи мазкур одамонро аз рӯи аломатҳои касбӣ (жаргони барномарезон), мавқеъ дар ҷамъият (жаргони дворянҳои рус дар қарни 19), манфиат (жаргони филателистон – ҷамъоварандагони маркаҳои почта) ё синну сол (жаргони ҷавонон) муттаҳид месозад» [6, с.151].

Маълум аст, ки вожаҳо аз «фонди умумӣ»-и ин ё он жаргон ба жаргони дигар ё ба забони гуфтугӯии халқ гузашта, маънояшро тағйир дода метавонанд.

Гузашта аз ин, баъзе жаргонвожаҳо бо мурури замон марбут ба рушди иқтисодӣ-иҷтимоӣ-и ҷомеа аз истеъмол хориҷ мешаванд ва ҷойи онҳоро вожаҳои жаргонии нав мегиранд. Масалан, бино ба гуфти респондентҳо (аҳбордиҳандагон), дар давоми шаст-ҳафтод соли охир калимаҳои жаргонии зерине, ки мафҳуми «пул-маблағ»-ро ифода мекунанд, дар истеъмол будаанд: **индамас, пуччӣ, чапок, мулло-вичринг (муллоҷиринг), лой, ленинбобо, малах, бакс, кабудак (кабутак), каллакалон**. Аз байни ин алфоз калимаи **индамас** дар оғози асри XX роиҷ будааст, ки шояд он дар ашъори шоири халқӣ Фаҳрии Рӯмонӣ мазкур аст:

Дар кеса нест индамас,

Фориғ наям ним нафас.

Вожаи **ленинбобо** (ленинбӯво) дар даврони шӯравӣ байни кормандони соҳаи савдо паҳн шуда будааст ва сабаби чунин ном гирифтани пул дар он будааст, ки дар пули қоғазии даҳсӯмаи (рублӣ) давраи шӯравӣ расми Ленин мавҷуд буд. Табиист, ки баъди пош хӯрдани ИҶШС ва ба давлатҳои мустақили дорои пули милли таъдид ёфтани собиқ ҷумҳуриҳои шӯравӣ вожаи жаргонии «ленинбобо» аз байн рафт. Вожаи «**лой**»

ба маънои пул бештар дар байни унсурҳои ҷиноӣ мавриди истифода қарор мегирад. Калимаи **малах** бошад, бештар ҷанбаи гуфтугӯӣ касб кардааст.

Баъди истиқлолият ба даст овардани Тоҷикистон муомила бо асъори хориҷӣ, аз ҷумла, доллари ИМА ривоч ёфт. Ба забони англисии Амрико як долларро **бак** (buck) меноманд [7, с.93]. Шакли ҷамъи ин вожа ба забони англисӣ **bucks/ бакс** аст ва он ба забони русӣ дар гунаи ҷамъулҷамъи «баксы» гузаштааст. Аз забони русӣ ин вожа ба забони тоҷикӣ дар шакли «бакс» бо ҳазфи ҳарфи «ы»-и русӣ, ки талаффузи он ба ҳалқи мо хос нест, иқтибос шудааст. Дар иртибот бо ранги пули амрикоӣ онро «кабудак» ва аксаран бо табдили **д-т кабутак** меноманд.

Азбаски дар пули қоғазии гуногунқурби амрикоӣ сурати аз китф боло, дурусттар гӯем, амалан сари президентҳои (Линколн, Вашингтон, Ҳамилтон) ин давлат акс шудааст, дар байни саррофон асъори мазкур бо номи **каллакалон** низ маъруфият дорад.

Гуфтан лозим аст, ки равшан сохтани этимологияи калимаҳои жаргонӣ кори хеле мушкул аст ва чанд вазҳи тасмийи дар боло овардаи мо истисно аз ин қоида мебошад, зеро вожаҳои мазкур ё дар гузаштаи наздик ё дар рӯзҳои мо арзи ҳастӣ кардаанд, бино бар ин имкони муайян кардани баромади онҳо ба суҳулат даст дод.

Дар забоншиносии тоҷикӣ тадқиқоти махсус дар бораи лексикаи жаргонӣ сурат нагирифтааст. Дар китобҳои дарсии забони тоҷикӣ ва доиратулмаорифу фарҳангҳо маълумоти хеле мухтасар роҷеъ ба жаргон оварда шудаасту ҳалос. Масалан, дар «Энсиклопедияи советии тоҷик» дар бораи жаргон мақолаи забоншиноси маъруф А.Мирзоев нашр шудааст: «Жаргон (фаронсавӣ jargon – зоҳиран галлию романиӣ gargone – беҳудагӯӣ), шеваи иҷтимоӣ; аз забони умумигуфтугӯӣ бо луғат ва тарзи ифодаи махсуси худ фарқ мекунад, вале системаи алоҳидаи фонетикӣ ва грамматикӣ надорад. Жаргон дар муҳити коллективҳои каму беш маҳдуди мактаббачаҳо, студентон, хизматчиёни ҳарбӣ, аҳли пешаи гуногун (мутрибон, варзишгарон ва ғ.) инкишоф меёбад. Ин жаргонҳоро бо забони аҳли қасаба омехтан мумкин нест. Жаргон аксаран бо «забони авом» омехта мешавад. Бино бар ин, бисёр нависандагон калимаҳои жаргониро чун воситаи услубӣ истифода мебаранд» [8, с.385].

Боби сеюми қисми лексикаи китоби «Забони ҳозираи тоҷик» ба масоили таркиби луғавии забон аз ҷиҳати доираи истеъмол ихтисос дода шудааст, ки он ба қалами забоншиноси тоҷик, равшаншинос Х.Ҳусейнов мансуб аст. Ӯ калимаҳои забонро аз нуқтаи назари истеъмол ба ду гурӯҳ – лексикаи умумистеъмоли (муштарақулуслӯб) ва калимаҳое, ки ба гурӯҳҳои алоҳидаи ҷамъиятӣ, ба шахсони алоҳида, ба касбу кори махсус вобастаанд, ҷудо кардааст. Х.Ҳусейнов ба гурӯҳи дуюм эвфемизм, диалектизм, профессионализм, вулгаризм, табу, жаргонвожаҳо, экзотизм, варваризмро дохил кардааст. Аз ҷумла, дар бораи лексикаи жаргон омадааст: «Лексикаи жаргонӣ ба гурӯҳи хурду ночизи одамоне, ки машғулияти нисбатан маҳдуде доранд, вобаста мебошад. Жаргон забони сохтааст, ки аҳли ин ё он гурӯҳ намероҳанд фикрашонро дигарон фаҳманд ё худ онҳо бо ин забон дигаронро аз сӯҳбат, баёни мақсад истисно карданӣ мешаванд. Жаргонизмҳои майзадагон, дуздон чандон зиёд набошанд ҳам, дар асоси калимаҳои маъмул ба маъноҳои дигар истифода мешаванд» [9, с.75-76].

Дар китоби Х.Ҳусейнов ва К. Шукурова «Луғати терминҳои забоншиносӣ» таърифи зерини жаргон омадааст: «Жаргон (фаронсавӣ jargon – забони сохта) - забони сохта, қалбакие, ки аъзоёни ин ё он гурӯҳ ба қор мебаранд, то ки аз мақсади онҳо қасе пай набаранд. Ин истилоҳ баъзан вобаста ба ягон шеваю лаҳҷае, ки ба

шунаванда мафхум нест, низ кор фармуда мешавад. Жаргон ба маънои арг, вале дар ифодаи таҳқир ҳам меояд» [10, с.45].

Аз баррасию таҳлили таърифу шарҳҳои гуногуни жаргон ба чунин натиҷа расидан мумкин аст, ки он дар нутқи ҷамъияти муосир мавқеи муҳимро ишғол мекунад. Сабабҳои истифодаи лексикаи жаргонӣ гуногунанд. Дар поён мо вазифаҳои асосии жаргонро номбар мекунем:

1) тасвири пуробурангу таъсирбахши ин ё он ҳодисаро таъмин менамояд, ки ба идроки сомеон таъсир мерасонад;

2) мафхумҳои муқаррариро бо номинатсияҳои дигар, таъсирбахш ва аз лиҳози семантикӣ возеҳ, ё баръакс, ифода намуда, муносибати иҷтимоӣро ба ҳар гуна мамнӯоти забонӣ тағйир медиҳад;

3) барои «ташаннучро рафъ кардан», «шиддатро паст намудан» ба мақсади нисбатан ғайрирасмӣ намудани муошират истифода мешавад;

4) аз тарафи ҳомилони жаргон ё соҳибжаргонон напазируфтани муҳити забонӣ ва иҷтимоии атрофро нишон медиҳад;

5) баёни номи мафхумҳоро осон мекунад.

Дар асоси гуфтаҳои боло ба хулосаи зайл омадан мумкин аст: жаргонвожа як шакли нутқест, ки дар муоширати гурӯҳҳои иҷтимоии нисбатан устувор мавриди истифода қарор мегирад. Гурӯҳҳои мазкур дар асоси аломатҳои касбӣ, мавқеашон дар ҷамъият ё синну сол муттаҳид мешаванд. Мақсади асосии истифодаи жаргонвожа пинҳон доштани мақсад аз касони бегона аст. Муҳити гурӯҳҳои мазкур нисбатан маҳдуд аст. Лексикаи жаргонӣ ҳарчанд низомии махсуси савтиёту сарфу наҳв надорад, вале аз лугату тарзи ифодаи вижа бархурдор аст.

Забоншиноси рус М.В.Арапов роҳҳои зерини ба вучуд омадани жаргонро зикр кардааст:

1. Аз ҳисоби иқтибос аз забонҳои дигар. Масалан, **чувак** аз забони лӯлиён ба маънои ҷавон.

2. Тағйири шакл кардани вожа. Масалан, аз вожаи баскетбол – баскет.

3. Лексикаи жаргонӣ бо мурури вақт аз истеъмол мебарояд ва ҷойи онро вожаҳои жаргонии нав мегиранд [11, с.25].

4. Маънои дигар гирифтани вожаҳои умумистеъмоли. Тағйири маъно кардани лексика, аз ҷумла касб намудани маъноҳои ҳазлу тамасхуромез ва дурушту вулгарӣ аз вежаҳои гурӯҳҳои иҷтимоӣ вобаста аст. Агар гурӯҳи иҷтимоӣ ба истилоҳ «кушода» бошаду таркибан ба ҷамъият дохил шавад, масалан, гурӯҳҳои ҷавонон, жаргон, ба истилоҳи О.Есперсен «бозии дастҷамбӣ» [6, с.151] аст. Дар сурати баста ё маҳдуд будани гурӯҳ жаргон ҳосияти сигнал пайдо мекунад ва барои фарқ кардани «худӣ» ва «ғайр» («бегона») қорбаст мешавад.

Дар поён мо як гурӯҳ жаргонвожаро мавриди баррасию таҳлил қарор медиҳем, ки маҷозан барои ифодаи вожаи «арак» ё «май» ба қор мераванд. Пеш аз ҳама, гуфтан лозим аст, ки худӣ калимаи «май» ё «арак» дар забони адабӣ ва, махсусан, забони китобатӣ муродифоти хеле зиёд дорад: **май, бода, хамр, шароб, арак, оби ангур, набиз...** Агар ба ин шумора муродифоти ҳар як аз ин вожаҳо, аз қабилӣ **шароби ноб, шароби қадар, бодаи гулгун, бодаи мамзуч, бодаи сабӯх, майи лаъл, майи қирмизӣ,** ҳамчунин ташбеҳоти май, аз ҷумлаи **санги миҳак, барки хуршед, ҷашми зог, ҷашми кабӯтар, хуни кабӯтар** ва ғайраро илова кунем, теъдоди лексикаи ифодакунандаи нӯшокии масткунанда хеле ва хеле меафзояд.

Мо калимаҳои зерини жаргонии ифодакунандаи нӯшокиҳои алкулӣ-арақ ва майро аз респондентон (ахбордиҳандагон) – сокинони шаҳри Хучанд ва деҳоти атрофи он гирд овардем: **култамитсин, ноғуфтани, вай, унзайлӣ, нимта, оби шайтон, ўрусбачча, пешоби шайтон, шерхор, ашки булбул, оби дида, садта, мўчиза, оби замзам, қитта-қитта, ғижбанг//ғижбанг, панҷот-та – панҷот-та, бист-та – бист-та, сат-та – сат-та, як култ-як култ, шнапс, шнапстринг, чичушка//чичушта//читушка, пузир, аксессуар, дору, чойи хунук.**

Вожаҳои мазкурро аз чанд ҷиҳат гурӯҳбандӣ кардан мумкин аст:

1. Аз рӯи ҳаҷми зарфи шароб ё миқдори истеъмоли он:

- **сатта-сатта; садтоғӣ; панҷот-та–панҷот-та; биста-биста; нимта; чекушка**

- **нимта** – бино ба ғуфтаи респондентон (ахбордиҳандагон) дар давраи шўравӣ арақро маъмулан ба шишаҳои 0,5 литра мерехтанд, аз ин лиҳоз он бо чунин ном маъруф шудааст. Ба назар чунин менамояд, ки вожаи жаргонии «нимта» тарҷумаи ибораи жаргонии русии «полбанки» аст. Банкаи русӣ як литр ҳаҷм дорад ва, мутаносибан, «полбанки» - 0,5 литр аст. Ба ибораи дигар, дар ин маврид тарҷумаи тахтуллафзии вожаи жаргонии русӣ ба тоҷикӣ ба амал омадааст, ки дар баробари иқтибоси бевоситаи чунин калимаҳо аз забони ғайр, дар мавриди мо аз русӣ яке аз роҳҳои пайдоиши жаргонизмҳо ба шумор меравад.

- **чичушка ё чичушка** гунаи ба савтиёти тоҷикӣ мутобиқаштаи вожаи русии **четушка** аст, ки он, дар навбати худ, шакли муҳаффафи **четвертушка, четвертинка** мебошад ва маънои ҷаҳояки литр, яъне 250 граммро дорад.

- **пузир** – ба маънои зарфи (бутилкаи) арақ;

- **пузирёк** – номи як шишаи арақ, ки бо пасванди навозишии русии –ёк сохта шудааст;

- **як култ-як култ** – дар назари аввал чунин менамояд, ки ин вожа низ ба миқдор ё ҳаҷми истеъмолшавандаи шароб марбут аст, вале дар асл калимаҳои «сатта-сатта», «панҷот-та–панҷот-та», «биста-биста», «як култ-як култ» маънои умумии нӯшидани арақро мефаҳмонанд;

- **қитта-қитта** – гунаҳои туркии **ҷузта-ҷузта ва юзта-юзта** дар асл муродифи «як култ-як култ» ва «сат-та-сат-та» аст, ки дар лаҳҷаҳои тоҷикӣ, аз ҷумла дар лаҳҷаи шаҳри Хучанд ва маҳаллоти атрофи он дар истеъмол аст;

II. Як гурӯҳи вожаҳои жаргонӣ дар натиҷаи маънои маҷозӣ қабул кардани калимаҳои умумистеъмоли пайдо шудаанд:

- **ғирифтани** – ба маънои нӯшидан, бардоштани қадаҳ;

- **ноғуфтани, унзайлӣ, мўчиза** – ба маънои арақ;

- **ғижбанг (ғижбанг)** – ба итминони комил ғуфтан мумкин аст, ки ин вожа аз ду ҷузъ - «**ғиж**», ба маънои гаранг, аблаҳ, саргашта ва **банг** ба маънои маъруф сохта шудааст ва маънои одами аз таъсири банг гарангшударо дорад. Майпарастон бо назардошти таъсири арақ ба инсон ин калимаро ба маънои маҷозӣ истифода мебаранд.

III. Якчанд вожаи жаргонии ифодакунандаи **арақ** ё умуман нӯшокиҳои масткунандаро намоёндагони дин ба мақсади таҳқири майпарастону майзадагон истифода мебаранд, ва аҷиб аст, ки ин вожаҳоро муҳлисони нӯшокиҳои масткунанда байни худ қор намефармоянд: **оби шайтон, пешоби шайтон.**

IV. Дар навбати худ намоёндагони табақаи мавриди назар ба нӯшокиҳои мушқир номҳои шоиронаи гуногун додаанд, ки ин ё он хосияти онҳоро инъикос мекунанд.

- **оби зам-зам** – оби чашмаест, ки дар Маккаи Мунаввара, дар назди хонаи Каъба ҷойгир аст ва барои мусулмонон муқаддас ба ҳисоб меравад. Майпарастон маҳз бо назардошти ҳамин тақаддусӣ ба ибораи мазкур маънои маҷозии аракро дода, истифода мебаранд;

- **мӯҷиза** – кор ё ҳодисаи ғайриодӣ, ҳайратовар, шигифтовар. Ба занни наздик ба яқин, ки онро аҳбордиҳандагони (респондентон) мо низ тасдиқ карданд, ҳосияти ба организми инсон бахшидани эҳсоси нишоту фараҳ ва сабукӣ, ки ба нӯшокиҳои мускир хос аст, боиси ба маънои маҷозии **арак** истифода шудани ин калима гардидааст.

Ба вожаи **дору** низ намояндагони ин гурӯҳ маҳз бо назардошти ҳосияти ҳуморшиканандагии **арак** дар маҷлиси сабӯҳӣ маънои маҷозӣ бахшидаанд.

Профессор А.Ҳасанов дар бобати ин калима шарҳи ҷолиб овардааст: «Дору порсии бостон *daruka*, порсии миёна *daruk*...

Дар фарҳангҳо чанд маънои ин вожа зикр гардидааст: 1. даво, дармон; 2. борут; 3. маҷ. шароб, май.

Сирочиддин Алихони Орзу зимни шарҳи дигар маъноҳо қайд кардааст, ки дар Ҳиндустон вожаи дору дар баёни шароб меояд... ва ба сифати шоҳид байтеро аз Ашраф меорад:

Ба мастӣ бувад пайкарам нарму соф,

Ки аз майкашӣ карда дорукашӣ.

Саъдӣ низ дар байти зер вожаи дору ба маънои шароб овардааст:

Касеро дар ин базм соғар диҳанд,

Ки доруи беҳушиаш дардиҳанд.

Маънои охири ин вожа ба ҷуз маънои аслиаш ҳоло низ дар байни сокинони Тоҷикистон зинда аст...» [12, с.92].

V. Якчанд ибораи жаргонӣ бо назардошти шаффофии арақ ё берангии он сохта шудааст: **ашки булбул, оби дида**.

Муродифоти жаргонии вожаи «арақ» дар лаҳҷаҳои забони тоҷикӣ аз рӯи баромад ба забонҳои гуногун мутааллиқанд:

1. Як иддаи онҳо калимаҳои тоҷикиасланд: **ноғуфтани, нимта, сат-та, панҷот-та, дору, оби сафед, ашки булбул, оби дида**.

2. Теъдоди муайяни онҳо аз забони русӣ ба лаҳҷаҳои забони тоҷикӣ иқтибос шудаанд: **чичушка, пузир, бутилка**.

3. Дар байни вожаҳои жаргонии ифодакунандаи «арақ» калимаҳои арабӣ ва ибораҳои, ки як ҷузъашон арабиасл аст, дучор мешавад: **қитта, ки зоҳиран шакли тасхифёфтаи қитъаи арабӣ аст ба маънии як ҳисса, як саҳм, як порча, оби шайтон, пешоби шайтон, мӯҷиза, оби зам-зам, унзайлӣ**.

Ба ин гурӯҳ вожаи «қулт» ва «қулт-қулт» ҳам мебарояд, ки аслан гнаи дигари вожаи арабии «қалт» ба маънии каме, андаке мебошад (13, с. 131). Қалт илми масдар аст ва шояд ба забони тоҷикӣ ба гунаи «қулт» ворид шудааст. Дар «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» моддаи луғавии «қулт» бидуни ишора ба арабӣ будани он ба маънии миқдори об ё нӯшокии дигар, ки бо як дам пӯшида мешавад, ҷуръа ташреҳ шуда, таъкид шудааст, ки «як қулт» лаҳҷаи маънии андаке аз май ва шаробро дорад (14, с. 726).

4. Тавассути забони русӣ ба қатори вожаҳои жаргонии мавриди назар якчанд калима аз забони немисӣ дохил шудааст:

- **Шнапс** – номи умумии нӯшокиҳои алкулии саҳттаъсир мебошад.

• **Шнапстринг** – шакли тахрифёфтаи калимаи мураккаби шнапс+дринг (нӯшидан) мебошад, ки ҳарфи «д» ба «т» табдил ёфтааст.

5. Яҳудиёи сокини Хучанд, ки бо забони ба худ хоси тоҷикӣ сӯҳбат мекунанд, байни ҳам аракро **шерхор** мегӯянд ва ин вожа ба жаргонизм дохил шудааст. Метавон ҳадс зад, ки вожаи **шерхор** маънои «нӯшокиеро, ки онро одамони шердил меҳӯранд», дорад.

6. Маълум аст, ки нӯшокии «арақ» ба маънои **водка-и** русӣ баъди забти Осиёи Марказӣ аз тарафи Русия дар минтақаи мо паҳн шудааст. Шояд аз ҳамин ҷиҳат бошад, ки аракро **ӯрусбачча** низ меноманд, ки як ҷузъаш гунаи тоҷикишуда ё муфарраси вожаи **рус** ва ҷузъи тоҷикии «бача» таркиб ёфтааст.

7. Ба ин гурӯҳи вожаи жаргонӣ калимаҳои туркиасли «**юз**» ва «**ҷузта**» низ дохил шудаанд.

Дар байни вожаҳои жаргонии майзадагон баромаду сохти калимаи **култамитсин** хеле ҷолиб аст. Маъмулан, калима «**митсин**» ҷузъи дувуми (ванди) номи як гурӯҳи антибиотикҳо, аз қабилӣ канамитсин, *стрептомитсин* ва ғайра мебошад. Бо ҷузъҳои култ+митсин сохтани калимаи ифодакунандаи маънои арақ ҳолӣ аз зарофате нест.

Хулоса, дар лаҳҷаи Хучанд ва маҳаллотӣ атрофи он теъдоди нисбатан зиёди вожаҳои жаргонии ифодакунандаи калимаи «арақ-май» дар истифода мебошанд, ки як қисми онҳо барои забони адабию лаҳҷа муштарақанд. Аз лиҳози баромад тақрибан 50% ин вожаҳо тоҷикиасл мебошанд, қисми дигараш аз забонҳои арабию туркӣ ва як қисмашон аз русӣ ва тавассути ин забон аз немисӣ иқтибос шудаанд.

Пайнавишт:

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. - М.: РГГУ, 2001. - 439 с.
2. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография / Л.В. Куликова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 288 с.
3. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику / под ред. Сиротининой О. Б. - Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1985. - 210 с.
4. Шмелев Д. Н. О некоторых тенденциях развития современной русской лексики / Развитие лексики современного русского языка. - М.: Наука, 1965. -129 с.
5. Краснова И.Е., Марченко А.Н. О некоторых проблемах профессиональной речи в социоллингвистическом освещении / Теоретические проблемы социальной лингвистики. - М.: Наука, 1981. С. 73-76.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. -М.: Советская энциклопедия, 1990.-683 с.
7. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. -М.: Русский язык медиа, 2004. - 946 с.
8. Энциклопедия советских тоҷик, **Қ.2**. – Душанбе: СЭСТ, 1980. - 634 с.
9. Забони ҳозираи тоҷик. 1. Лексика. Муҳаррири масъул Тоҷиев Д.Т.- Душанбе, 1981.- 102 с.
10. Ҳусейнов Х., Шукурова К. Лугати терминҳои забониносии.- Душанбе: Маориф, 1983.- 256 с.
11. Арапов В.М. Квантитативная лингвистика. -М., 1988.- 248 с.
12. Ҳасанов А.А. Унсурҳои лугавӣ ва сарфию наҳви осори садаҳои X-XIII дар ғӯиши ишмоӣ (баҳши Фарғонаи Фарбӣ).- Хучанд: Нури маърифат, 2003.- 256 с.
13. Муин, Муҳаммад. Фарҳанги Муин. – Техрон: Фарҳанги Моҳрух, 1382, ҷ.1-2. – 2238 с.
14. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. – Душанбе: Бухоро, 2015. -Қ.1. -996 с.; Қ.2. -1096 с.

Reference Literature

1. Belikov B.I., Krisin L.P. *Sociolinguistics*. – M.: Russian State Humanities University, 2001. – 439 pp.
2. Kulikova L.V. *Communicative Style in Regard to Intercultural Intercourse: monograph* / L.V. Kulikova. – M.: Flinta: Science, 2009. – 288 pp.
- 3.. Skrebnev Yu.M. *A Introduction to Colloquialistics* / under the editorship of Sirotinin O.B. – Saratov: publishing-house of Saratov University, 1985. – 210 pp.
4. Shmelyov D.N. *On some Tendencies of the Development of Modern Russian Vocabulary / Development of Modern Russian vocabulary*. – M.: Science, 1965. – 129 pp.
5. Krasnova I.E., Marchenko A.N. *On some Problems of Professional Speech in Sociolinguistic Light / Theoretical Problems of Social Linguistics*. – M.: Science, 1981. – pp. 73 – 76.
6. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. – M.: Soviet Encyclopedia, 1990. – 683 pp.
7. Myuller V.K. *New English-Russian Dictionary*. – M.: Russian Language Media, 2004. – 946 pp.
8. *Tajik Soviet Encyclopaedia, V.2..* – Dushanbe: The Central Scientific Editorial Board of the Tajik Soviet Encyclopaedia, 1980. – 634 pp.
9. *Modern Tajik Language. Part 1. Lexics*. Editor-in- charge Tojiev D.T. – Dushanbe, 1981. – 102 pp.
10. Huseynov Kh., Shukurov K. *Linguistic Terms Dictionary*. - Duchanbe: Education, 1983. – 256 pp.
11. Arapov V.M. *Quantitative Linguistics*. – M., 1988.- 248 pp.
12. Hasanov A.A. *Linguistic and Grammatical Elements of the Literary Productions Referring to the Period of the X-th – the XIII-th Centuries in North Dialects (on the example of Western Ferghana)*. - Khujand: Light of Education, 2003. – 256 pp.
13. Muin, Muhammad. *Muin Dictionary*. - Tehran: Mohrukh Dictionary, 1382 hijra, V,1-2.- 2238 pp.
14. *Interpretation Dictionary of the Tajik Language*. – Dushanbe, 2015. V.1-2. – P.1. – 996 pp.; - P.2. – 1096 pp.

УДК 821.21/22.0-3
ББК 83

НИГОҶЕ БА ТАҲАВВУЛУ
ТАШАККУЛИ ЖАНРИ ҲИКОЯ ДАР
НАСРИ КЛАССИКИИ ФОРСУ ТОҶИК

Шарифова Умеда,
унвонҷӯи кафедраи адабиёти муосири
тоҷики ДДХ ба номи акад. Б. Гафуров
(Тоҷикистон, Хуҷанд)

ВЗГЛЯД НА ЭВОЛЮЦИЮ ЖАНРА
РАССКАЗА В КЛАССИЧЕСКОЙ
ТАДЖИКско-ПЕРСИДСКОЙ ПРОЗЕ

Шарифова Умеда,
соискатель кафедры современной
таджикской литературы ХГУ им. акад.
Б. Гафурова (Таджикистан, Худжанд)

OUTLOOKS CONCERNED WITH
SHORT STORY GENRE EVOLUTION IN
CLASSICAL PERSIAN-TAJIK PROSE

Sharifova Umeda, lecturer of the department
of modern Tajik literature under Khujand State
University named after acad. B. Gafurov
(Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: umeda.2000@mail.ru

Ключевые слова: рассказ, хикоят, эволюция жанра, персидско-таджикская проза, стилистические особенности, реализм

В статье рассматривается процесс эволюции жанра рассказа в персидско-таджикской литературе. Согласно мнению ученых, рассказ (хикоят) как независимый жанр появился в таджикско-персидской литературе в XII веке. Со временем укрепляется место этого жанра в таджикско-персидской прозе. Такие прозаические произведения, как «Гулистон» Саади, «Весенний сад» Джамии, «Бадаеъ-ул-вакае» Восифи, «Наводир-ул-вакоеъ» Ахмада Даниша содержат множество рассказов.

Можно считать, что в течение веков жанр рассказа (хикоя или хикоят) служил делу воспитания людей, каждый писатель имел индивидуальный стиль.

Key words: short story, khikoyat, evolution of genre, Persian-Tajik prose, stylistic peculiarities, realism

The article dwells on the process of short story genre evolution in Persian-Tajik literature. In conformity with scientists' opinion short story as an independent genre appeared in Persian-Tajik literature in the XII-th century. Later on the place of this genre (**khikoyat**) is fortified in Persian-Tajik literature. Such prosaic productions as «**Guliston**» by Saadi, «Spring Garden» by Djami, «**Badaye-ul-vakaye**» by Vosifi, «**Navodir-ul-vakoye**» by Akhmad Donish contain multitude of short stories.

One can consider that in the course of centuries short stories (**khikoyat**) served a cause of upbringing of people; each writer possessing his own individual features

Ҳикоя ҳамчун яке аз анвои насри бадеӣ дар таърихи адабиёти форс-тоҷик ҷойгоҳи шоистаро ишғол намудааст. Баъзе адабиётшиносон бар инанд, ки хикоя ҳамчун жанри мустақили адабӣ дар қарни XII ба вучуд омадааст ва намунаҳои барҷастаю

мукаммали он дар китоби Муҳаммад Авфии Бухорой «Ҷомеъ-ул-ҳикоёт ва лавомеъ-ур-ривоёт» ба назар мерасанд.

«Ҳикоя, ҳикоят, нақл, қисса, ривоят, сухан, як навъ асари эпикист, ки лаҳза ва ҳолатҳои муҳими зиндагии инсонро дар бар мегирад, -навиштааст адабиётшинос Худой Шарифов (8, с.544). Муҳаққиқи номбурда инчунин дар мақолаи дигараш илова мекунад: «Ҳикоя яке аз навъҳои адабии қадимтарини адабиёти форс-тоҷик мебошад. Истилоҳи ҳикоя бори аввал дар «Тафсири Табарӣ» истифода шудааст. Баъдҳо ҳикояҳо дар китобҳои адабӣ, таърихӣ, динӣ, тасаввуфӣ барои тақмили воқеаҳо ва шарҳи матлаб, чун воситаи намоишу тасдиқи андешаҳои тарбиявӣ, иҷтимоӣ ва динии мазҳабӣ омадаанд» (9, с. 384).

Ҳусайни Размҷӯ, муҳаққиқи варзидаи эронӣ, дар таҳқиқоти худ «Анвои адабӣ» ҳикоятро «аз лиҳози адабӣ навъе достони сода ва ғолибан мухтасар, воқеъ ва сохтагӣ» (5, с. 123) маҳсуб кардааст.

Академик Носирҷон Салимов ҳикоятро як намунаи кӯчаки насри форсӣ-дарӣ мешуморад, ки он дар қаламрави Мовароуннаҳру Хуросон дар асри VIII оғоз ёфта, хусусияти синкретӣ доштааст. «Бо таваҷҷӯҳ ба таҳаввули жанрӣ ва истиқлоли комили ҳикоят, - таъкид мекунад Н. Салимов, - вижагиҳои сабку услуб ва доираҳои мавзӯоти умдаи он метавон муҳимтарин хасоиси ҳикоятро дар чанд нукта табақабандӣ ва ҷамъбаст намуд» (6, с. 312). Аз рӯи табақабандии муҳаққиқ ҳикоеҳои асри миёнагии форсии тоҷикӣ чунин будаанд:

1. Ҳикоеҳои пандуахлоқӣ; 2. Ҳикоеҳои мазҳабӣ; 3. Ҳикоеҳои таърихӣ-асотирий; 4. Ҳикоеҳои тамсилӣ; 5. Ҳикоеҳо, ки реша дар фарҳанги Ҳинди қадима доранд; 6. Ҳикоеҳои латиф, ки қаробат ба латифа доранд; 7. Ҳикоеҳои марбут ба зиндагии шуарову уқало ва аҳли қалам.

Барои исботи табақабандии мазкури ҳикоеҳои форсӣ тоҷикӣ на танҳо аз ҳикояҳои Муҳаммад Авфӣ, «Ғулистон»-и Саъдӣ, «Қалила ва Димна»-и Қошифӣ, «Баҳористон»-и Ҷомӣ ва дигар нависандагони қасбӣ, балки аз осори донишмандон ва сиёсатмадорон, ҳамчун Абӯрайҳони Берунӣ, Қайковус, Низомулмулк низ намунаҳои хуби ҳикоятҳоро метавон овард, ки ба асрҳои X-XI мансуб мебошанд. Масалан, дар «Қобуснома»-и Унсурмаолии Қайковус ҳикоятҳои хеле кӯтоҳ аз шахсият ва рӯзгори Афлотун, Муҳаммад Зақарӣи Розӣ оварда шудаанд (4). Дар «Сиёсатнома»-и Низомулмулк ҳикоятҳо роҷеъ ба муомилоти амир бо донишмандон, тоҷирон ва ҳунармандон дарҷ ёфтаанд (7).

Аз лиҳози мазмуну мӯхтаво муҳимтарин вижагии ҳикоятҳои Низомулмулк ва Унсурмаолии Қайковус дар он аст, ки дар онҳо дар симои баъзе шахсиятҳои таърихӣ ҳамчун шахсони идеалӣ таҷассум ёфтаанд, гарчанд таърих маълум аст, ки ҳислатҳои дар ин гуна ҳикоятҳо зикршуда ба ҳамин ашхос чандон мувофиқ нестанд. Муаллифон дар симои эшон рисолатҳои иҷтимоӣ ва ахлоқии ҳудро таҷассум намудаанд. Чунончи, Султон Маҳмуди золим чун подшоҳи одил тасвир ёфтааст, зеро Низомулмулк адли шохонро меҳост. Дар «Қобуснома» ҳикоят андар ҳикоят низ мавҷуд аст. Ҳамаи онҳо нақӯиро меситоянд, бадири маҳкум мекунанд ва хеле ибратбахш мебошанд.

Муаррих Абӯбақри Наршаҳӣ низ дар «Таърихи Бухоро» барои тасдиқи фикру андешаҳои худ ҳикоятҳо овардааст. Наршаҳӣ дар бораи тақсим кардани Бухоро дар миёни Араб ва Аҷам изҳори ақида менамояд ва ҳикояте нақл менамояд оид ба сабр. Яъне сабр пеша бикунӣ, вақт бисёр масоилро ҳаллу фасл менамояд.

«Чавомеъ-ул-хикоеъ ва лавомеъ-ул-ривоъ» -и Авфӣ бештар аз ду ҳазор ҳикоятро дар мавзӯҳои мухталиф дар бар мегирад: сиёсӣ, иҷтимоӣ, маишӣ, ҳаҷвӣ... Ҳикоятҳои панду ахлоқӣ дар бораи манобеи дӯстӣ ва сулҳ низ кам нестанд. Ҳикоятҳои ҳастанд, ки аз лиҳози шакл ва сабк ба такмил расидаанд, сужети мушаххасро фаро мегиранд ва анҷом ёфтаанд. Ҳикоятҳо дар бораи ашхоси таърихӣ ва воқеа - Муҳаммад Закариёи Розӣ, Ҳаким Фарруҳӣ, Нӯшервони одил, Кисро, Арасту, Аҳмади Сомонӣ, Ҳаҷҷочӣ Юсуф, Баҳром, Султон Маҳмуд... Ҳикоятҳои мочароӣ ва ишқӣ низ таваҷҷӯҳи Авфиро ба худ кашидаанд. Онҳо дар асоси манобеи гуногун - асарҳои таърихӣ, сарчашмаҳои ҳиндӣ ва ривоятҳои мардумӣ навишта шудаанд. Ҳикоятҳои тамсилӣ дар бораи вухушу тӯюр, ҳазандаҳо ва парандаҳо бо ҳикмат ва натиҷае аз онҳо тасниф гардидаанд. Масалан, ҳикояте дар бораи мор, рӯбоҳ, одам ва дарахт, зараррасонии азалии мор ва кӯмаки рӯбоҳ ба одами нақӯкор накл карда чунин натиҷа мегирад: «Ва ғойдаи ин ҳикоят он аст, ки ҳар оқил, ки тариқи ҳазм сипарад, бар душман эътимод накунад ва ҳасми худро хор надорад ва чун бадхоҳро дар дасти боло дидӣ, пой бар сари ӯ нех, то зиндагонӣ ба хурраи ва шодӣ баъд аз ҳасм ба сар равад» (3, с. 490).

Нависанда дар хулосаи баъзе ҳикоятҳо шеър меорад, ки ҳам мазмуни ҳикоя, матлаб ва ғояи онро равшан месозад, ҳам ҳусни анҷом аст.

Баъзе ҳикоятҳо аз як саволу ҷавоб, яъне аз ду ҷумла иборат бошанд ҳам, маънии амиқро дар бар мегиранд:

«Афлотунро гуфтанд: - Чӣ гӯӣ, ки ҳаргиз ғамгин набодӣ?»

Гуфт: Дил дар чизе набандам, ки аз дасти ман биравад...» (3, с. 487).

Манобеи ҳиндӣ яке аз муҳимтарин омилҳои инкишофи ҳикоя дар таърихи адабиёти форс-тоҷик гардидаанд. Дар ин бора на танҳо ҳикоятҳо дар бораи одамон, масалан, «Китоби Ҳаким Синдбод» (а. XII), балки кутуби ҳикоеъи тамсилии Ҳусайн Воизи Кошифӣ «Калила ва Димна» ва Иноятуллоҳи Канбу «Баҳори дониш» шаҳодат медиҳанд. Онҳо аз ҳикоятҳои қадими форсӣ ҳиндӣ ва ҳуди муаллифон иборат мебошанд. Дар ин асарҳо вухушу тӯюр тасвир ёфта бошанд ҳам, ҳар кадоми онҳо ҳуви ҳислат ва ахлоқу одоби одамонро таҷассум менамоянд. Чунон ки дар ҳикоятҳои Муҳаммад Авфии Бухорӣ саъваю пилу пашшаю ғук, мор, дарахт ва рӯбоҳ бо забони одаи ҳарф мезананд, дар асарҳои Кошифӣ ва Канбу низ ҳайвонот ва парандагон мисли одамон гуфтугӯ ва муошират мекунанд. Аз ҳар як ҳикояи тамсилӣ натиҷаҳои судманд метавон бардошт, ки ба манфиати хонанда хоҳад буд.

Дар тараққиёт ва тақомули ҳикояи классикӣ китобҳои маҳбуи халқҳои форсизабон – «Ғулистон»-и Шайх Саъдӣ ва «Баҳористон»-и Ҷомӣ нақши бориз гузоштаанд. Дар ҳикоятҳои Саъдӣ ва Ҷомӣ ҳақиқати ҳаёт тасвир ёфтааст. Устод Айни навишта буд: «Ҳақиқатан ҳам Саъдӣ реалист аст. Ӯ на танҳо дар ҳикояҳои худ, балки дар шеърҳои лирикии худ ҳам аз реал – аз ҳақиқат дур нарафтааст. Ташбеҳ ва истиораҳои Саъдӣ ҳамагӣ табиӣ ва мантикианд, дар асарҳои ӯ чизеро намебинед, ки ақл қабул накунад, ё ин ки монандаш дар олами зинда набодад ё нагузашта бошад» (1, с. 123).

Сабаби асосии моҳияти реалистии ҳикоятҳои Саъдӣ дар ин аст, ки ӯ мамлакатҳои Эрон, Арабистон, Осиёи Сағир, Миср, Шом, Хуросон ва Мовароуннаҳрро шитоб накарда саёҳат намуд, бо ҳаёти халқҳои гуногун аз наздик ошно гардид, аз хунарманду деҳқон то шохону вазирон ва ҳуви ҳислати тамоми синфу табақаҳои ҷомеаҳои рангоранг ва муносибату муоширати байни онҳоро оқилона омӯхт, таҳлилу ҷамъабаст кард ва хулосаҳои лозимӣ баровард. Азбаски Саъдӣ дониши амиқ,

чаҳонбинии васеъ ва истеъдоди комил дошт, тавонист, ки дар ҳикоятҳои хурд-хурд чаҳон-чаҳон маънӣ биғунҷонад, сирати подшоҳон, ахлоқи дарвешон, ғазилати қаноат, ғавоиди ҳомӯшӣ, ишқу ҷавонӣ, заъфу пирӣ, таъсири тарбият, одоби сӯҳбат ва дигар мавзӯю масъалаҳоро мавриди баррасӣ қарор бидиҳад.

Реализми Саъдӣ дар тасвири объективонаи воқеаҳо ва эҷоди образҳои инсонӣ зоҳир мешавад. Ҳикоятҳои иҷтимоиаш ҳам, панду ахлоқиаш ҳам, танқидӣ-ҳаҷвӣ, мутоибааш ҳам мазмуну моҳияти реалистона касб кардаанд. Ғояҳои ватанхоӣ, башардӯстӣ, амниятӣ сулҳу салоҳ, дӯстӣ бародарии халқҳои гуногунмиллат дар ҳикоятҳои Саъдӣ ҳеле ҷаҳонгир аст.

Аз лиҳози сабк насри классикӣ бо шеър омехта аст. Порчаҳои манзум бештар ҳамчун ҳулоса ва натиҷаи воқеаи баёншуда истифода мешаванд ва мақсаду мағлуби муаллифро равшану барҷаста ибраз мекунанд. Ҳамин услуб дар ҳикоятҳои «Баҳористон»-и Ҷомӣ низ риоя шудааст, зеро он дар пайравии «Ғулистон» иншо гардидааст. Ҷомӣ дар китоби панду ахлоқи «Баҳористон» ҳикоятҳои ибратбахше оид ба ҳаёти орифон, шахсиятҳои бузург, подшоҳон, инчунин ҳикоятҳои дилпазире роҷеъ ба олиҳимматӣ, ишқу ошиқӣ, ҳазлу мутоиба овардааст. Як идда ҳикоятҳои ӯ дар бораи Рӯдакӣ, Фирдавӣ, Носири Хисрав, Низомӣ, Саъдӣ, Ҳофиз, Камолӣ Хучандӣ ва ҳамзамони ҳазрати Ҷомӣ Алишери Навоӣ мебошанд. «Баҳористон» низ омехтаи зебои насру назм буда, насраш шоирона аст, унсурҳои саҷро зиёд фаро гирифтааст.

Чун сухан дар бораи ҳикоятҳои насри классикӣ меравад, яке аз вижаҳои услубии онро бояд таъкид кард, ки ин робитаи ҳикоятҳо бо насри ривоятӣ аст. Дар насри ривоятӣ, масалан, дар «Чор дарвеш» ҳикоят андар ҳикоят чун падидаи услубӣ баён равшан ба назар мерасад. Ҳамин услуб дар ҳикоятҳои чанде аз насрнависони асриёнагии форс-тоҷик дида мешавад. Чунончи, асари Имом ас-Сағрӣ (а. XIII-XIV) «Ҷавоҳир-ул-асмор» бо ҳамин услуб нигошта шудааст.

Қаробати услубии насри классикии форс-тоҷик бо насри ривоятӣ дар сабки лирикӣ низ аён мегардад. На танҳо асарҳои ёддоштӣ, аз қабилӣ «Сафарнома»-и Носир Хисрав ва «Бадоеъ-ул-вақоъ»-и Зайниддин Восифӣ, балки «Чор дарвеш» барин намоёнтарин ҳикояҳои насри ривоятӣ низ бо услуби лирикӣ, яъне аз номи шахси яқум-таҳқиягар офарида шудаанд. Дар ҳикоятҳо низ услуби мазкур дида мешавад. Нависанда ҳама таъкид мекунад, ки он ҳикоятро аз касе шундааст, аз ягон сарчашма гирифтааст ё бофтаю сохтаи ҳама аст.

Дар бисёр ҳикоятҳои «Ғулистон»-и Саъдӣ низ иштироки муаллиф дар воқеот таъкид ёфтааст ва он мабдаи субъективӣ ҳикоятро таъкид мебахшад. Усули муқолаи нависанда-таҳқиягар ва қаҳрамонони ҳикоят ба тарзи «Гуфтам. Гуфт» сурат мегирад, ки чунин аст:

«Гуфтам:

-Ҳикояи он рӯбоҳ мувофиқи қори туст...

Гуфт: Шерро мегиранд» (10, с. 89).

Шакли дигари услуби лирикӣ «ман» гуфтани нависанда аст, ки низ даҳлати ғазлӣ ба ӯро ба воқеаи тасвиршаванда ва тақдирӣ қаҳрамони он нишон медиҳад. «Тане чанд дар сӯҳбати ман буданд, -мегӯяд Саъдӣ дар ҳикояте, - зоҳири эшон ба салоҳ ораста ва яке аз бузургон ҳусни занне балеғ дар ҳақиқат ин тоифа дошт ва идроре муайян кард» (10, с. 94).

Иштироки нависанда дар ҷараёни воқеаҳо на танҳо падидаи услуби лирикист, балки нишонаи ҳақиқатнигорӣ ҳам ба шумор меояд. Маълум мешавад, ки муаллиф ҳикоятро худ насохтааст, балки аз воқеият гирифтааст.

Ҳамин тарзи баён дар ҳикоятҳои «Баҳористон»-и Ҷомӣ низ ба мушоҳида мерасад.

Сабаби заминаи воқеӣ доштани бисёр ҳикоятҳои классикӣ дар ҳамин аст, ки он нависандагон мушоҳидакорони нуктасанҷ ва соҳибистеъдод будаанд. Андешаҳои моро ҳикоятҳои ёддошти Зайниддин Восифӣ (1485-1556) «Бадоеъ-ул-вақоеъ» тасдиқ карда метавонанд. Азбаски ӯ аз айёми наврасию ҷавонӣ бо зиндагонии мардуми шаҳр-қосибону ҳунармандон, шоирону санъаткорон, донишмандону фозилон ошно буд, рӯзгор ва ҳислату характери онҳоро моҳирона тасвир кардааст. Боз ба устод Айни мурочиат менамоям: «Восифӣ як нависандаи бериё ва бо таъбири оммавии тоҷикӣ «фӯртакигӯӣ» аст, - таъкид мекунад ӯ дар муқаддимаи «Бадоеъ-ул-вақоеъ».- Ӯ дар навиштани аҳволи худ, аҳволи ҳамзамонон, дӯстон, ошноён ва ҳамсӯҳбатони худ ҳеҷ чизро зерӣ парда нигоҳ намедорад. Ӯ аз қор фармудани таъбирҳои ҳам, ки дар замони мо беадабона ба шумор мераванд, ҳеҷ ибто намекунад. Бинобар ин, мо дар «Бадоеъ-ул-вақоеъ» аҳволи замони муаллифро ва характери шахси таърихӣ он замонро қушо, равшан ва «луҷҷаку пӯстканд» мебинем...» (2, с. 21).

Ҳикояҳои Восифӣ воқеӣ мебошанд ва аксарияти қаҳрамони онҳо, мисли Ҷомӣ ва Навоӣ, шахсиятҳои таърихӣанд, ки нависанда олами маънавӣ, рафтору кирдор, ҳӯю ҳислат ва урфу одати эшонро реалистона нишон медиҳад. Дар адабиёти асримиёнагии форс-тоҷик ҳикоятҳои латифаомез ва нимтахайюлӣ ҳам вучуд доранд, ки бо ҳаёти маишӣ мардум аз ягон ҷиҳат наздик буданд. Масалан, дар ҳикоятҳои «Рисолаи дилқушо»-и Убайди Зоконӣ (1270-1370) ҳаёти қашшоқонаи муздурон бо ҷузъиёти таъсирбахш ба тасвир омадааст. Инчунин муносибатҳои тарафайни намоёндагони табақоти мухталифи ҷомеа тавассути мутобиқии нозук акс ёфтаанд. Нависанда ба эҷоди образҳои ҷомеаи ҳақиқӣ моҳир Талҳақ муваффақ гардидааст, ки нуксонҳои ҳаёти иҷтимоӣ-маишӣ ва ахлоқиро мавриди мазаҷат қарор медиҳад.

Ҳикоятҳои Убайди Зоконӣ мисли ҳикоятҳои «Гулистон» ва «Баҳористон» мӯъҷазанд ва аз муқолаҳои кӯтоҳ-қӯтоҳи нишонрас сохта шудаанд.

Дар адабиёти тоҷикӣ давраи маорифпарварӣ мазмун ва мӯҳтавои танқидии ҳикоятҳо пурзӯр гардиданд. Онҳо асосҳои зиддиҳалқии давлатдорӣ амриони манғит, ҳаҳолатпарастии арбобони давлат ва уламои мутаассибро фош мекарданд. Ҳикоятҳои Аҳмади Дониш (1826-1897) дар «Наводир-ул-вақоеъ», Қорӣ Раҳматуллоҳи Возеҳ (1817-1894) дар «Савонех-ул-масолик» ва Шамсиддини Шохин (1858-1894) дар «Бадоеъ -ул-саноеъ» зарурати як инқилоб ва тағйироти куллиро дар ҷомеа ва усули давлатдорӣ пешниҳод карданд. Агар ҳикоятҳои Аҳмади Дониш бо услуби реализми танқидӣ, Возеҳ бо сабки очерку сафарнома таълиф шуда бошанд, ҳикоятҳои ҳеле мухтасару кӯтоҳбаёнӣ Шохин бо рамзу истиора, кинояву ташбеҳоти пӯшида, бо мақолу зарбулмасал ва дигар суҳанҳои нешдори пурмаънӣ навишта шудаанд.

Ҳикоятҳои Аҳмади Дониш дар бораи фарзандони халқӣ муздури Бухоро - Ҳолмуҳаммад ва Шукӯрбеки «дузд» бо услуби романтикӣ рӯи қоғаз омадаанд. Онҳо қувваи бузургии ҷисмонӣ ва диловарии халқро бо забони дар ҳамон замон нисбатан содаи тоҷикӣ ба риштаи тасвир қашидаанд.

Ҳамин тариқ, дар асрҳои мухталифи рушди насри тоҷикӣ-форсӣ ҳикоя ва ё ҳикоят мавқеи ҳоси ҳурдо дошт, ки исботи ин дар асарҳои бадеӣ ва асарҳои дигари мансур ба қасрат ҷойгир шудани ҳикояҳо аст. Ҳар соҳибқаламе ки майл ба насрнавишӣ дошт, ҳатман аз ин жанр истифода мебард. Агар манзалати ҳикояро дар наср бо манзалати

ғазал дар назм шартан баробар гузорем, ҳар ду ҳамсанганд. Чунки ҳар шоире даст ба гуфтани ғазал задааст ва ҳар носире ба гуфтани ҳикояте қалам фарсудаасту он дар сафаҳои даврон то ба мо мерос мондааст.

Калидвожаҳо: ҳикоя, ҳикоят, насри форсу тоҷик, таҳаввули жанрӣ, хусусияти сабкӣ, реализм.

Пайнавишт:

1. Айни С. Куллийт. Ҷ. 11. – Душанбе: Навриёти давлатии Тоҷикистон, 1962. – 474 с.
2. Айни С. Куллийт. Ҷ. 13. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 427 с.
3. Дурдонаҳои наср. Иборат аз чаҳор ҷилд. Ҷ. 1. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 490 с.
4. Кайковус У. Қобуснома. – Тазкираи адабиёти бачагона. Ҷ. 3. – Душанбе: Маориф, 1982. – 350 с.
5. Размҷӯ Ҳ. Анвои адабӣ ва осори он дар забони форсӣ. Чопи сеюм. – Машиҳад: Муассисаи чоп ва интишороти остони Қудси Разавӣ, 1376. – 203 с.
6. Салимов Н. Марҳалаҳои услубӣ ва таҳаввули анвои наср дар адабиёти форсу тоҷик (асрҳои IX–XIII). – Хуҷанд: Нури маърифат, 2002. – 400 с.
7. Хоҷа Низомулмулк. Сиёсатнома. Ба тасҳеҳи Аббос Иқбол. – Теҳрон, 1320. – 154 с.
8. Шарифов Х. Ҳикоя. / Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Иборат аз 3 ҷилд, Ҷ. 1. – Душанбе: СИЭСТ, 1988. – С. 461.
9. Шарифов Х. Ҳикоя. / Энциклопедияи Советии Тоҷик. Иборат аз 8 ҷилд. Ҷ. 8. – Душанбе: СИЭСТ, 1988. – С. 384.
10. Шерозӣ С. Мунтахаби куллийт. – Сталинобод: Навриёти давлатии Тоҷикистон, 1956. – 417 с.

Reference Literature:

1. Ayni S. Collection of Compositions. V.11. - Dushanbe: State publishing-house of Tajikistan, 1962. – 474 pp.
2. Ayni S. Collection of Compositions. V.13. - Dushanbe: Cognition, 1977. -427 pp.
3. Pearls of Prose. In four volumes. V.1. - Dushanbe: Cognition, 1987. – 490 pp.
4. Kaykovus U. Kobusnoma as Anthology of Juvenile Literature. V.3. - Dushanbe: Education, 1982. – 350 pp.
5. Razmju H. Literary Types and its Literary Productions in the Persian Language. The third edition. – Mashhad: Qudsi Razavi publishing-house, 1376. – 203 pp.
6. Salimov N. Origin and Establishment of Prose Genre in Tajik and Persian Literatures (IX-th – XIII-th centuries). – Khujand: Light of Education, 2002. – 400 pp.
7. Khoja Nizomulmuluk. The Book about Politics. Under the editorship of Abbos Iqbol. – Tehran, 1320. – 154 pp.
8. Sharifov Kh. Story. / Encyclopedia of Tajik Literature and Art. In three volumes. V.1. - Dushanbe: The Central Scientific Editorial Board of the Tajik Soviet Encyclopaedia, 1988. – P. 461.
9. Sharifov Kh. Story. / Encyclopedia of Soviet Tajikistan. In eight volumes. V.8. - Dushanbe: The Central Scientific Editorial Board of the Tajik Soviet Encyclopaedia, 1988. – P.384
10. Sherozi S. Selected Compositions. – Stalinabad: state publishing-house of Tajikistan, 1956. – 417 pp.

УДК 821.21/220+
ББК83.3 (2Т)

МУАРРИФИИ НУСХАҲОИ
ХАТТИИ “СОҚИНОМА”-И
ЗУҲУРИИ ТУРШЕЗӢ

Раҳматов Баҳром Аҳмадҷонович,
аспиранти ДДХ ба номи акад. Б.Гафуров
(Тоҷикистон, Хуҷанд)

О РУКОПИСНЫХ
СПИСКАХ «САКИ-НАМЕ»
ЗУХУРИ ТУРШЕЗИ

Рахматов Баҳром Ахмадҷонович,
аспирант ХГУ им. акад. Б.Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)

ON «SAKI-NAME»
MANUSCRIPT LISTS BY
ZUKHURI TURSHEZI

Rakhmatov Bahrom Ahmadjohnovich,
post-graduate of Khujand State University named after
acad. B. Gafurov (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: raxmatov.1987@mail.ru

Ключевые слова: персоязычная история Индии, творчество Зухури Туршези, «Саки-наме» Туршези, рукописи, описание рукописей «Саки-наме», литографические издания, произведения Котиби Туршези

В истории персоязычной литературы Индии Зухури Туршези (приб. 1534-1615) считается одним из известных и очень продуктивных литераторов. Особую известность из его произведений приобрела книга «Саки-наме» («Книга о кравчем»), которая отличается особой структурой и объемом (4500 бейтов) и оказала сильное влияние на дальнейшее развитие жанра саки-наме. Статья посвящена описанию рукописей «Саки-наме» Зухури. Отмечается, что до сих пор не осуществлено сопоставительное изучение разночтений в рукописях «Саки-наме» Зухури. Автор даёт описание рукописей книги в составе «Куллията» поэта, а также отдельных списков самой «Саки-наме». В частности, предлагается описание рукописи «Куллиёта» Зухури, хранящейся под №911 в библиотеке Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия АН РТ, литографического издания, опубликованного в 1846 г. в типографии Нувал – Кишур (Индия) и хранящегося в той же библиотеке под №3263, отдельных списков (душанбинского, ташкентского, лахарского и т.д.) «Саки-наме».

Key words: history of India written in Persian, Zukhuri Turshezi's creation, «Saki-Name» by Turshezi, manuscripts, description of «Saki-Name» manuscripts, lithographic editions, Kotibi Turshezi's literary productions

In the history of the literature of India written in Persian Zukhuri Turshezi (about 1534 - 1615) is considered as one of the well-known and very productive men-of-letters. His book «Saki-Name» («The Book about the Cup-Bearer») gained especial fame, it is distinguished with specific structure and volume having exercised strong influence over a further development of Saki-name genre. The article dwells on the description of Zukhuri's «Saki-Name» manuscripts. It is outlined that up to now correlative studies of variant reading in «Saki-Name» manuscripts

have not been effectuated yet. The author gives a description of manuscripts both in the poet's composition «Kulliyat» and in separate lists of «Saki-name» itself. In particular, the author proposes a description of «Kulliyat» manuscript kept under #911 in the library of the Institute of language, literature, Oriental studies and written heritage under TR Academy of Sciences, a lithographic edition published in 1846 in the printing-house Nuval-Kishur (India), kept in the same library under # 3263; separate lists of «Saki-Name» being mentioned too (Dushanbe, Tashkent, Lahor, etc.).

Соҳати адабиёти форсидадон ба ҳадде густурда аст, ки то ҳол бисёр осори шоирони он наомӯхта боқӣ мондаанд. Бахусус, адабиёти форсидадони Ҳинди асрҳои XVI-XVII, ки аз сермаҳсултарин даврони шеърӣ форсӣ ҳисобида мешавад, то ба ҳанӯз осори фаровони наомӯхтаю тасҳеҳнашуда дорад. Зухурии Туршезӣ (тақ. 1534-1615) аз ҷумлаи он шуароест, ки дар адабиёти форсӣ тоҷик бо пурқории худ шуҳрат дошта, аз ӯ осори зиёде то кунун боқӣ мондааст, ки “Девони ғазалиёт”, “Соқинома”, “Се насп”, “Мактубот” (Рукъаот ё Панҷ рукъа), “Гулзори Иброҳим” ва амсоли инро метавон дар ин радиф ном бурд. Ин осор дар қатори дигар асарҳои оламшумули адабиёти форсӣ тоҷик дар бисёр китобхонаҳои дунё маҳфуз аст. Дар ин навиштаи кӯтоҳ кӯшиши шинос кардани алоқамандон бо бархе нусахи хаттии “Соқинома”-и Зухурӣ сурат гирифтааст, зеро асари мазбур дар ростои соқиномасароии адабиёти форсӣ тоҷик бо сохтори вижаю ҳунари зебо суруда шуда, дар падидаи як зумраи соқиномаҳои калонҳаҷм нақши муассире дорад. Ногуфта намонад, ки то имрӯз соқиномаи мавриди назар, ки аз 4500 байт иборат мебошад, тасҳеҳу нусабадаи нағардидааст. Аз ин рӯ, бархе нусаҳои хаттии онро, ки дар китобхонаҳои ҷаҳон маҳфузанд, баррасӣ хоҳем кард.

Муаррифии нусахи хаттиро асосан метавон дар ду равиш ба роҳ монд. Аввал нусаҳои ҷудогонаи “Соқинома” ва сонӣ дар дохили қуллиятҳо, баёзҳо, ҷунгҳо ва ғайра. Азбаски нусаҳои фаровони “Қуллият”-и шоир то имрӯз омада расидааст, дар бораи бархе ин нусаҳо маълумоти мухтасар додан аз аҳамият ҳолӣ нест.

Дар китобхонаи Институти забон ва адабиёт, шарқшиносӣ ва мероси хаттии АИ ҶТ таҳти рақами 911 “Қуллият”-и Зухурӣ мавҷуд аст, ки он шомили “Соқинома”, “Гулзори Иброҳим”, “Ҳони Ҳалил” ва “Рисолаи “Наврас” аст. Қотиб ва санаи китобат номаълум, хатташ наस्ताлиқи бештар ба хатти шикаста моил, ашъор дар ду сутунча навишта шудааст, 291 саҳфа, аммо рақамҳои сафаҳот бо қалами қормандони китобхона дар замони шӯравӣ гузошта шудаанд. Матн то саҳифаи 84 ҳошия надорад ва тамоми китоб бо хатти ягона мактуб гардида, ба ҷуз саҳифаи 70, ки дар он як ҷо бо хатте дигар кӯшиши ислоҳи байте рафта ва дар саҳифаи 76 дар ҳошия бо ҳамон хатти муслех ҷизҳои ба ин китоб марбут набуда, дар саҳифаи 80-баъди итмоми бахши “Гулзори Иброҳим” ва дар саҳифаи 124 дуоҳое дарҷ шудааст. “Соқинома” аз саҳифаи 126 оғоз шуда, то охири ин китоб ба шакли мунтахаб омада, шомили 2463 байт мебошад. Ба саҳифаҳои 166-167 осеб расида, баъзе порчаҳои матн хонда намешавад. Инчунин, дар саҳифаҳои 248, 267 ва 279 мисраъҳо афтодаанд. Тамоми матни “Соқинома” ҳошиябандӣ шудааст. Аз ин равиши нигориш пай бурдан осон аст, ки нусаи мавриди назар тақрибан дар асри XVIII навишта шуда, дар тасҳеҳу барқароркунии матн мавқеи муҳим дорад.

Эдуард Браун нигошта, ки таҳти № 1528 (р) “Маҷмӯа”: “Соқинома” ва “Ғазалиёт”-и Зухурӣ ҳамроҳ бо маснавии “Маҳмуд ва Аёз” (12,257) ва таҳти № 1546 (р) “Маҷмӯаи шеърӣ форсӣ”, аз он ҷумла “Соқинома”-и Зухурӣ (13,260) сабт шудааст, ки мутаассифона дастраси банда нестанд.

Дар аксар нусхаҳои “Куллиёт”-и шоир, ки дар бораи онҳо дар феҳристҳо сабт шудааст, матни пурра ё мунтахаби “Соқинома”-и Зухурӣ дохил гардидааст. Масалан, дар “Куллиёт”-и № 543 китобхонаи подшоҳии Оуда, ки аз “Соқинома”, маснавии бидуни унвони Зухурӣ ва ғазалҳо иборат аст, “Соқинома” ҳудуди 120 саҳифаи онро дарбар мегирад (22,580). Ҳамчунин, дар нусхаи № 1076 китобхонаи мазкур баробари “Се наср” (1.“Наврас”, 2.“Гулзори Иброҳим”, 3.“Хони Халил”), маснавии бидуни ном, қасоид, ғазалиёт, чанд байте аз “Соқинома” ҳам омадааст (22,672). Ин нусха чопи сангӣ буда, дар он солҳои мухталифи китобат нишон дода шудааст. Дар нусхаи № 1077 ҳамин китобхона абёти мунтахаби “Соқинома” оварда шудааст (22,673). Дар нусхаи № 1501 китобхонаи подшоҳии Вена, ки маҷмӯаи ашъори Зухуриро дарбар мегираду аз таркиботу тарҷеъот, қасидаҳо, ғазалиёту рубоӣёт иборат аст, байте чанд аз “Соқинома” ҳам сабт гардида, ки аз рӯи чопи сангии соли 1849 (Лакҳнав) истинсохшуда мебошад (16,822). То чое, ки банда оғайи дорад, нусхаи мавриди истинсох қарор гирифта аз беҳтарин чопҳои “Соқинома”-и Зухурӣ буда, дар воқуниши бархе калимот ва мафҳумҳои мушкили асари мазкур матни ҳошияи он кӯмаки беандоза дорад. Аз ин рӯ, дар чанд маврид ба мушоҳида расид, ки носихон аз рӯи он нусхабардорӣ кардаанд.

Дар ҳошияи “Девон”-и Зухурӣ, ки таҳти № 1735 дар китобхонаи Ганҷбахш маҳфуз аст, “Соқинома” ва рубоӣёти шоир низ омадааст. Нусха бо хати настаълиқ санаи 1158/1758 китобат гардида, рӯи барги аввал муҳри Байзавӣ (Муҳаммадсодиқ ибни Муҳаммадхусайн) дида мешавад (7,120-121). Таҳти рақамҳои 245 ва 1780 дар китобхонаи мазкур айнан ҳамин нусхаҳо ниғадорӣ мешаванд. Нусхаи № 3894-7413 ҳамон китобхона бо хати настаълиқи хонои садаи XIX китобат шуда, оғоз ва анҷом афтода аст. Дар мавриди ин нусха муаллифони феҳристҳо чунин маълумот медиҳанд: “Танҳо маснавӣҳои Зухурист. Маснавӣҳои кӯтоҳ дар таърифи қаср, таърифи ҷаҳон, васфи соқӣ: /Чӣ гӯям, ки соқӣ чиҳо мекунад.../, таърифи маю чанд соқинома: /Биё, соқӣ, эй дину имони ман.../ ва дигаре: /Биё, соқӣ, эй маҷлисорои ман.../, 262 саҳифа” (4,1460). Зоҳиран, муаллифи мазкур бо матни пурраи “Соқинома”-и Зухурӣ шинос набуда, қисматҳои асари мазкурро иштибоҳан маснавӣҳои алоҳида гумон кардааст.

Дар китобхонаи Донишгоҳи Исфаҳон дар маҷмӯаи таҳти рақами 15580 мунтахаби “Соқинома” низ оварда шудааст, ки аз 361 байт иборат мебошад. Нусхаи мавриди зикр бо хати настаълиқ навишта шуда, сарлавҳаҳо бо ранги сурх ҷудо гардидаанд.

Дар китобхонаи Институти забон ва адабиёт, шарқшиносӣ ва мероси хаттии АИ ҶТ таҳти рақами 3262 чопи сангии “Соқинома”-и Зухурӣ, ки соли 1846 дар матбааи Нувалкишур нашр шудааст, маҳфуз мебошад. Ҷолибтарин хусусияти ин чоп дар он аст, ки дар ҳошияи он бархе калимот ва ибороти мавҳуму нофаҳмо шарҳ шудааст. Дар феҳристи Э.Браун дар бораи ҳамин чопи “Соқинома” маълумот дода мешавад (12,153). Мустаҳрик Эдуард Эдуард низ дар бораи нусхаи “Соқинома” (14,938) ва “Девон”-и Зухурӣ (14,940) маълумоти мухтасар медиҳад.

Мавлавӣ Мирзо Ашраф баробари “Иншои Зухурӣ” (таҳти рақами 854) ва “Девони Зухурӣ” (таҳти рақами 664), дар бораи ду нусхаи “Соқинома”-и Зухурӣ таҳти рақамҳои 558 (чопи сангӣ, китобат 1263/1846) ва 747 (қаламӣ, соли китобат номаълум) хабар медиҳад (18,63).

Дар китобхонаи “Ҳайдаробод” № 16154 “Соқинома”-и Зухурӣ (17,144) маҳфуз аст, аммо дар бораи ҷузъиёти ин нусха ягон маълумоти мушаххас дастраси банда нест.

О.Ф.Акимов дар бораи “Дебӯаи Гулзори Иброҳим”, “Дебӯаи Навраси ниҳол”, “Дебӯаи Хони Халил” ва “Соқинома” ишораҳо дорад (1,279,283).

Дар зайл чанд нусхаи хаттии “Соқинома”, ки алоҳида китобат шудаанд, муаррифӣ мешавад:

1. Нусхаи китобхонаи Институти забон, адабиёт, шарқшиносӣ ва мероси хаттии АИ ҚТ таҳти рақами **944**. Мувофиқи маълумоти А.М.Мирзоев, М.И. Занд матн дар ду сутунча бо хатти шикастаи настаълиқ дар қоғози зарди шарқӣ навишта шудааст. Анҷом афтода, доғҳои намнокӣ дорад ва дар баъзе ҷойҳои матн костагӣҳо мавҷуд аст. Китобат: асри XVIII, 83 ҷараҳ, муқова: сабзи сиёҳтоб, андоза: 10x18,5 (3,115-116);

2. Нусхаи китобхонаи АИ Ёзбекистон (Тошконт), № **1411**, бидуни санаи китобат, тақрибан дар асри XVIII китобат шуда, бо настаълиқи хоно дар қоғози шарқӣ навишта шудааст. Қисман бо рангҳои гуногун оро додашуда, аз 177 ҷараҳ иборат ва андозааш: 11x19,5 мебошад (6,267);

3. Нусхаҳои китобхонаи “Ганҷбахш”-и Лоҳур:

а) Нусхаи № **4532-321**, бо хати настаълиқи садаи XVII навишта шудааст. Қирмхӯрда аст, 316 саҳифа (7,241);

б) Нусхаи № **15580**, (интиҳоби “Соқинома”). Маҷмӯа, саҳ: 1-33, ҷузви 1, қотиб: Абӯлҳасан, китобат: 1292/1823, хат: настаълиқ (7,353);

в) Нусхаи № **4533-5934**, бо хати настаълиқи садаи XVII навишта шудааст, танҳо аз 76 байт иборат мебошад (4,639);

г) Нусхаи № **2009**, дар соли 1263/1846 дар Лақҳнав, дар ҳаҷми 225 саҳифа ҷоп шудааст. Ҳамон ҷопи сангии дар Тоҷикистон маҳфузбуда аст;

4. Нусхаи китобхонаи умумии архиви “Паттиола”-и Панҷоб, № **271**, бо хати настаълиқ соли 1257/1841 китобат шудааст. 244 саҳифа, дар як саҳифа 13 сатр, андоза: 15x22 (8,146-147);

5. Нусхаи китобхонаи “Роҷа”-и Маҳмудобод, № **74**, бо хати настаълиқ навишта шудааст, 180 саҳифа, дар як саҳифа 10 сатр, андоза: 17x11 (10,362);

6. Нусхаҳои китобхонаи Донишгоҳи «Ҷомия миллия исломия»-и Деҳлӣ:

а) Нусхаи № **0934**, бо хати настаълиқ навишта шуда ва қирмхӯрда мебошад. Аз авоил мучадвал, 153 саҳифа, дар як саҳифа 15 сатр, андоза: 21x14;

б) Нусхаи № **0935**, бо хати настаълиқ соли 1228/1813 китобат шудааст. Қирмхӯрда, Мучадвал, саҳфаи аввал мунаққаш ва муталло. Дар оғоз муҳри Раҷабалихони Баҳодур мавҷуд мебошад, 158 саҳифа, дар ҳар саҳифа 15 сатр, андоза: 21x12;

в) Нусхаи № **640**, ягон мушаххасот надорад, зоҳиран аз нусаҳи фарсудаи ин китобхона мебошад (11,240-241);

7. Нусхаҳои китобхонаи умумии “Ҳар Даял”-и Деҳлӣ:

а) Нусхаи № **128-(P74)**, бо хати настаълиқ соли 1838 китобат шудааст. Қотиб: Сварап Ром, 195 саҳифа, дар як саҳифа 9 сатр, андоза: 21x16;

б) Нусхаи № **49** ҳамон нусха;

в) Нусхаи № **129-(54)** бо хати шикаста соли 1211/1796 китобат шудааст. Оғоз афтода ва бо байти

Майе дод дар маҷлисе шоҳиде,

Ки шуд нуқли он субҳаи зоҳиде...

оғоз шудааст. Қирмхӯрда, 138 саҳифа, дар як саҳифа 17 сатр, андоза: 21x9 (9,48-49);

8. Нусхаҳои китобхонаи марказии Донишгоҳи Техрон:

а) Нусхаи № **31**, қотиб: Абдулҳай ибни Алии Ҷарподақонӣ, таърихи китобат: 1053/1643 яке аз қадимтарин нусхаҳои “Соқинома” буда, барои Наҷафқулии Беко навишта шудааст (аз 23);

б) Нусхаи № 1427, бо хати настаълиқ аз тарафи Имомқулии Имонӣ тақрибан дар нимаи дувуми садаи XVII навишта шудааст, чадвал: зард ва лочувард, шеърҳо дар чохор сутун омада. Андоза: 14x24, 455 г., қоғази исфаҳонӣ, матну хошия, чилд: тимочу тирагии зарбии 20, заркӯб, муқавво (аз 23);

в) Нусхаи № 10, ҳамон китобхона. Котиб: Имомқулӣ Имони Ғулум, китобат: 1078/1667 (аз 23);

9. Нусхаи китобхонаи “Маҷлиси Шӯрои Исломи”, № 375. Котиб: Муҳаммадҷаъфар ибни Искандар, китобат: 1096/1684, дар матн чадвалу сутунбандии зару лочувардӣ ва сурх дида мешавад. Бо сарлавҳа ва ёддошти 1247 ва чилди рағғани бо гул ва буттаи заррин орошташуда, рангоранг, бо заминаи қажвай, дарун: сурх (аз 24);

10. Нусхаи китобхонаи “Ғулистон”-и Техрон, № 302. Қоғази тармаи матн: зарафшон, бо хати настаълиқ аз тарафи Миралӣ санаи 1097/1685 китобат шудааст. Пушти сафҳаи аввал ду сачҳи муҳр, ки амдан маҳв шуда, ҷой дорад. Теъдоди сафҳа: 306, дар ҳар саҳифа 15 сатр. Анҷоми ин нусха аз дигар нусхаҳо тафовут дошта, зохиран бо порчаи аз ҷониби котиб изоғашудаи ба номи Зухурӣ итмом меёбад:

*Ба мадҳи ту дар сафҳаи рӯзгор,
Мазомини қамбӯ бисёр бод.
Зухурӣ зи ҳамде барад ғуфтуғӯ,
Мувофиқ ба итмоми ғуфтор бод.*

Умед, ки арбоби қамол агар ба саҳфе ё хато муттаъе гарданд, ба зайли афв маъфув намоянд, ки исмат аз хатову залал маҳсули анбиёву авлиёст...” (аз 25);

11. Нусхаи китобхонаи “Маркази мутолиот ва таҳқиқоти исломӣ”-и Қум, № 239. Бо хати настаълиқ санаи 1052/1642 китобат шудааст. Тамоми сафҳот чадвали шангарф ва мушқиву заррин дорад, сафҳаи аввал сарлавҳаи масдучӣ, лочувардӣ ва заррин (бо гулҳои алвон), дар байни сатрҳо тилоандозӣ шуда, чилд: тимочи қажвай, фоқиди таблаи аввал. Андоза: 13x25, дар як саҳифа 21 сатр. Аз ҷумлаи нусхаҳои қадимаи “Соқинома” аст;

12. Нусхаҳои китобхонаи Бодлеан:

а) Нусхаи № 1078, бо хати настаълиқ навишта шудааст, андоза: 9,34x5,38;

б) Нусхаи № 1079, нусхаи муосир, бо хати настаълиқ навишта шудааст. Муқова: ороишдодашуда, ду сафҳаи аввал тилокорӣ, хатҳои пайвастананда тилоию сабз, андоза: 8,34x4,34 (21,673);

13. Нусхаҳои китобхонаи “Индия Оффис”:

а) Нусхаи № 1506, санаи 1057/1648 дар Бангола бо хати настаълиқи берабти моил ба шикаста китобат шудааст, андоза: 7,34x2,12 (15,824);

б) Нусхаи № 1507, нусхаи навтари “Соқинома”, санаи китобат номаълум, бо хати настаълиқ китобат шудааст, андоза: 9,12x5,14 (15,824);

в) Нусхаи № 1508, нусхаи ҷурмдор, даҳ пора шеъри алоҳида, Оғоз:

*Ҳумори қасеро зи Қавсар шикаст,
Ки аз меҳри соқӣ-и гардида маст.*

11 байти он бо нусхаҳои дигари “Соқинома” мувофиқ аст (15,824). Соли 1079/1669 бо хати настаълиқ китобат шудааст, андоза: 7,14x4 (15,825);

14. Нусхаҳои осорхонаи “Бритиш музей”:

а) Нусхаи № 26,167, аз 4500 байт иборат аст, соли 1849 дар Лахнаву ҷопи сангӣ шудааст;

б) Нусхаи № 338, бо хатти шикастамонанд санаи 1096/1685 навишта шуда, бо хатҳои тилоӣ ва 11 минятура ороиш ёфтааст. Андоза: 7,34x4,12. Панҷ варақи оғоз ва чанде аз мобайн баъдтар бо дастон часпонида шудаанд (20,678);

15. Нусхаи китобхонаи “Бухар”-и Калкатта, № 376. Баъзе варақҳо дар оғоз нест ва маснавӣ якбора бо байти зерин оғоз мешавад:

*Бисозам ба он қасри гардунҷаноб,
Ки бар даргаҳаш Хизр поида об.*

Бо настаълиқи зебо китобат ва бо хатҳои ранга чудо гардидаву хошияву чадвал асосан бо ранги сурх оро ёфтааст. Дар чанд маврид ҷои сарлавҳа ҳолӣ мондааст. Китобат соли 1241/1825, андоза: 9,6x6,14 (19,278);

16. Нусхаи китобхонаи Донишгоҳи Кембриҷ, № 746. Бо хати настаълиқ санаи 1276/1859-60 китобат шудааст (13,122).

Дар баробари ин ки нусахи зиёди асари мавриди пажӯҳиши мо дар китобхонаҳои олам вучуд дорад, нусхаҳои мунтахаби он ҳам, хосса қисмати “Қасамнома” ё ба истилоҳи дигар “Қасамия”-и “Соқинома” арзи вучуд карда, ки бешак намоёнгари нуфузи вофири асари мазкурро нишон медиҳад. Беҳуда муҳаққиқон қисмати “Қасамия”-и Зухуриро аз беҳтарин қисматҳои он намешуморанд (5,222; 2,583-584). Аз ин рӯ, овардани чанд нусхаи ин қисмати “Соқинома”-и Зухурӣ ҳам аз аҳамият ҳолӣ нест:

Нусхаҳои китобхонаи Ганҷбахш:

а) Нусхаи № 2076, шомили фақат “Қасамнома” аз “Соқинома”-и Зухурист. Оғоз:

*Ба ширинии шаҳди кунҷи даҳан,
Ба ҷӯши асирони ҷоҳи зақан,
Ба дурпоиши оташи обдор,
Ба сарпечии сунбули тобдор;*

б) Нусхаи № 4641-7419, бо хати настаълиқ санаи 1826 китобат шудааст. Котиб: Мункат Рой, маҷмӯа, сах: 403-418, нахуст қасамномаест, ки ба соқинома меанҷомад (4,1672-1673).

Ғайр аз “Қасамия”-ҳои “Соқинома”-и Зухурӣ дигар нусхаҳои мунтахаби он ҳам дар китобхонаҳо мавҷуд мебошад, ки дар барқароркунии матни ин асар аҳамияти вижа дорад. Масалан, дар китобхонаи Донишгоҳи Исфаҳон нусхае аз “Мунтахаби “Соқинома”-и Зухурӣ” таҳти рақами 203 мавҷуд аст, ки бо хати настаълиқи зебо тақрибан дар асри нуздаҳ китобат шудааст. Он бо байти:

*Нигоҳаш бар он равшанӣ роҳ бурд,
Ки шаб бар тани зангиён мӯ шумурд.*

-оғоз шуда, аз 216 варақ ва 2967 байт иборат мебошад. Бояд зикр шавад, ки кормандони китобхонаи диҷитолии “Маҷмаи захоири ислонии Қум” онро нусхаи ноқиси “Соқинома”-и Зухурӣ пиндошта, қайд намудаанд, ки оғозу анҷоми ин нусха афтодааст. Аммо то он ҷо, ки роқими сутур болои ин нусха тааммул кард, он нусхаи талхисшудаи асари мавриди таҳқиқи мост, вале оғози он воқеан афтодааст. Анҷоми нусха бошад, нуқсон надорад ва бо байти машхури:

*Ки гардад ба ҳарфат суҳанҳо тамом,
Чу дар охири нома з-ӯ, вассалом.*

-ба итмом мерасад.

Дар арсаи адабиёти ғановатманди форсу тоҷик ханӯз осори мутааддиде боқӣ мондаанд, ки ниёз ба тасхеху танзими муҳаққиқони қиром доранд, ки “Соқинома”-и Зухурӣ аз ҷумлаи он аст. То он ҷо, ки роқими сутур оғаҳӣ дорад, нусхаи тасхехшудаи

он вучуд надорад. Аз ин рӯ, бархе нусахи хаттӣ ва чопи сангии онро муаррифӣ намудем, ки намоёнгари шухрати беандозаи ин асари ношинохтаи адабиёти форсу тоҷик аст.

Пайнавишт:

1. Акимушкин, О.Ф. Описание персидских и таджикских рукописей Института Востоковедения (Выпуск 10, поэтические сборники, альбомы).-Москва: Наука, 1993. -296с.
2. Зарринчин, Ғуломризо. Соқинома дар адаби форсӣ //Забон ва адабиёти донишқадаи Адабиёт ва улуми инсонии донишгоҳи Фирдавсӣ. 1355х. - № 47. –С. 571-586.
3. Мирзоев, А.М., Занд, М.И. Феҳрасти дастхатҳои шарқии Академияи фанҳои РСС Тоҷикистон. -Ҷ. 3. -Душанбе: Дониш, 1968. -238 с.
4. Мунзавӣ, Аҳмад. Феҳрасти нусхаҳои хаттии Ганҷбаҳиш, шумораи 48. -Лоҳур: Маркази таҳқиқоти форсии Эронӣ Покистон, 1980. -1924 с.
5. Ризой, Эҳтиром. Соқинома дар шеърӣ форсӣ. -Техрон: Амири Кабир, 1388х. -270 с.
6. Семёнов А.А. Собрание восточных рукописей. -Ташкент: АН УЗ ССР, 1954. -585 с.
7. Тастеҳӣ, Муҳаммадхусайн. Феҳрасти алифбоии нусхаҳои хаттии китобхонаи Ганҷбаҳиш (Аз оғози таъсис то кунун). -Исломобод: Маркази таҳқиқоти Эронӣ Покистон, 2005.
8. Феҳристи нусхаҳои хаттии форсӣ, шумораи 1. Китобхонаи умумии архиви Патиолаи Панҷоб. -Деҳлӣ: Молруд, 1999. -267 с.
9. Феҳристи нусхаҳои хаттӣ, № 3. Китобхонаи умумии Ҳардайл.-Деҳлӣ: Маркази таҳқиқоти форсии Ройзании Ҷумҳурии исломии Эрон, 1999. -130 с.
10. Феҳристи нусхаҳои хаттии форсӣ, шумораи 4. Китобхонаи Роҷаи Маҳмудобод. Маркази таҳқиқоти форсии Ройзании фаръангии сафорати Љумъурии исломии Эрон: бидуни соли нашр. -691 с.
11. Феҳристи нусхаҳои хаттии форсӣ, шумораи 5. Китобхонаи Донишгоҳи Љомия миллия исломия. -Деҳлӣ: Маркази таҳқиқоти форсӣ, 1999. -500 с.
12. Browne, Edward. A catalogue of the Persian manuscripts in the library of the University of Cambridge. –Cambridge, 1896.-471 p.
13. Browne, Edward. A supplementary Hand-list of the Muhammadan manuscripts preserved in the libraries of the university and colleges of Cambridge. –Cambridge, 1922. -348 p.
14. Edwards, Edward M.A. A catalogue of the Persian painted books in the British Museum. – London. -968 p.
15. Ethe, Hermann. Catalogue of Persian manuscripts in the library of the India office. Volume I. - Oxford, 1903. -1632 p.
16. Flugel, Gustav. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek. -Wien, 1867. -653 p.
17. Hyderabad catalogue, Persian, Urdu, Arabic books. V.III. -239 p.
18. Maulavi, Mirzo Ashraf Ali. A catalogue of the Persian books and manuscripts in the library of the Asiatic society of Bengel. Fasciculus I. –Calcutta, 1890. -200 p.
19. Maulavi, Qasim Hasir Radavi, Maulavi, Abd Ul-Muqtadir. Catalogue of the Persian manuscripts in the Buhar library. –Calcutta: Imperial library, 1921. -382 p.
20. Rieu, Charles. Catalogue of Persian manuscripts in the British Museum. Volume II. –London, 1881. -433-877 p.
21. Sachau, Ed., Ethe H. Catalogue of Persian, Tuekish, Hindustani and Pushtu manuscripts in the Bodleian Library. Part I. -Oxford. -1150 p.

-
22. Sprenger, A. *A catalogue of the Arabic, Persian and Hindustany manuscripts, of the libraries of the kings of Oudh. Vol. 1.* – Calcutta, 1854. -648 p.
 23. <http://library.ut.ac.ir/> (санаи муроҷуат: 20.05.2016)
 24. <http://www.ical.ir/> (санаи муроҷуат: 15.04.2016)
 25. <http://tehranlibrary.org/Farsi/Home/Index> (санаи муроҷуат: 15.04.2016)

Reference Literature:

1. Akimushkin O.F. *Description of Persian-Tajik Manuscripts by the Institute of Oriental Studies (issue 10, poetical collections, albums – Moscow: Science, 1993. – 296 pp.*
2. Zarrinchin, Ghulomrizo. *Soqinoma in Persian Literature // The Institute of Language, Literature and Humanitarian Studies under the University maned after Firdawsi. 1355 hijra. - # 47. – pp. 517 – 586.*
3. Mirzoyev, A.M., Zand, M.I. *Catalogue of Oriental Manuscripts of the Tajik SSR Academy of Sciences. V.3. - Dushanbe: Knowledge, 1968. – 238 pp.*
4. Munzavi, Ahmad. *Catalogue of Gangbakhsh's Written Copies. Issue 48. - Lohur: Persian Research Center between Iran and Pakistan, 1980. – 1924 pp.*
5. Rizoi, Ehtirom. *Soqinoma in Persian Poetry. - Tehran: Amir Kabir, 1388 hijra. – 270 pp.*
6. Semyonov A.A. *Collection of Oriental Manuscripts. – Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences, 1954. – 585 pp.*
7. Tastehi, Muhammadhusayn. *Alphabetic Catalogue of Written Copies kept in the Library of Ganjbakhsh (since the period of establishment up to nowadays). – Islamabad: Research Center between Iran and Pakistan, 2005.*
8. *Catalogue of Written Persian Copies. Issue 1. General Archive kept in the Library of Patiola, Panjob. – Dehli: Molrud, 1999. – 267 pp.*
9. *Catalogue of Written Copies, # 3. Haydayal Public Library under– Dehli: Research Center of Poyzanni under Islamic Republic of Iran, 1999. – 130 pp.*
10. *A Catalogue of Persian Written Copies, issue 4. Roja Mahmudobod's Library. Research Center of Poyzani Cultural Embassy under Islamic Republic of Iran: without date of publishing. – 691 pp.*
11. *Catalogue of Persian Written Copies. Issue 5. The Library of the University of Jomiya Milliya Islomiya. - Dehli: Persian Research Center, 1999. – 500 pp.*
12. Browne, Edward. *Catalogue of the Persian Manuscripts in the Library of the University of Cambridge. –Cambridge, 1896.-471 pp.*
13. Browne, Edward. *A Supplementary Hand-list of Muhammadan Manuscripts Preserved in the Libraries of the University and Colleges of Cambridge. – Cambridge, 1922. -348 pp.*
14. Edwards, Edward M.A. *A Catalogue of the Persian Painted Books in the British Museum. – London. - 968 pp.*
15. Ethe, Hermann. *A Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office. V.I. - Oxford, 1903. - 1632 pp.*
16. Flugel, Gustav. *Die Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek. - Wien, 1867. - 653 pp.*
17. *Hyderabad Catalogue, Persian, Urdu, Arabic Books. V. III. - 239 pp.*
18. Maulavi, Mirzo Ashraf Ali. *Catalogue of Persian Books and Manuscripts in the Library of the Asiatic Society of Bengel. issue I. – Calcutta, 1890. - 200 pp.*

-
19. Maulavi, Qasim Hasir Radavi, Maulavi, Abd Ul-Muqtadir. *Catalogue of Persian Manuscripts in Buhar Library*. – Calcutta: Imperial Library, 1921. - 382 pp.
 20. Rieu, Charles. *A Catalogue of Persian Manuscripts in the British Museum. V. II*. – London, 1881. – pp. 433 - 877.
 21. Sachau, Ed., Ethe H. *Catalogue of Persian, Tuekish, Hindustani and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library. Part I*. - Oxford. - 1150 pp.
 22. Sprenger, A. *Catalogue of Arabic, Persian and Hindustany Manuscripts of the Libraries of the Kings of Oudh. V.1*. – Calcutta, 1854. - 648 pp.
 23. <http://library.ut.ac.ir/> (date of addressing: 20.05.2016)
 24. <http://www.ical.ir/> (date of addressing: 15.04.2016)
 25. <http://tehranlibrary.org/Farsi/Home/Index> (date of addressing: 15.04.2016)

МУНДАРИЧА СОДЕРЖАНИЕ

07 00 00 ИЛМҲОИ ТАҒРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ 07 00 00 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

07 00 02 Отечественная история	5
<i>Исомитдинов Ж.Б. Аз таърихи ташаккул ва густариши бародаршаҳрӣ байни шаҳрҳои Тоҷикистон ва Русия</i>	5
<i>Шарипов М.М. О начальном этапе противоборства представителей династии Гуридов с Газневидами в XI веке</i>	12
<i>Кабиров З.З. Таъриби таърихи иштироки ҷавонон дар сохтмони нерӯгоҳҳои барқии обии Тоҷикистон</i>	20
07 00 15 История международных отношений	30
<i>Алиева Р.Р. Приоритетные направления таджикско-российских отношений на рубеже XX-XXI вв.</i>	30

09 00 00 ИЛМҲОИ ФАЛСАФА 09 00 00 ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

09 00 13 Философская антропология, философия культуры	42
<i>Исмоилова Д. Методологические аспекты сохранения культурного наследия и его актуализации в современном социокультурном пространстве</i>	42

10 00 00 ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГИЯ 10 00 00 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

10 02 20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	51
<i>Тағоева Т.М. Структурные модели субстантивных словосочетаний с количественным отношением в таджикском и английском языках</i>	51
<i>Саидходжаева М.Н. Особенности передачи фразеологических предложений с таджикского языка на русский язык</i>	57
10 02 22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии Африки, аборигенов Америки и Австралии	64
<i>Ғиёсов Н.И., Низомиддинова Р. А. Истилоҳоти тиббӣ дар фарҳанги «Донишномаи Қадархон»</i>	64
<i>Хамробоев Н.А. Перевод «Шараф-ан-Наби» Наджмуддина Рованди</i>	75
<i>Абодуллоева С.Ю. Этнонимические названия в «Маснави-и Ма`нави» Джалял ад-Дина Руми</i>	83
<i>Сайфутдинова М. Р., Хоҷаева М. О. Чанд мулоҳиза дар бораи жаргонвожаҳои лаҳҷаи Хуҷанд</i>	92
<i>Шарифова У. Нигоҳе ба таҳаввули ташаккули жанри ҳикоя дар насли классикии форсу тоҷик</i>	101
<i>Раҳматов Б.А. Муаррифии нусхаҳои хаттии “Соқинома”-и Зӯҳурии Туршезӣ</i>	107

CONTENTS

07 00 00 HISTORICAL SCIENCES and ARCHEOLOGY

07 00 02 Home History	5
<i>Isomitdinov Zh.B. From the History of Formation and Development of Sisterhood between the Cities of Tajikistan and Russia</i>	5
<i>Sharipov M. M. On Initial Stage of Confrontation Between the Representatives of Gurids Dynasty and Gaznevids in the XI-th Century</i>	12
<i>Kabilov Z.Z. Historic Experience of Youth Participation in Construction of Hydropower Stations in Tajikistan</i>	20
07 00 15 History of International Relations	30
<i>Aliyeva R.R. Priority Streamlines of Tajik-Russian Relations at the Junction of the XX-th – the XX-st Centuries</i>	30

09 00 00 PHILOSOPHICAL SCIENCES

09 00 13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture	42
<i>Ismailova D. Methodological Aspects of Cultural Heritage Preservation and its Actualization in Modern Social-Cultural Space</i>	42

10 00 00 PHILOLOGICAL SCIENCES

10 02 20 Comparative-Historical, Typological and Correlative Linguistics	51
<i>Taghoyeva T.M. Structural Models of Substantive Phrases with Quantitative Relation in Tajik and English</i>	51
<i>Saidkhoyayeva M.N. The Peculiarities of Translation of Phraseological Sentences from Tajik into Russian</i>	57
10 02 22 Languages of Foreign Countries Peoples of Europe, Asia, Africa, Natives of America and Australia	64
<i>Giyasov N. I., Nizomiddinova R.A. Medical Terminology in «Donish-Name» Kadarkhon Dictionary</i>	64
<i>Hamroboyev N.A. Translation of «Sharaf un-Nabi» by Najmuddin Rovandi</i>	75
<i>Abodulloeva S.Y. Ethnonymic Names in «Masnavii Ma'nawi» by Jaloliddin Rumi</i>	83
<i>Sayfitdinova M.R, Khodjayeva M.O. On Slangy Vocabulary in Khujand Dialect</i>	92
<i>Sharifova U. Outlooks Concerned with Short Story Genre Evolution in Classical Persian-Tajik Prose</i>	101
<i>Rakhmatov B.A. On «Saki-name» Manuscript Lists by Zuhuri Turshezi</i>	107

БАРОИ ИТТИЛОЪ:

Мачаллаи «Ахбори ДДХБСТ» нашрияи илмӣ-назариявии Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон буда, аз силсилаи илмҳои ҷомеашиносӣ ва гуманитарӣ иборат мебошад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори умум» ба нашр омода мешавад.

Аҳдофи мачаллаи илмӣ тақризишавандаи «Ахбори ДДХБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ»

- инъикоси саривактии натиҷаҳои фаъолияти тадқиқотии олимони ҶТ, ҳамчунин олимони мамолики хориҷаи наздику дур тибқи соҳаҳои зерини илм: улуми таърихшиносӣ, улуми фалсафа, улуми филология;
- инкишофи ҳамкориҳои байналхалқӣ дар соҳаи таърихшиносӣ, фалсафа ва филология;
- ба муҳаққиқон фароҳам сохтани имкони наشري натиҷаҳои ҷустуҷӯҳои илмӣ;
- инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори улуми таърихшиносӣ, фалсафа ва филология;
- ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоию иқтисодии ҶТ умуман ва минтақаҳои он;
- тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмӣ тадқиқотии олимони ДДХБСТ, ҳамчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои маорифу илми ҶТ.

Шартҳои наشري мақола дар мачаллаи «Ахбори ДДХБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ»

- ҳайъати таҳрири мачалла мақолаҳои илмӣ, тақризҳо, обзорҳои илмӣ қаблан дар нашрияҳои ҷопию электронӣ нашрнашударо барои баррасию нашр қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаҳои дастовардҳои тадқиқоти бунёдии назарӣ амалиро оид ба соҳаҳои дониш дар улуми таърихшиносӣ, фалсафа ва филология дарбар гиранд;
- қарор дар бораи нашр ё радди нашр дар асоси муҳимият, навоҷарӣ ва аҳамияти илмӣ маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;
- муаллиф (ҳаммуаллиф) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмӣ пешниҳодгардида ва ҳамаи додаҳои, ки мақола, обзорҳо ва тақризҳо дар бар мегиранд, ба зимма доранд;
- ҳамаи маводи ба идораи мачалла омада ҳатман дар сомонаи antiplagiat.ru мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайати таҳрир муаллиф (ҳаммуаллиф)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;
- мақола, обзор ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонаи antiplagiat.ru ба мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохилӣ ирсол мегарданд;
- мақолаҳои ба тақризи дохилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонаи мачалла: www.vestnik.tj зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;
- агар дар тақриз оид ба ислоҳу такмили мақола тавсияҳо пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному насаби ӯ) барои такмилу ислоҳи мавод ирсол мешавад;
- муаллиф маводи такмилдодаро ба идораи мачалла мефиристад ва идора онро якҷоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи тақрорӣ мефиристад.
- ҳайати таҳрир ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани мӯҳтавои илмӣ он ҳақ дорад. Ҳамаҳои имлоию услубиро мусахҳеҳ бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллиф) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллиф) мувофиқа карда мешавад;
- варианти барои такмил ба муаллиф (ҳаммуаллиф) фиристода бояд дар мӯҳлати муқарраргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва ҷопӣ ба идора баргардонда шавад;
- мақолаҳое, ки ба ҷоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллиф) баргардонда намешаванд. Дар мавриди радди ҷопи мавод идораи мачалла ба муаллиф (ҳаммуаллиф) раддияи муаллал ирсол мекунад;
- тибқи дархости шӯроҳои коршиносии КОА ВМИФР идораи мачалла ба онҳо тақризхоро пешниҳод мекунад.

Талабот ба таҳияи мақолаҳо (обзорҳо, тақризҳо), ки ба маҷаллаи илмӣ назариявии «Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ» барои ҷоп ирсол мегарданд

1. Барои ҷойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва обзорҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмӣ **07 00 00 – илмҳои таърих ва археология; 09 00 00 илмҳои фалсафа; 10 00 00 илмҳои филология**, ки қаблан дар ҳеч ҷой ҷоп нашудаанд, қабул мегарданд.

2. Муаллифон ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

- матни мақола ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ҳатталимкон бо тарҷумаи русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар гунаи ҷопии он муаллиф (ҳаммуаллиф) имзо гузоштаанд;
- тақризи доктор ё номзади илм, ки ба он шӯъбаи кадрҳои ҷои кори муқаррир мӯҳр гузоштааст;
- маълумотнома аз ҷои таҳсил (барои аспирантҳои магистрантҳо)
- гунаи ҷопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғаи зерин ирсол мешавад: 735700, ҶТ, вилояти Суғд, ш. Хучанд, микроноҳияи 17, бинои 1, ДДХБСТ, бинои асосӣ, утоқи 307

Гунаи электронии мақола ба почтаи электронии info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru ирсол мешавад. Телефон барои маълумот: 8 (3422) 2-05-63; суроғаи сомона www.vestnik.tj

Тибқи талаботи ҚОА ВМИ ФР мақола бояд унсурҳои зеринро дарбар гирад:

- индекси УДК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);
- индекси ББК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);
- ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллиф) ба забонҳои русӣ англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;
- унвони илмӣ, дараҷаи илмӣ муаллиф (ҳаммуаллиф), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯӣ), ки тадқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои русӣ англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;
- аспирантон унвонҷӯён, муаллифон, докторантҳо номи кафедра ва муассисаи илмиро (магистрантҳо – самти тайёриро) ба забонҳои русӣ англисӣ ё тоҷикию русӣ англисӣ зикр мекунанд;
- зикри мансаб, ҷои кор, шахру мамлакат ба забонҳои русӣ англисӣ ё тоҷикию русӣ англисӣ;
- e-mail;
- номи мақола ба забонҳои русӣ англисӣ, ё тоҷикию русӣ англисӣ (бо ҳарфҳои калон, ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman TJ 14, тароз дар марказ);
- ҷакида ба забонҳои русӣ англисӣ (ҳуруфи Times New Roman), аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни мухтасари кор ва хулосаҳои асосие, ки навоариҳои илмӣ корро дар бар мегирад;
- вожаҳои калидӣ ба забонҳои русӣ англисӣ оварда мешаванд (5-7 калима ё ибора, ки ду ё се вожаро дарбар мегирад; ҳуруфи Times New Roman 14, тарҳаш – курсив, тароз дар бар, вожаҳои ё ибораҳои калидӣ бо вергул аз ҳам ҷудо карда мешаванд);
- ба мақола ҳатман номгӯи маохизи мавриди истифода бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида замида мешавад; Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назардошти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиштани рӯйхати мазкур тартиби ҳуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд риоя шавад;
- иқтибосҳо дар қавсӣ бо қайди рақами адабиёт аз рӯи рӯйхати сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шаванд;
- матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳой маҳсуб шуда, бояд пурра аз назари таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат тоза бошад.

Мақолаҳое, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти салоҳият, бозғимодии аснод ва мӯҳтавои мақолот бар дӯши муаллифон ва муқарризон мебошад.

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Вестник ТГУПБП» - научно-теоретический журнал Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, публикующий материалы серии общественных и гуманитарных наук, издаётся согласно закону Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

Целями научного рецензированного журнала «Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук» являются:

- оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья по следующим отраслям науки: филологические науки, исторические науки и археология, философские науки;
- развитие международного сотрудничества в сфере языкознания, литературоведения, истории и археологии, философии;
- предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;
- освещение актуальных проблем и перспективных направлений филологических, исторических и философских наук;
- поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;
- пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

Условия публикации статей в журнале «Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук»:

- редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации ранее не опубликованные в печатных и электронных изданиях научные статьи, рецензии, научные обзоры, отзывы, содержащие научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям знания: филологические науки, исторические науки и археология, философские науки;
- решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов;
- авторы (соавторы) несут всю полноту ответственности за достоверность представляемой научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях;
- все представленные в редакцию журнала материалы в обязательном порядке проходят проверку на сайте antiplagiat.ru, после чего редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о приёме материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования;
- поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии в случае положительного ответа после проверки на сайте antiplagiat.ru направляются на внутреннее рецензирование с целью их экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки;
- статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям, которые размещены на сайте журнала: www.vestnik.tj;
- если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала;
- доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний;
- Редколлегия имеет право на редактирование статей без изменения её научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами);
- вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде;
- статьи, не принятые к опубликованию, автору (авторам) не возвращаются. В случае отказа от публикации материала редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ;

- редакция предоставляет рецензии по запросу экспертным советам ВАК МОН РФ.

Требования к оформлению статей (обзоров, отзывов, рецензий), присылаемых для публикации в научно-теоретический журнал «Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук»

1. Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: **07 00 00 – Исторические науки и археология; 09 00 00 – Философские науки; 10 00 00 – Филологические науки.**

2. Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

- текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;
- рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;
- справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 735700, Республика Таджикистан, Согдийская обл., г. Худжанд, 17 мкр-н, д.1, ТГУПБП, главный корпус, каб. 307. Электронные версии – по адресу электронной почты: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru. Телефон для справок: 8 (3422) 2-05-63; адрес сайта: www.vestnik.tj

В соответствии с требованиями ВАК МОН РФ, статья должна содержать:

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты – направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- e-mail;
- название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);
- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);
- ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);
- статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.

- ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются.

За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

TO THE NOTICE OF THE AUTHORS

“**Bulletin of TSULBP**” is a scientifico-theoretical journal of the Tajik State University of Law, Business and Politics which publishes the materials referring to the series of the humanities is it edited in pursuance with the law of Tajikistan Republic “On Press and Mass-Media”.

The Objective of the Scientific Reviewed Journal « Bulletin of TSULBP, Series of Humanitarians Sciences» are:

- operative elucidation of the results related to the research activities of the scholars living both in Tajikistan Republic and in the countries of far and near abroad on the following branches of sciences: philological sciences, historical sciences and archeology, philosophical sciences;
- development of international collaboration in the spheres of linguistics, literary criticism and archeology, philosophy;
- providing researchers with availabilities of publishing the results of scientific explorations;
- elucidation of actual problems and prospective trends in philological, historical and philosophical sciences;
- quest of new knowledge for spiritual and social development of the population of Tajikistan Republic upon the whole and its separate areas in particular;
- propaganda of the achievements of scientific-research activities obtained by the scholars of the Tajik State University of Law, Business and Politics and also by those ones working in other higher schools and institutes of education and science of Tajikistan Republic.

Terms and Conditions of Publication of Articles in the Journal “Bulletin of TSULBP, Series of Humanitarians Sciences”

- the journal editorial board accepts for consideration and publication scientific articles, reviews, scientific surveys, comments reflecting scientific opinions, results and achievements of fundamental theoretical and applied researches on the following branches of knowledge: linguistics, literary criticism and archeology, philosophy:
- solution on publication or on refuse in it is adopted according to the character of the materials submitted: their actualness, novelty and scientific significance;
- an author (authors) bears (bear) all the completeness of responsibility for authenticity of the presented scientific information and all the data contained in articles, commentaries, surveys and reviews;
- all the materials submitted to the editorial board are subjected to compulsory monitoring on **antiplagiat.ru** site after what the editorial board notifies authors (co-authors) about the results of a manuscript assessment and informs about an acceptance of materials for further review or about refuse in it;
- articles, commentaries, surveys and reviews in case of a positive answer after the monitoring in question are referred to internal review with the aim of their expertise assessment by leading specialists in a respective branch of knowledge;
- articles admitted to internal review should be framed in full correspondence with the requirements for the publications allocated on the journal site: www.vestnik.tj;
- If a review contains recommendation on corrections or improvement remarks and suggestions of a reviewer (without information about him\ her) it is sent to the author (authors);
- an improved material is submitted to the editorial board and referred to the second review together with the author's answer on every item of remarks;
- the editorial board has a right for recension of articles without changing its scientific contents. Spelling and stylistic mistakes are corrected by a proof-reader without coordination with an author (authors);
- a variant of the article sent to author (authors) for improvement should be returned to the editorial board in a stipulated term with amendments and alterations in the terms of a hard copy and e.mail.ru;
- articles non-accepted for publication are not returned to the author (authors). In case of refusal in publication the the editorial board sends a motivated rejection to the author (authors);
- the editorial board gives reviews to RF ESM HAC (Higher Attestation Commission under Education and Science Ministry of Russian Rederation) expert councils if requested.

Requirement for Framing Article (Surveys, Commentaries, Reviews) Sent for Publication into the Scientific-Theoretical Journal (Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics, series of Humanitarian Sciences)

1. For allocation the journal accepts scientific articles (surveys, commentaries, reviews) on respective scientific specialties never published anywhere before: **07 00 00 – Historical sciences and archeology; 09 00 00 – Philosophical sciences; 10 00 00 – philological sciences.**

The following papers ought to be submitted by authors to the editorial board compulsorily:

- the text of the article (in Russian and English, with Russian translation) or in Tajik with an obligatory author's (authors') signature (-s) on a hard copy of the article;
- a review of Dr. or Candidate of sciences certified in a staff registration office under the establishment of a reviewer's place of work;
- certificate from the place of studies (for post-graduates and master's degree students).

Hard copies of documents are sent to the editorial board according to the address: 785700, Tajikistan Republic, Sughd viloyat, Khujand, microdistrict 17, building 1, TSULBP, main building, office 367. Electronic versions – e-mail address: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru. Telephone for reference, 8 (3422) 2-05-63, site address, www.vestnik.tj.

In accordance with RF ECM HAC requirements the article should contain:

- UDC index (to be located at the beginning of the article by a separate line from the left);
- LBC index (to be located ibidem);
- author's last name, first name, patronymic, nomination and code of scientific speciality (according to the range) the research is conducted - in Russian, English or Tajik, Russian and English;
- post-graduates, claimants for Candidate and Doctoral's degrees, teachers specify a department and an educational establishment (master's degree students specify speciality of learning) in English or Tajik, Russian and English;
- position, place of work, city, country should be presented in Russian and English, or in Tajik, Russian and English;
- E-mail.ru;
- the title of the article in Russian and English or in Tajik, Russian and English (in capital letters, **print Times New Roman 14** or **Times New Roman Tj 14**, center alignment);
- abstract in Russian and English (**print TNR 14**), italics alignment, width alignment in the range of 100-250 words with indication of goals and objectives of research, brief course of work and major conclusions containing scientific novelty;
- key words in Russian and English (5-7 words or word-combinations of two or three words, through a comma, **print TNR 14**, italics alignment, width alignment);
- the article should compulsorily contain a list of reference literature with indication of cited works only.
- The list of literature is adduced at the end of the article with a general amount of pages of the original source. The bibliographical list of the literature used is framed in alphabetical order in concordance with **GOST** (State Standard).
- references are given in brackets where you should indicate the number of the used original source according to the literature list followed by a cited page.

Articles are accepted throughout a year. The editorial board is entitled to the right of selection in reference to materials and of reduction in regard to the article bound to being published.

The text of the manuscript sent is to be a final one, it must have been verified and corrected thoroughly. Articles sent to the editorial board with violation of the above-mentioned requirements are not accepted for consideration.

Full responsibility for competence and contents of the materials published rests on authors and reviewers.

Editorial-board of the journal

Ахбори ДДХБСТ.
Силсилаи илмҳои гуманитарӣ
 2016, №2 (67) 124 с.
Мухаррирон: Шамурадова
 О.Б. (муҳаррири русӣ),
 Балтина С.П.
 (муҳаррири англисӣ)
Мухаррири техникӣ:
 Ҳакимхоҷаева М.К.

Вестник ТГУПБП.
Серия гуманитарных наук
 2016, №2 (67) 124 с.
Редакторы: Шамурадова О.Б.
 (редактор материалов на
 русском языке)
 Балтина С.П.
 (редактор-переводчик)
Технический редактор:
 Хакимходжаева М.К.

Bulletin of TSULBP.
Series of Humanitarian Sciences
 2016, №2 (67) 124 с.
Editors:
 Shamuradova O.B.
 (Russian texts)
 Baltina S.P.
 (English texts)
Technical editor:
 Khakimkhojayeva M.K.

Суроғаи маҷалла: 735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Хучанд, микроноҳияи 17, бинои 1, ДДХБСТ.
 Тел. сармуҳаррир: 8(3422)2-38-11, тел. идора: 8(3422) 2-05-63;
 e-mail: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru

Ҷунали электронии маҷалла дар сомонаи www.vestnik.tj ҷойгир аст.

Адрес редакции: 735700, Республика Таджикистан, г. Худжанд, 17 мкр, дом 1, ТГУПБП.
 Тел. гл.редактора: 8(3422)2-38-11, тел. редакции: 8(3422) 2-05-63;
 e-mail: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru

Электронная версия журнала размещена на сайте www.vestnik.tj

Address of the editorial-board: 735700, Tajikistan Republic, Khujand, microdistrict 17, building 1, TSULBP.
 Editor-in-chief's telephone: 8 (3422) 2-38-11, editorial board's telephone: 8 (3422) 2-05-63
 e-mail: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru

Full textual version of the journal is placed on site www.vestnik.tj

Ба ҷопаш 17.06.16 имзо шуд. Андоза 84x108/16. Ҷоғози офсет. Ҷопи офсет. 13 ҷ.ч.
 Теъдоди нашр 420 адад. Супориши №139. Нарҳаш шартномавӣ.

Нашриёти «Нури маърифат»-и ДДХ ба номи акад. Б.Ғафуров, 735700, ш. Хучанд, кӯчаи Ленин, 52

Парки технологияи ДДХБСТ

Подписано в печать 17.06.16. Формат 84x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. 13 п.л.
 Тираж 420 шт. Заказ № 139. Цена договорная.

Издательство «Нури маърифат» ХГУ им акад. Б.Ғафурова, 735700, г. Худжанд, ул. Ленина, 52

Технологический парк ТГУПБП

Signed for printing 17.06.16. Format 84x108/16. Paper offset, offset print. Circulation 420 copies.
 Order № 139. Price on contractual agreement

The publishing house “Nuri ma`rifat”, 735700, Khujand, Lenin`s street # 52

The publishing house”Technopark” TSULBP

Напечатано согласно предоставленному редакцией оригиналу-макету